

РУССКИЕ ПЛАЧИ КАРЕЛИИ

28807/1

*Подготовка текстов и примечания М. М. МИХАЙЛОВА
Статьи Г. С. ВИНОГРАДОВА и М. М. МИХАЙЛОВА*

Под редакцией проф. М. К. АЗАДОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЁТРОЗАВОДСК

1940

Отв. ред. *М. К. Азадовский*

Техн. ред. *Б. Я. Бибер-Сендер*

Сдано в набор 13/IV 1940 г. Под-
писано к печати 15/VII 1940 г.
Печ. лист. 20¹/₈ Форм. бумаги
60×92. В 1 печ. л. 16 тыс. зн.
Уч.-авт. л. 23,5. Уп. Главлита
КФССРВ-3972. Госиздат КФССР
№ 59. Зак. № 3217. Тир. 10.000.

Типограф. арт. „Сов. Печатник“.
Ленинград, Моховая, 40.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Совершенно незаслуженно один из важнейших видов устного народного творчества — причитания или плачи до сих пор не нашли к себе достаточного внимания, как со стороны исследования, так и со стороны публикации. После двухтомного издания северных причитаний Е. В. Барсова („Причитания Северного края“, М., т. I—II, 1872—1882) и книги, посвященной исследованию и публикации ленских причитаний, М. К. Азадовского („Ленские причитания“, Чита, 1922) до настоящего времени новых публикаций в виде отдельных изданий не было. Таким образом, наш сборник в третий раз предлагает вниманию широкого читателя и специалистов русские народные плачи.

Сборник предназначается главным образом для широкого читателя. Этим определяется и состав сборника и характер подготовки текстов к печати.

В сборник вошли в основном те причитания, которые и по содержанию и по форме стоят на достаточно высоком уровне мастерства. Тексты печатаются с соблюдением только основных особенностей местного произношения. Не сохранены отклонения от норм литературного языка в произношении, которые характерны не только для диалектов, но и для произношения в литературном языке вообще (редуцированные гласные, безударные окончания и т. д.), отклонения в падежных окончаниях сохранены только там, где этого требуют созвучия.

Сборник составлен из русских причитаний, записанных на территории Карельской АССР в последние 2—3 года (исключение составляют 2 причитания Ф. И. Титовой, записанные в 1912 г.).

Книга имеет 3 отдела: 1. Похоронные и бытовые причитания, 2. Свадебные причитания, 3. Плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза.

В первом отделе значительная часть причитаний, хотя и записана в последние годы, сложена значительно раньше (в момент смерти близкого или по другому бытовому поводу). Поэтому они несут на себе все черты своего времени. Чтобы подчеркнуть эволюцию характера причитаний, тексты в отделе расположены, в основном, в порядке хронологическом. В примечаниях к каждому тексту указывается не только время записи, но и время возникновения. Большой интерес представляют бытовые причитания. Насколько нам известно, публикации бытовых причитаний чрезвычайно редки. В нашем сборнике к ним относятся причитание по сыну, увезенному на лечение — А. М. Пашковой, ее же причитание о пожаре, причитания на ужбище наваг и на сенокосе — Е. А. Петуховой, причитание П. М. Гордеевой о выходе сыновей из состава семьи, причитания об одинокой доле — М. М. Матвеевой и У. Г. Наумовой.

Во второй отделе вошли свадебные причитания А. Т. Зуевой и М. Ф. Павковой. Кроме желания дать некоторые образцы близкого по поэтике похоронным причитаниям жанра, нами руководило и стремление полнее представить плачевое творчество двух воплощен, знаменитых в своих местах главным образом, как бывших свадебных подголосниц. Это, нам кажется, будет способствовать более лучшему пониманию и их творчества и поэтики похоронных причитаний вообще.

В 3-й отделе вошли плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза. Большая их часть публикуется впервые.

КАРЕЛЬСКАЯ ПРИЧЕТЬ В НОВЫХ ЗАПИСЯХ

I

В истории русской фольклористики Карелия занимает исключительное место — не только потому, что она дала науке количественно богатые и качественно изумительные памятники народного поэтического творчества, но и по той причине, что материалы, добытые именно в этой стране, обеспечивают ученому возможности наиболее плодотворно ставить на разрешение историко-литературные вопросы теоретического характера. Не напрасно названная „Исландией русского эпоса“, Карелия хранила и продолжает хранить русскую былевую поэзию не один век. Памятники эпического творчества, собранные здесь, известны в передаче не одного поколения сказителей.

Почти то же можно сказать о другом виде народной поэзии — о плачах, или причитаниях. Самое большое число превосходных памятников этого жанра записано в Карелии. Не выходя из географических границ этой страны, ученый наблюдает причет через равномерные промежутки времени на протяжении целого столетия.

Начало наблюдениям над причетью в Олонецком крае положено в конце тридцатых и начале сороковых годов прошлого века основателем Московского Этнографического Музея — Дашковым. После двухгодичного пребывания в 6. Олонецкой губернии он „вывез оттуда много любопытных материалов“, в том числе — наблюдений над обрядностью, связанной с исполнением плачей.¹

Прошло пятнадцать лет, прежде чем у Дашкова нашлись продолжатели. Первым из них был Конст. Петров, давший описание вытегорского обряда оплакивания и сообщивший отрывки причитаний,² а затем знаменитый Рыбников, опубликовавший десять текстов „заплачек“ из Повенецкого края, из Пудожского и других

¹ В. А. Дашков, „Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении“. Спб., 1842, стр. 212—214, 216—217. Кроме описания похоронного обряда, приведен текст причитания. Этому же автору принадлежит статья „Похоронные обряды олонецких губерний“ (Олонецкие губернские ведомости, 1844, № 5).

² Конст. Петров, „Плаксы и причитания в Олонецкой губернии“ (Лучи. Журнал для девиц, т. XVIII. Спб., 1858, отд. 2, стр. 242—251). Позднее автор напечатал „Заплачки и причитания в Олонецкой губернии“ (Олонецкие губернские ведомости 1863, №№ 3 и 4).

мест б. Олонецкой губернии, и снабдивший их объяснительной статьей.¹

Эти записи текстов и статьи только позднее остановили на себе внимание, а в момент их появления прошли почти незамеченными.² Дело резко изменилось через следующие полтора десятилетия, когда в свет вышел труд Барсова,³ за несколько лет перед тем напечатавшего небольшое число текстов „заплачек“ в провинциальном издании.⁴ Книга Барсова составлена почти исключительно из причитаний Ирины Федосовой — вопленицы, не знавшей соперниц в своем искусстве ни до, ни после себя. В записях Дашкова, Петрова и Рыбникова ни одна олончанка не давала плача, переходящего своим объемом сотню стихов (строк); семнадцать текстов Федосовой заняли в книге Барсова почти триста страниц; некоторые ее плачи переходили за тысячу стихов. Они представляли собою подлинныя поэмы, насыщенные богатым содержанием и построенные с изумительным мастерством. Такой вопленицы не знала ни одна литература — ни итальянская, ни сербская, хотя итальянская (корсиканская) и черногорская причеть издавна пользуются широкой известностью.

Имя „олонецкой плакальщицы“, промелькнувшее незадолго перед тем в газетах,⁵ теперь стало известно не только у нас, но и за рубежом. Книга Барсова вызвала появление специальной литературы; о ней и по поводу ее высказались авторитетные ученые: Л. Н. Майков,⁶ А. Н. Веселовский,⁷ А. Ф. Бычков,⁸ Ральстон⁹ и др.¹⁰ Плачи Федосовой и суждения ученых о них вошли в статьи энциклопедических словарей, в университетские лекции, учебные руководства¹¹ и послужили поводом к поискам воплениц в других местах страны.¹²

После этой книги приток материалов о „северных“ вопленицах на некоторое время уменьшился до почти полного прекращения.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, часть III. Петрозаводск, 1864, стр. 410—424.

² Любопытно отметить, что „Русский энциклопедический словарь“ Березина (отд. III, том IV. Спб., 1876, стр. 526, под словом: „причитанье“) не упоминает об этих трудах.

³ „Причитанья Северного края“, собранные Е. В. Барсовым. Часть I. М., 1872.

⁴ Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 30; 1868, № 45, и др.

⁵ Олонецкие губернские ведомости. 1870, № 62; Современные известия [московская газета], 1870, № 212.

⁶ Его рецензия напечатана в Журнале мин. народн. просв., 1872, XII, стр. 388—399.

⁷ A. N. Wesselofsky, „Die neuern Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Die russischen Todtenklagen“ (Russische Revue III. 1873. SS. 487—524).

⁸ В отчете о XVI присуждении наград гр. Уварова. Спб., 1874, стр. 191—193.

⁹ Ralston, „Laments of the Northern District. Collected by E. V. Barsof. Vol. I. (The Academy. Vol. III, № 61. 1872, pp. 443—444).

¹⁰ Подробные указания на литературу — в „Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых“ Венгерова, под сл.: Барсов (т. II, стр. 164, 170—171).

¹¹ Ср. высказывания по этому поводу М. К. Азадовского, в его труде — „Ленские причитания“, Чита, 1922, стр. 10 и сл.

¹² Ср. С. Бриаловский, „Похоронные причитания южного края“ (Русский Филол. Вестник, 1884, IV, стр. 181 и сл.)

В следующий пятнадцатилетний промежуток времени (до выхода в свет книги Агреновой-Славянской) в распоряжение ученых поступили только записи Льва Малиновского из Воезерского прихода.¹ Главную „вкладчицей“ в труд Агреновой-Славянской² явилась снова Ирина Федосова — уже восьмидесятилетняя старушка. Новая книга давала в науку сравнительно немного; заключающиеся в ней тексты причитаний (стр. 1—70) не могли бы, по словам рецензента, „соперничать с теми, которые напечатаны были Е. В. Барсовым“.³ „Все преимущество“ этого издания — „в мелодиях“.

Последнее десятилетие прошлого столетия мало обогатило тему о причитаниях новыми сведениями и записями. Это были небольшие публикации Истомина⁴ и Мельницкого.⁵ Для полноты обзора можно назвать еще статью, преследующую цели популяризации сведений об „олонецких плачах и причитаниях“.⁶

Таким образом, уже в прошлом столетии мы имеем ряд записей причитаний из разных мест Карелии, при чем самым ярким явлением были тексты Ирины Федосовой. Между ее плачами и причитаниями других воплениц — не только в отношении объема, но и в отношении построения и общего характера — ощущалось большое расстояние, вызывавшее желание найти в чем-либо творчестве промежуточное звено. Федосова — вопленица с западного побережья Онежского озера. Являлось желание узнать является ли ее родина и „место действия“ — единственным местом процветания плачей. Эти желания в известной мере были удовлетворены в начале нового столетия.

В 1902—1911 годах появилось несколько небольших работ Шайжина, давших русской фольклористике три имени талантливых воплениц: Богданову, Конихину, Ланеву.⁷ Плачи Богдановой

¹ Лев Малиновский, „Причитанья или заплачки по умершим“ (Олонецкий сборник, вып. II. Петрозаводск, 1886, отдел II, стр. 42—47). Прежде — в Олонецких губернских ведомостях, 1878, № 81.

² О. Х. Агренова-Славянская, „Описание русской крестьянской свадьбы е текстом и песнями. Часть III. Плачи и причитанья по умершим и по рекруткам...“ Тверь, 1889.

³ Ор. Ф. Миллер, „О книге, посвященной быту русского народа“ (Русская старина, 1889, т. 63, июль—сентябрь, стр. 673).

⁴ Фед. Истомин, „О причитаниях и плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губерниях“ (Живая старина, 1892, III, стр. 139—145).

⁵ Александр Мельницкий, „Говор жителей северо-восточной части Вытегорского уезда...“ (Живая старина, 1893, III, стр. 391—392).

⁶ [П. Т. Виноградов?], „Олонецкие плачи и причитания“ (Олонецкие губернские ведомости, 1896, №№ 34, 36 и 39).

⁷ Н. С. Шайжин, „Похоронные обычаи и приплачь в с. Нигижиме Пудожского уезда“ (Олонецкие губернские ведомости, 1902, №№ 119—124); „Приплачь вдовы по муже, убитом на Дальнем Востоке“ (там же, 1905, №№ 107 и 109); „Приплачь вдовы по муже, погибшем в Киваче при сплаве леса“ (в брошюре Шайжина „Олонецкие водопады... в описаниях туристов“, Петрозаводск, 1907, стр. 44—49. См. рецензию Вл. Богданова в Этнографическом обозрении, 1907, № 3, стр. 127—129); „Похоронные причитания Олонецкого края“ (Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год, стр. 194—212; на 1911 год, стр. 195—208). Все эти тексты перепечатаны в книге „Русские плачи“, изд. „Советский Писатель“, 1937.

заполнили тот промежуток, который ощущался, как пустующий, между текстами большого мастера плачей и плачами рядовых воплениц. Плачи Конихиной и Ланевой, имея такое же значение, указали на наличие выдающихся воплениц в другом крае Карелии — на восточном побережье Онежского озера.

Одновременно с Шайжиным вел наблюдения над бытованием причети в Карелии Филимонов,¹ записи которого (из Ежемского прихода) вошли в известный труд Шейна „Великорусс.“²

В начале столетия „северная“ причеть, как народно-поэтический жанр, делается столь же популярной, как и была. Знарок древней русской книжности, вступив на территорию Карелии, записывает: „Слышны рассказы о былинщиках и вопленицах.“³

Другой путешественник по Русскому Северу, Пришвин, несколько позднее на Выг-озере записал плач вопленицы и дал (не без подчинения суждениям Барсова) ее портрет-характеристику.⁴

Как всегда, изучение накапливаемого материала отставало от работы по собиранию материалов. Однако, в то время, когда по разным обстоятельствам труды полевых фольклористов в Карелии замедлились или приостановились, внимание к „северной“ причети не ослабевало у представителей научной мысли. Раскрытию отношений „северной“ причети к причети общерусской около двадцати лет назад посвящено несколько страниц в труде Авадовского.⁵

Полевая работа, преследующая задачи изучения карельской причети, возобновлена несколько лет назад. Результаты ее частично уже вошли в научный оборот.⁶ С большей полнотой она представлена в публикуемом сборнике М. М. Михайлова. Труд молодого фольклориста вводит в нашу специальную литературу новое имя выдающейся вопленицы — пудожанки Анны Михайловны Пашковой, занимающей — по количеству записанных от нее текстов плачей — первое место после Федосовой, а по силе дарова-

¹ К. Ф. Филимонов, „Из материалов по этнографии Олонецкого края. Записки по умершим“ (Олонецкие епархиальные ведомости, 1902, № 4, стр. 165—169).

² П. В. Шейн, „Великорусс в его песнях“ и пр., стр. 780—788, №№ 2504, 2505, 2506, 2519, 2520, 2524.

³ Вс. И. Срезневский, „Поездка в Петрозаводск и Заонежье“. Спб., 1904, стр. 11.

⁴ Михаил Пришвин, „Очерки“. Изд. т-ва „Знание“. Спб., 1912, стр. 150—171. В переработанном виде вошло в книгу „В краю непуганных птиц“. Спб., [1913], стр. 42—66: „Вопленица“. Не тому же ли автору, подписавшемуся инициалами „М. П.“, принадлежит публикация: „Причитанье дочери у умершей матери“ (Олонецкая неделя, 1913, № 19, стр. 12)?

⁵ М. К. Авадовский, „Ленские причитания“. Чита, 1922.—Материалы, относящиеся к этой теме, в большом количестве даны в недавнем труде М а л е р (Elsa Mahler, „Die russische Totenklage. Ihre Rituelle und dichterische Deutung“ Leipzig, 1935).

⁶ Имею в виду сборник „Песни и сказки на Онежском заводе“. Петрозаводск, 1937, стр. 28, 29—30, 31—32, 55—56 (Записи Н. Новикова и А. Соймонова).

ния могущей занять место рядом с Богдановой. Материалы нового собрания заполняют один из крупных пробелов в изучении причети. Около двадцати лет назад исследователем русской причети была выяснена необходимость „располагать большим запасом средних олонецких текстов, т. е. текстов, записанных у рядовых воплениц.“¹ Теперь мы располагаем несколькими десятками таких текстов. Особое значение имеет тот факт, что и тексты Пашковой и тексты рядовых воплениц, представленные здесь, большею своей частью идут из одной местности — из Пудожского края, давая полное представление об отдельной местной „школе“ воплениц.

II

Как почти всегда бывает, плачи А. М. Пашковой записаны не в первой их редакции, т. е. не в момент исполнения обряда оплакивания, а через несколько лет — по памяти. Это — новые редакции ее старых плачей, имеющие в себе, несомненно, какие-то отклонения от первоначальной редакции, — отклонения, не мешающие, разумеется, видеть в записанных текстах подлинные произведения народного художественного творчества. Пашкова оплакивала в причитаниях своих близких, исполняла причитания и от чьего-либо лица, но она не может быть названа вопленицей по профессии: исполнение обязанности плачеи не служило для нее источником пропитания; правильнее назвать ее мастером в этом искусстве или знатоком в нем.

Как и другие известные плачеи в Русской Карелии (Федосова, Богданова), она знает три категории плачей: погребальные, совершаемые при выполнении обряда, поминальные, исполняемые при посещениях могилы близкого человека, и бытовые, связанные с оплакиванием несчастных случаев (отъезд в опасный и продолжительный путь, разорение, пожар и т. п.).²

Пудожский край дал несколько замечательных поэтесс-воплениц — Анну Первенцеву,³ Н. В. Конихину,⁴ Л. Ланеву.⁵ Конихина и Ланева — ближайšie землячки Пашковой: все родом из

¹ М. К. Азадовский, „Ленские причитания“, стр. 39.

² О бытовых причитаниях (так их стали называть в последнее время) в литературе имеется мало данных; видеть в этом обстоятельстве указание на позднее происхождение их было бы ошибкой: подобные плачи сохранились в памятниках древней письменности; для Карелии, в частности, имеются сведения столетней давности — у Дашкова „Описание Олонецкой губернии“, стр. 214—215. Общеизвестные плачи этой группы — рекрутские причитания. О них: Е. В. Барсов — в Олонецких губ. ведом., 1867, № 10; большое собрание текстов в книге его: „Причитанья Северного края“, ч. II, М., 1882; Петр Гроховский — в Олонецк. губ. ведом., 1873, № 10; А. Дельницкий — в Живой Старине, 1894, II, стр. 215—221; П. Певин — в Олонецких губ. ведом., 1895, №№ 80, 81, 84; Н. С. Шайжин — там же, 1903, № 49. Заслуживает особого упоминания публикация Шайжина — „Затюренная приплачь в Нигижиме (по воре, осужденном на поселение в Сибирь)“. Олонецкие губерньские ведомости, 1903, № 48.

³ Барсов, назв. соч., т. I, стр. 45—57, 324.

⁴ Н. С. Шайжин, Приплачь вдовы... (= Русские плачи, стр. 147—152).

⁵ Н. С. Шайжин, Похоронные обычаи... (= Русские плачи, стр. 153—169).

Нигижимской волости. Этой справкой достаточно раскрывается вопрос о „школе воплениц“, т. е. о конкретной местной традиции, из которой вышла и к которой не перестает примыкать Пашкова. Если обратить внимание только на объем записанных от нее текстов, то принадлежность ее именно к русской карельской „школе“ окажется бесспорной. Богданова укладывает свои плачи в одну, две и пять сотен стихов (строк). Конихина — в две сотни, Ланева — в 650, Первенцева — в 355 стихов; Пашкова создает плачи об умерших в 150—160, в 200, в 300 и в полутысячу стихов.¹ В историю русского фольклора она входит с двумя тысячами стихов причитаний.

Значительный объем каждого ее причитания о мертвых обусловлен принадлежностью вопленицы к карельской поэтической традиции: известное и за пределами Карелии обыкновение плакальщиц связывать исполнение погребальных причитаний с несколькими важнейшими моментами обряда в практике выдающихся карельских воплениц получило постоянный характер и определило многочастность причитаний: плач Первенцевой состоит из восьми разнотемных частей, у Ланевой — из двенадцати и т. д. Из такого же числа частей строятся полно разработанные плачи Пашковой.

Плачи, совершаемые при посещении могил, и бытовые причитания представляют собою неделимые на части монологи горюющих женщин. Пашкова не нарушает требований традиционной поэтики и в этой части ее плачей.

С наибольшей полнотой особенности искусства Пашковой выразились в ее „плаче замужней сестры по брату.“ Плач открывается зачином, в котором вопленица говорит о своем душевном состоянии (текст II, стихи 1—10); за ним следует повествование о запоздалом получении ею вести о смерти брата (стихи 11—15, 16—26), скончавшегося при трудных семейных обстоятельствах (27—40), о своем пути (41—56) и прибытии к брату (57—61, 75—82), которое ни мало не похоже на прежние ее посещения (62—74, 83—94). Эпическая часть плача прерывается риторическим вопрошанием, обращенным к умершему: где ей сестра — у ног ли его, у изголовья ли, или против сердца (95—115). За вопрошанием следует рассказ о встрече плачущей с кручиной и обидой, о разговоре ее с ними (117—138: мотив „двух встреч“). Рассказ прерывается новым вопрошанием, обращенным к умершему: куда он снаряжается-отправляется (139—145) и ответом плачущей на свой вопрос (146—152). Затем она просит покойника простить ее за кажущееся невнимание к нему (153—178: мотив „вины“). Отвлекаясь от беседы с умершим, плачущая вступает в разговор с новыми лицами. У матери она спрашивает о предсмертных минутах своего брата (179—185), делает ей упрек в

¹ Плачи, менее поддерживаемые традицией (бытовые плачи), вопленица облекает в тексты более скромного объема: ее „плач после пожара“ уложился менее, чем в полусотню стихов.

форме запоздалого совета: не следовало пускать смерть, нужно было закрыть окно, ворота, нужно было откупиться у смерти домашним добром (186—195: мотив „защиты от смерти“); речь к матери завершается раздумьем о бесплодности советов: смерть у ворот не стучит, у окна не спрашивает (196—218), берет лучшего (207—210: мотив „похвалы“). Плачя обращается к высшим силам: давая обет, молит богородицу вернуть умершего к жизни (219—229) и, уверенная в просимой помощи, говорит мертвецу: встань и пр. (230—239), но мольба о помощи оказывается безрассудной (240—251). Кратко отозвавшись на уговоры присутствующих много не плакать (252—255), вопленица опять обращается к мертвецу — на этот раз с упреками: не послушался добрых советов и пр. (256—271), с напоминанием об его детях-сиротах, которых ждет горькая участь (272—290). По связи с этими речами она дает невестке совет, как надо вдовствовать (291—310). При вносе гроба в дом плачя благодарит „гробовщиков-строителей“ за работу (311—317), просит мать угостить их (318—332), а сама, хотя и предлагает мертвецу вопрос, „по уму“ ли ему гроб (333—337), находит, что это „хоромное строенье“ очень бедно (338—348), просит брата не сетовать на это, уверяет, что, будь она богаче, она похоронила бы его в хрустальном гробе (349—368). Перед выносом покойника из дома плачя просит вдову-невестку поручить художнику нарисовать портрет оплакиваемого (369—385), собравшихся соседей просит не спешить уносить его, просит простить сделанные им проступки, причиненные огорчения (386—394, 395—401), а покойнику предлагает проститься с домом, с улицей и пр. (402—407); после риторического обращения к глазам („наглядитесь про запас“, 410—418) вопленица напоминает умершему об оставшихся сиротах, о старухе-матери (419—424). Когда похоронная процессия приближается к церкви, плачя уведомляет богородицу о прибытии „мертвого тельшка“ (431—434), а после отпевания — благодарит от лица погребаемого „попов-отцов духовных“ за пение (441—445), но от себя замечает, что пение было небрежно и пр. (446—454). На кладбище она просит могильщиков не зарывать плотно могилу, чтобы не утратилась надежда на высвобождение погребенного (455—462), а покойника зовет гостить (464—480), но оканчивает плач горестным сознанием, что возвращение из того мира невозможно (481—496).

Как легко заметить, пестрое содержание и сложная композиция этого произведения намечаются порядком, в котором следуют отдельные моменты обряда (умершего кладут на скамью или на стол, приносят гроб, выносят мертвого из дома и т. д.); некоторые частности подпадают под разные события и обстоятельствами семейной жизни (в данном тексте — получение нерадостной вести, дорога, прибытие на похороны и пр.), бытовыми условиями, определяющими некоторые нормы общежития (выражение благодарности, описание сиротской доли и пр.). Ко всем этим компонентам плача, подсказанным конкретной жизнью и традициями

общезнания, поэтесса прибавляет несколько элементов, идущих из других источников (встреча с кручиной, общение с вышними силами и пр.).

Характер компонентов, составляющих причитание, находится в соответствии с разнообразием и пестротой содержания плача: повествование, рассуждения-раздумья, описания, риторические вопросы, обращения, — все эти малые формы и виды словесных произведений переплетаются, чередуются, заходят один на другой.

С чем мы здесь имеем дело — с созданием поэтессы-плачели или с полученным ею „литературным наследством“? Мы приблизимся к правильному ответу на этот вопрос, если предварительно установим, что в ее тексте является устойчивым или постоянным и что включено в него только в том или ином конкретном случае.

В повествованиях, описаниях, рассуждениях, вопросах, обращениях, составляющих содержание причитания, разрабатываются те или иные поэтические мотивы. В зависимости от целей, которым должны служить эти мотивы, они получают ту или иную разработку. Многие мотивы могут считаться общеизвестными или даже общеупотребительными в русской причети. Таковы вопрошания: куда мертвец снаряжается и пр. (у Пашковой I, 11—15; II, 139—145), обращение к мертвецу с просьбой встать и пр. (II, 230—239), обращенные к нему упреки за его уход (II, 256—271), утрата надежды на его возвращение (II, 481—496),¹ похвала умершему (II, 207—210), сознание вины перед ним (II, 153—178; IV, 31—57), описание сиротской доли, вдовьей участи и несколько др. В разработке, в частности и в подробностях этих мотивов в разных местах и у отдельных воплениц есть свои особенности,² но самые мотивы, взятые в их общем виде, смысле и содержании, являются в нашей причети повсюду распространенными. Однако есть мотивы причитаний, которые встречаются или исключительно или преимущественно в русской причети Карелии. Пашкова пользуется, главным образом, этими мотивами, и именно в них с большой приметностью обнаруживается ее творчество.

Риторическое вопрошание: где сесть (95—115)—разработано ею в нескольких близких редакциях (V, 10—24; VII, 11—44); им пользуются многие ее современницы (Павкова, Староверова и др.), в том числе — с большой полнотой — Ланева (Русские плачи, стр. 153, стихи 11—53), часто использует его и Богданова (там же, стр. 99, стихи 1—6; стр. 111, ст. 4—11; стр. 116, ст. 8—16).³

¹ Ср. М. К. Азадовский, назв. соч., стр. 26, 42—43, 58—59, 65 и др.

² Так, в свою редакцию вопрошания Пашкова вносит и ответ на него (I, 16—19; II, 146—152). Постоянный и различно разработанный мотив сиротской доли (ср. Азадовский, стр. 42, 46, 47—49) Пашкова дает по-своему и не каждый раз одинаково (I, 32—35, II, 272—290; V 59—91, 96—99; VI, 15—45, 54—62; VII 130—150, 186—204); почти то же можно сказать о мотиве трудного вдовства (I, 174—183; II, 291—310).

³ В дальнейшем ссылки на Ланеву и Богданову будут даваться по „Русским плачам“ без названия этой книги, а только с указанием страниц и стихов. Указания стихов без обозначения номера плача относятся к тексту II.

Мотив двух встреч (117—138) — с обидой и кручиной — также не раз используется ею (IV, 8—19; V, 47—57); из ее современниц привлекает, хотя слабо разрабатывает, этот мотив Исакова.

Мотив защиты от смерти (крепкие запоры, откуп: 186—195) привлекается вопленицей несколько раз (I, 20—29, 43—56; III, 6—31); хорошо разработан он у ее современниц — Зуевой, Исаковой, Мошкиной и др., также у Ланевой (стр. 154, ст. 70—88); с наибольшей полнотой разработка мотива дана вопленицей с западного побережья Онежского озера — Ириной Федосовой.¹

Обращение к высшим силам с мольбой вернуть умершему жизнь (219—229) можно рассматривать как один из любимых поэтических мотивов Пашковой (I, 245—265; VII, 88—96, 109—117; в иных связях тот же мотив дан у Ланевой (стр. 167, ст. 539—552). К этому мотиву — в разработке Пашковой — примыкает побочный мотив — ответ высших сил (240—251), настойчиво используемый вопленицей в нескольких плачах (I, 266—280; VII, 97—108). В иных связях и в интересной переработке этот мотив встречаем в причитании Моисеевой (XLVI, 37—45).

Мотив благодарности гробовщикам (311—317), использованный Пашковой только в одном причитании, известен ее землячке Ланевой (стр. 160, ст. 284—291). К нему примыкает другой мотив: гроб — жилье. У Пашковой — это один из устойчивых мотивов (I, 57—69; II, 333—348; III, 89—99); пользуются им и другие пудожанки: Ланева (стр. 160, ст. 273—283), Журавлева (XXIX, 76—83), Пименова (XXXIII, 23—28). В близкой обработке встречается в плачах Богдановой (стр. 97, ст. 50—55; стр. 109, ст. 415—426), Ирины Федосовой (Барсов, I, стр. 100, ст. 1—13).

Разработанный в русской „северной“ и более скромно в украинской причети мотив приглашения мастера написать портрет оплакиваемого нередок у рядовых воплениц-пудожанок: у Корешковой (XXXVII, 50—61), Моисеевой (XLV, 95—105) и др.; Пашкова его дает (II, 369—385) в полноте и стиле воплениц-северянок.²

Обращение к высшим силам (к богородице, к Егорию) с уведомлением о приближении похоронной процессии к церкви — устойчивый мотив карельской причети. Его включают в свои плачи чаще всего пудожанки. Пашкова дает две его редакции, различающиеся между собой главным образом объемом (I, 227—234; II, 431—434). Им пользуются Исакова (XIV, 54—59), Ланева (стр. 163, ст. 397—402), вопленица шестидесятых годов — Первенцева (Барсов, стр. 48, ст. 1—7).

Благодарность „попам — отцам духовным“ — мотив, твердо стоящий в обрядовых причитаниях Пашковой (I, 235—239, II, 441—445) и других воплениц — Ланевой (стр. 163, ст. 419—428); Пименовой (XXXII, 47—51). От редакций старших воплениц — Федо-

¹ Е. В. Барсов, назв. соч., I, стр. 2—4, ст. 21—84 (=Русские плачи, стр. 12—14).

² Ср. Ланева (стр. 162, ст. 361—374, 386—388), Федосова (Барсов, I, стр. 5—6, стр. 90—101, 117—122); ср. М. К. Азадовский, назв. соч., стр. 39—40.

совой (Барсов, стр. 112, ст. 12—17, и др.), Первенцевой (там же, стр. 49, ст. 1—9) — текст Пашковой в отношении содержания отличается, с одной стороны, меньшей полнотой и, с другой, наличием небольшого послесловия (I, 240—243; II, 446—454).

Приглашение мертвеца в гости — один из распространеннейших и разработанных мотивов „северной“ причети. На западном побережье Онежского озера его включала в свои плачи Федосова (Барсов, стр. 72, ст. 55—70), на восточном — встречаем его у нескольких пудожанок: у Пименовой (XXXIII, 91—105), Кузнецовой (XL, 58—66), часто: у Пашковой (I, 118—145; II, 464—481; IV, 149—163; VII, 169—185); в несколько иной обработке — у Ланевой (стр. 161, ст. 317—330; стр. 168—169, ст. 582—594, 633—644).

Для Пашковой характерно постоянство использования близких редакций одного и того же мотива при построении родственных по теме плачей. Например, впервые связанное с именем Ирины Федосовой риторическое обращение: „наглядитесь, очи ясные“ (Барсов, стр. 122, ст. 1—4) пудожанка вспоминает не в одном своем причитании (II, 410—418; III, 65—66); то же наблюдаем в привлечении обращения плачеи к соседям с просьбой не спешить с выносом покойника (I, 184—194; II, 386—394), в использовании просьбы к собравшимся простить причиненные покойным огорчения (I, 209—215; II, 395—401), в использовании обращения к покойнику: прощайся с домом, с улицей и пр. (I, 195—208; II, 402—407), просьбы к могильщикам не зарывать плотно могилу (I, 294—309; II, 455—463; в иной связи — IV, 92—116) и др.

Сравнительно частое привлечение плачзей одних и тех же средств для построения плача оставляет впечатление элементарности в композиции плачей; но такое впечатление выносится при чтении текстов подряд одного за другим; нужно представить себе исполнение причитания в реальных условиях, т. е. каждого в отдельности, и тогда построение плачей Пашковой воспринимается надлежащим образом — как стройное, законченное, продуманное. Однако, впечатлением, которое выносится из чтения ее текстов, исследователю не следует поступаться: оно подводит его к наблюдению творческих приемов плачеи, к уяснению критериев отбора материалов, порядка их расположения и способов использования.

Приведенный здесь более или менее полный обзор поэтических мотивов, на которых держится причеть, показывает, каким богатством их владеет и пользуется Пашкова. Одни из этих мотивов, как сказано, могут считаться общерусскими, другие (они составляют большую часть) надо считать областными — „карельскими“, потому что они встречаются только в плачах карельских воплениц или у них получили более законченную, совершенную обработку. Как примеры такой обработки в плачах Пашковой можно указать мотив посылы „письма грамотки“ на тот свет

(I, 157—167, 168—172, и в особенности IV, 61—73),¹ описание того света (I, 151—156; IV, 80—91),² мотив невозможности возврата оттуда (IV, 81—85), мотив прилета вещей птицы (VII, 48—63), мотив приглашения умершего в гости, осложненный указанием путей и способов передвижения и др.

Легко видеть, что основная (количественно и качественно) часть поэтических мотивов воспринята и усвоена Пашковой в „школе“; некоторые из них она подвергает то более, то менее значительной переработке; новые элементы, вносимые ею в причет, привлекают к себе внимание своей значительностью в том или ином отношении, выделяющею эту вопленицу из числа носителей заурядных дарований. В кругу новых или, во всяком случае, очень редко встречающихся мотивов причитаний надо перечислить выражение желания пойти вместе с оплакиваемым в могилу (I, 286—293), упрек погребавшим, что не помогли плачее в осуществлении такого желания (I, 310—314), мотив готовности похоронить оплакиваемого в хрустальном гробе (I, 70—92; II, 349—368; III, 95—108), упрек вышним силам, „не по закону, не по правилу“ взявшим мужа и отца (I, 109—111), мотив поручения столярам-слесарям изготовить крылья орлиные, лебединые и соколиные (IV, 118—130) и несколько других. Некоторыми чертами своих воплей Пашкова роднится с Федосовой, заметнее всего — наставительным тоном (I, 266—280; II, 240—251, 261—264; VII, 97—108).

Творческий процесс вопленицы виден не только в выборе и обработке традиционных мотивов, в создании новых мотивов, в построении плачей из имеющихся в распоряжении поэтессы материалов; с меньшей, а моментами и большей силой он выражен в создании плачей на новые темы: о больном сыне (VIII), по случаю разорения (IX). Из причети выросли „сказы“ Пашковой, но это — совершенно новое явление в русском фольклоре, выходящее за пределы плачей-причитаний³ и потому подлежащее рассмотрению в ином плане, как новая тема.⁴

Среди выдающихся русских воплениц Карелии Пашкова занимает — по уставности, по приверженности к традиции — первое место. В основу ее искусства положена выдающаяся „эрудиция“, то, что дала ей „школа“. Творчество ее не отличается смелостью и широтой полета (в этом она заметно уступает, например, Конихиной). Художественные образы в ее обработке не отличаются чертами полной самобытности (из традиционных образов ею полно вырисован образ смерти; образ обиды, так полно разработанный в плачах Конихиной и Ланевой, дан ею в неясных, едва намеченных очертаниях). Она держит внимание слушателей разнообразием, богатством и слаженностью частей своих плачей, хорошо исполь-

¹ Ср. М. К. Азадовский, назв. соч., стр. 34—35, 40.

² Ср. там же, стр. 42.

³ М. К. Азадовский, „Советская фольклористика за 20 лет“, Советский фольклор, № 6. М.—Л., 1939, стр. 18—19.

⁴ См. статью М. М. Михайлова „Русские плачи Карелии“.

зуюмой риторикой и — как многие ее землячки — выразительным, не знающим затруднений языком, ¹ легким девятисложным стихом ² с нескупой рифмой.

III

Жизнь словесно-художественного жанра течет не только в верхних слоях исполнителей. Выступление даровитой или талантливой вопленицы — не повседневное явление. В совершении обряда оплакивания очень часто неизбежны будни или только „малые праздники“, когда обязанность плачем „мертвому честь воздавать“ выпадает на долю не плачущей-художнице, а рядовой вопленице. Естественно, что рядовые вопленицы всюду составляют подавляющее большинство, и их слушатели или ценители их искусства обыкновенно знают плачи невысокого художественного значения, а тусклые и будничные, иногда с проблесками художественного вкуса и поэтических дарований, иногда с обнаружениями музыкальных способностей и хорошей памяти. Средний уровень жанра дается и держится второстепенными и — еще чаще — третьестепенными исполнительницами.

У носителей небольших дарований — меньше самостоятельности в использовании устного „литературного наследства“, меньше проявлений личного творчества; у них больше — чужого, традиционного, унаследованного. Но и владение традиционным не в равной мере дается всем: наследство так велико в отношении объема, что принять его полностью или в значительной части может только человек недюжинный: для усвоения требуются поэтические склонности и исключительная память. Понятно, что люди средних способностей из всего традиционного поэтического богатства воспринимаяют небольшую его часть и в пределах ее объема проявляют свои склонности и волю к посильному творчеству.

Чем шире круг людей, обнаруживающих эту волю, тем чаще они выделяют из своей среды лиц более одаренных. Эти более одаренные, с более сильным и ярким творчеством, для выделившей их среды являются „мастерами“, а их плачи — образцами для подражания. Так в разных местах зарождаются „школы“ воплениц. Чем выше общий уровень местных „школ“, тем заметнее повышается мерило, с которым надо подходить к пониманию и опре-

¹ Напрашиваются на внимание своей неожиданностью, необычностью и выразительностью сочетания эпитетов с определяемыми обозначениями (телесно погребеньице, платьеде умершее, телеграмма скороносная, почта скороходная, вдова многообидная, рисователи учтивые: II, 45, 149, 40, 39, 106, 375), использование тавтологий (силом обислади, грабежом ограбили, как вдовить вдове по добруму: I, 189—190, II, 309) и мн. др.

² На западном побережье Онежского озера плачи знаменитых воплениц — Федосовой и Богдановой — составлены былинным стихом в 14—15 слогов; на восточном побережье — у пудожанок — стих проще, короче (преобладают стихи в 8, 9 слогов), плач не перерастает себя, не переходит в былинку, не принимает в себя ее черт.

делению среднего, рядового. Рядовое на фоне карельской причеты воспринимается как значительное в отношении всех других местных „школ“ русской причеты. Пудожская школа карельской причеты — одна из давних; первые плачи, записанные от пудожанок три четверти века назад, свидетельствуют о высоком уровне искусства причитать на их родине. Плачи Ланевой и Коихиной, записанные в первые годы нашего века, свидетельствуют о том, что с течением времени уровень искусства там ни мало не понизился. Плачи Пашковой свидетельствуют, что высокий уровень „плачевольствия“,¹ как искусства, держится до наших дней. Нельзя сомневаться в том, что высокое искусство мастеров непрерывно опирается на почву и подпочву искусства или ремесла множества малых сил и средних дарований. Что представляют собою эти малые силы и средние дарования воплениц пудожской школы, можно судить по образцам искусства почти двадцати плакальщиц.

Как уже сказано, плачи известных плакальщиц — „северянок“ внешне характеризуются прежде всего значительным объемом. Этот признак неизменно распространяется и на тексты рядовых — второстепенных и третьестепенных — плакальщиц. Только у самого незначительного их числа (у Мошкиной, Тереховой, Титовой) тексты причитаний состоят, в среднем, из полусотни стихов (XXIII, XXV, XXXVIII); чаще наблюдаем (у Быковой, Журавлевой, Кузнецовой, Савенковой, Фоминой, Хмыловой) объем причитаний, приближающийся к сотне стихов (XVI, XXVII, XXIX, XL, XIII, XLII), и в преобладающем числе случаев (у Зуевой, Исаковой, Копейкиной, Моисеевой, Павковой, Петуховой, Пименовой, Старовой) объем плачей переходит за сотню стихов (XI, XII, XIII, XVII, XXVIII, XXXIII, XLIII). Во всякой другой русской причете, за пределами Карелии, такой объем текстов встречается только у редких мастеров плача.

В репертуар рядовых карельских плакальщиц входят те же три вида причитаний: похоронных, поминальных и бытовых, какие видим в репертуаре мастеров. Причитания, не связанные с исполнением обряда, имеют меньший объем; например, Ражикова свое причитание по убитом на чужбине муже (XXXIV) уложила в 34 стиха; такого же (и даже меньшего) объема бытовые плачи Моисеевой (XLVI), Матвеевой (XLIX), Гордеевой (L) и другие. Этот факт находится в полном соответствии с тем, что наблюдаем в различных причитаниях выдающихся воплениц.

В отношении содержания, построения и пр. причитания рядовых плакальщиц представляют собою „сокращенную форму“ того, что дают мастера интересующего нас искусства.² Содержа-

¹ Обозначение — из памятника древне-русской письменности.

² Числа таких воплениц, как Быкова, Журавлева, Копейкина, Павкова, в рядовых исполнительницах плачей, не забудем, что совершение обрядовых или бытовых причитаний — только одна из областей приложения их способностей; есть другая область обнаружения их дарований — новый вид словесного творчества: „скав“.

ние их причитаний составляют, вызванные чьей-либо смертью давно и в подробностях знакомые драмы личной и семейной жизни, повторяемые или пересказываемые в несосчитанный раз с разной степенью искренности и простоты, полноты и ясности. Эти повторы и пересказы драм строятся из материалов, в изобилии накопленных предшествующими поколениями воплеиц, из материалов, отобранных инстинктом красоты слова и сохраненных замкнутым консерватизмом жителей лесных и озерных углов. Искусство плакальщицы заключается не только в овладении материалом и в отборе нужных его частей, но и в построении из этих частей цельного произведения, отвечающего конкретным требованиям жизни и художественному вкусу.

При умелой или удачной композиции каждый казался бы избитый или омертвелый образ или мотив, как только он займет в составе плача свое место, воспринимается как живой и выразительный, а в композиции больших мастеров — сверх того — нужный и неотменяемый.

Первые две стадии этой творческой работы представляют собою некоторый *minimum*, который удовлетворительно осиливается многими рядовыми исполнительницами причитаний; третья стадия — композиция плача — обыкновенно самостоятельно ими не проходит: они, как увидим, строят („слаживают“) причитание, подбирая звенья из готового материала и располагая их в том готовом порядке, какой установлен обрядом погребения; только немногие, несколько возвышающиеся над средним уровнем природной одаренности, делают то более, то менее удачные опыты самостоятельной композиции плачей.

Художественные приемы и мотивы, созданные многовековой поэтикой воплеиц, имеют неодинаковую силу притяжения: одни имеют больший, другие — меньший спрос. Мотивы, воспринятые исполнительницами плачей как трудные или как не отвечающие их задачам, не получили признания и распространения в среде рядовых воплеиц, не вошли у них в употребление. У воплеиц-пудожанок в таком положении оказались, например, мотивы благодарности „отцам духовным“ (из рядовых воплеиц он встречается, кажется, только у Пименовой: XXXII, 47—51), гробовщикам; почти до полного исчезновения утратились или изменились мотивы послыла на тот свет письма-грамотки, написания портрета оплакиваемого (ср. XV, 35—41; XVI, 38—42; XXXVII, 50—61; XLIII, 74—80; XLIX, 20—24; L, 98—116); мотив обращения к вышним силам встречается как исключение (XIV, 54—59); мотивы, связанные с описанием „того света“, ответ вышних сил на мольбы, желание похоронить оплакиваемого в хрустальном гробе, — эти мотивы, так полно и так усердно разработанные в причитаниях Пашковой, у рядовых воплеиц не встречаются; мотив встречи с кровней и обидой встречается у них в обедненной форме или в иной обработке (ср. XIII, 31—33; XXVII, 26—37). Таким образом, поэтические мотивы, часто или постоянно используемые масте-

рами причети, не входят в отстоявшийся круг мотивов широкого применения.¹

Наиболее употребительные, „ходовые“ мотивы входят, как мы видели, и в причитания мастеров оплакивания; почти во всех случаях обработка и использование мотивов у них стоит выше, чем у рядовых воплениц; но и то нужно сказать, что отдельные мотивы у некоторых рядовых воплениц взяты традиционно и разработаны успешно или даже талантливо (у Исаковой, Мошкиной, Копейкиной, Павковой, Пименовой), а если и не талантливо и даже не очень успешно, зато вполне самостоятельно (у Кузнецовой, Моисеевой); встречаются у них и совершенно новые мотивы: пожелание смерти своим детям (XXIX, 59—67), обращенная к смерти просьба об отсрочке ее прихода (LII, 21—30), получение вестей с того света во сне (LI, 84—93); новая жизнь (LI, LII); в бытовых причитаниях: обращение к силам природы (XVIII, 12—27), к рыбе (XVII, 56—60) и др.

Каждая плачя знает обычно небольшое число мотивов, с той или иной степенью искусства сцепляет их по разумению или вкусу и по подсказу обычая или обряда. Баканова (XXI) причитает, подходя к дому умершего, в доме у гроба и на кладбище; эти три момента определяют число компонентов ее причитания, в основу которых положены мотивы вопрошаний, благодарности, просьбы не заколачивать гроб. Титова (XXII) плачет после обрядяния мертвеца, перед выносом и во время выноса покойника из дома и на кладбище, составляя плач из четырех компонентов: зачин с вопрошаниями, просьба не спешить с выносом, приглашение прощаться, прощание (от лица мертвого) с миром, описание „хоромного строеньица“ — гроба. Пименова (XXXII) строит причитание из пяти частей: дома, до выноса — вопрошания, просьба плачущей к родным не оставлять ее, в церкви после отпевания — благодарность „отцам духовным“, на могиле — просьба не опускать оплакиваемого в могилу, по возвращении с кладбища —

¹ Сравнительно часто рядовыми вопленицами используются мотивы: выбор места („где сесть“: XI, 11—22; XII, 1—5, 73—78 XXX, 16—21; XXXVIII, 4—9; XLVI, 8—10; в иной связи — XXIII, 15—19), прилет вещей птицы (XXVII, 9—25; XXXVIII, 10—23; XLV, 1—33; заместитель птицы: XLII, 5—14; мотив этот встречается у Пашковой: VII, 43—63; ср. у Ланевой, стр. 166, ст. 502—513; у Богдановой, стр. 119, ст. 129—146; у Федосовой: Барсов, стр. 264, ст. 1—15 = Русские плачи, стр. 49, ст. 375—388), приход смерти (XIV, 5—39; XXV, 26—42; XXVIII, 5—18, 48—58; XXXVIII, 48—58; XLV, 9—38; L, 16—40; в ином плане XXIX, 18—24; XXXI, 38—44; XXXII, 61—71), гроб—жилище (XXIX, 76—83; XXXIII 23—28; XLII, 26—33), сиротская доля (X, 65—72; XII, 15—30, 110—115; XXVII, 55—65; XXVIII, 32—47; XXIX, 41—58; XXXVII, 15—17), вдовья участь (X, 36—64; XI, 30—60; XII, 105—128; XXVIII, 59—106; XXXVII, 18—23; XXXIX, 18—40), людские пересуды (XVII, 45—55), передача поклона или вестей на тот свет (X, 30—35, 36—64; XI, 105—109; XIV, 68—78, 79—86; XXIX, 26—67; XLIV, 24—45), приглашение мертвого в гости (XXXIII, 91—105; XL, 58—65; XLII, 34—38); обращение к стихиям с просьбой открыть гроб (XII, 95—104; XV, 5—7; XXVII, 38—45; XXX, 1—8; XXXV, 4—5; XXXIX, 6—13; XL, 25—36; XLI, 48—58; ср. подобное обращение Пашковой к могильщикам: II, 455—462), утрата надежды на свидание, с умершим (XI, 57—65; XII, 47—50, 88—90; XVI, 6—8; XVII, 78—88; XXVII 69—72; XXX, 25—28, 50—53).

мотив опустелого дома. Естественность подобных композиций (пусть и не самостоятельных), соединенная с почти неизменной содержательностью причитаний, в известной мере искупает нередко наблюдающиеся прозаизмы и неровности стиха и придает соединению разнородных частей „красоту порядка“. По содержанию и по приемам композиции такие плачи мало разнятся от текстов сибирской, приуральской или среднерусской причеты; но объем, язык и риторика прикрепляют их к причете карельской.

Более сложные и более самостоятельные композиции плачей дают Журавлева, Зуева, Савенкова, Терехова (XXVII, XXVIII, XXIX, XXX). Эти воплиницы не чувствуют безвыходности из подсказанного обрядом строя причитания, из запаса общих мест и общеупотребительных мотивов; их причитания не чуждаются тем и мотивов, встречающихся у мастеров плача (прилет вещей птицы, свиданье на том свете и др.), а иногда дают новые мотивы и новые темы. Небогатая фантазия оказывает этим плачевам услуги весьма скромные, но все же почти всегда достаточные, чтобы слить мечты и желания оплакивающей с подлинной действительностью, с фактами повседневности. Впрочем, не эта, слабо обозначившаяся и бледно выраженная, а другие, более яркие, черты их плачей обнаруживают принадлежность их к одной из ветвей „северной“ народно-поэтической традиции вопления: постоянное тяготение к изображению семейного, семейно-общественного или хозяйственного быта (положение сирот, вдов, семейный раздел, рыбная ловля, сенокос и т. п.), положительное пристрастие к описанию явлений природы, на фоне которых, подчеркиваясь аналогиями, углубляясь противопоставлениями, раскрывается внутренний мир плачущих. В текущие в замедленных темпах будничные и привычные мотивы и темы вливается оживляющая струя: лирические пейзажи, лирико-философские раздумья, эпические повествования на разные частные темы (примыкающие в теме заглавной — об умершем и оставленных им близких), переплетаясь то в более, то в менее удачных сочетаниях, входят в текст причитания как вставные и не обязательные его части, напоминающие своим почти постоянным наличием характер и строй причитаний знаменитых „северных“ воплиниц; их же напоминают столь же постоянные у воплиниц-пудожанок диалоги (обычно не получающие большого развития) с молчаливым собеседником, за которого либо никто не дает ответов, либо отвечает вопрошатель. Эти черты не вовсе чужды причети общерусской, но там они свойственны плачам лучших воплиниц и не отличаются разнообразием их обработки и способов сочетания. Сравнение новых записей с самыми ранними убеждает в том, что рядовые воплиницы Карелии блюдут верность художественной традиции. О том говорит тематика, композиция причитаний, риторика, использование общих мест („сама знаю, сама ведаю“, „как сегодняшним денечком по утрышку по раннему“ и др.), сравнений и символов: дом—гнездо (XXIV), сад (XLVIII), горе — туча темная (XXIV), мать с сиротами — утка с утятами,

кура с цыплятами, орлица с орлятами (XI, XXIX и др.), дети—жемчужина, недорослая деревиночка, незрелая ягодиночка (X), яблони (XLVIII), смерть — закат солнца (XXII), туча темная (XXIV), оплакиваемый — солнце (XXII, XXV), свеча воску ярого (XXIV) и т. д.

Но верность художественной традиции не служит препятствием к проникновению новых элементов в причеть. Новые явления в общественной и политической жизни отразились в причети обновлением тематики (XXXI, XXXVII XLV, LI и др.), лексики (XLI: еропланы златокрылые, мотора громогласные; XLVI: сельсовет, главсуд и пр.) и, как уже было упомянуто, вызвали к жизни новый вид словесных произведений, возникших из причитаний, но затем перешших в другой жанр.

Георгий Виноградов.

РУССКИЕ ПЛАЧИ КАРЕЛИИ

На Филиппова мне указали как на одного из участников местного партизанского движения в 1918 г. Встретил он меня радушно и с готовностью принялся вспоминать памятные ему события. Рассказал о своей работе до прихода белых, о преследованиях и аресте его и группы местных советских работников, о заключении их в Кемских концентрационных лагерях. Обновленные в памяти события взволновали его. Когда он рассказывал о посещении лагеря женами заключенных, его голос приобрел какую-то торжественность и лирическую теплоту.

... Была осень с ее промозглой погодой, непролазной грязью и не перестававшим моросить дождем. Заключенных морили голодом и держали полураздетых в холодных бараках, по которым свободно гулял ветер. Голод становился невыносимым особенно ночью, когда холод прогонял сон.

В один из таких дней к ним пришли их жены. Несколько сотен километров пешком по грязи с котомками хлеба прошли они, чтобы увидеть своих мужей и принести им едва ли не остатки домашнего запаса хлеба.

Филиппов заключил свой рассказ такими словами: „Вот где настоящие русские женщины! Хорошо было Некрасовским графиням ехать к мужьям в каретах. Вот про таких, как наши жены еще никто поэм не написал. А у них ли не богатая женская душа, они ли не героини!“

Образы поэмы Некрасова „Русские женщины“ („Декабристки“) и жены партизан поразили моего собеседника глубокой любовью к своим близким и героической самоотверженностью. Он не хотел, конечно, снижать героичность образов поэмы Некрасова, но подчеркивал только большую меру героизма в действиях простых русских женщин, жен партизан.

Наш сборник состоит из „поэм“, сложенных о своей жизни самими простыми русскими женщинами, из причитаний, жанра специфически женского.

Простая русская женщина здесь выступает как выразительница стремлений, идей, представлений и чувств трудового народа; выступает как поэт горя семейного, а в недалеком прошлом и как поэт горя угнетенного народа. В новых плачах о вождях и героях Советского Союза она—поэт общенародного горя. И, наконец, здесь она замечательный художник слова, создавший в течении веков высокохудожественную поэтику причитаний.

Научная литература о причитаниях не может быть названа обширной. Мы имеем около двух десятков статей в повременных изданиях и журналах и несколько предисловий к отдельным сборникам причитаний.¹

подавляющая часть работ, посвященных причитаниям, рассматривает их или как систему представлений народа о смерти и загробной жизни, или как материал узко этнографический, отражающий обычаи, занятия и быт народа. Проф. М. К. Азадовский по этому поводу пишет: „За немногими исключениями вся литература о причитаниях сводится к немногим общим характеристикам, причем и до сих пор скорее выявлено их историко-культурное и этнографическое значение, чем историко-литературное“.² Эта характеристика, сделанная семнадцать лет тому назад, не утратила своего значения и сейчас.

Конечно, несомненно значение причитаний и как материала для этнографа и как объекта для изучения религиозных воззрений народа в их прошлом, представлений о смерти, загробной жизни и т. д. Но это все же старина, прошлое в мировоззрении народа, прошлое не только для сознания крестьянки-колхозницы, но далекое прошлое и для сознания крестьянки конца XIX и начала XX вв. Мотивы причитаний, когда-то имевшие магическое значение, выражавшие воззрения народа на загробную жизнь, на возможность общения с потусторонним миром и т. д., сейчас превратились в сознании масс народа в поэтические приемы, в художественный метод выражения мыслей и чувств. Например, даже верующая в бога престарелая сказительница А. М. Пашкова расценивает мотивы „вещей птички“, передачи поклонов на тот свет ранее умершим, прихода смерти в материальном образе, мотив гроба-дома и др., как „прикрасу“, как художественные изобразительные средства. Сказительница Е. С. Журавлева, не верящая „ни в бога, ни в чох“ использует названные мотивы с такой же поэтической целью, как и заимствованный ею из сказочной фантастики мотив оживления через sprыскивание „бессмертной водой“. М. Ф. Павковой мотив передачи поклонов на „тот свет“ понадобился для того, чтобы развернуть картину тяжелого „вдовиного живленьца“ (см. плач X), также в аналогичном случае у М. Я. Исаковой (см. плач XIV) и др.

Сами тексты плачей дают нам доказательство реалистического подхода к мотивам причитаний, когда-то бывшим содержанием мировоззрения и живыми представлениями. Так в плаче А. М. Пашковой по дочери говорится о „подземельной птичке“, возвестившей ей об отпущении умерших с „того свету“. А в плаче о сыне она говорит, что никакой „подземельной птички“ и возвращения

¹ См. предисловия к сборникам: Барсов Е. В. „Причитания Северного края“, т. I—II, М., 1872—1882; Азадовский М. К. „Ленские причитания“. Чита, 1922; „Русские плачи“, „Сов. писатель“, 1937.

² Азадовский М. К. „Ленские причитания“, Чита, 1922,

умерших, как сверхестественного, не может быть, что оттуда „нету пешему-то выходу, нету конному-то выезду, нету птиченьки ведь вылету“...

Для похоронных плачей обычна следующая концовка (даже записей 2-й половины XIX в.):

„Только век тое не водится,
Живой с мертвого не родится,
Взад с могилы не воротится“.

Такая концовка как бы зачеркивает все предыдущее, вернее, зачеркивала бы, если все предыдущее не было бы только художественным приемом.

Последний мотив более позднего происхождения, но в сознании современной женщины-вопленицы они равноправны как поэтические приемы и используются ею, как и весь сложный арсенал выразительных и изобразительных средств причитаний, чрезвычайно умело. Так мотив прилета с „того света“ „вещей птички“ Пашковой был нужен как мотивировка прихода на могилу и как повод для выражения своей обиды на мужа умершей дочери, не желающего давать денег на воспитание внучки. В плаче Моисеевой этот мотив использован как поэтический зачин, как прием художественного изображения умирания ее сына. В похоронных причитаниях часто жена или мать обращается к умершему с просьбой возвратиться в образе птицы. Раньше это было отражением веры в перевоплощение душ умерших. Сейчас это то же, только художественный прием. Доказательством этого является хотя бы обращение в рекрутских причитаниях жены рекрута к мужу с просьбой прилететь к ней „перелетной малой птиченькой“. То же самое можно сказать и о всех других мотивах причитаний, бывших в древности содержанием мировоззрения. Содержание стало формой.

Утеряв с веками свое магическое, обрядовое значение, причитания стали произведениями, в которых женщина прошлого и современная женщина выражала и выражает свое горе, связанное с потерей близкого человека и рисует картины жизни семьи до и после его смерти. Причитания уже самим народом рассматриваются как устные литературно-художественные произведения так же, как песня, былина, сказка, конечно, с четким разграничением их функций. Все наблюдения позднейших собирателей подтверждают эстетическое отношение к причитаниям со стороны исполнительниц и их среды, отношение к причитаниям как к искусству, мастерству в художественном слове выразить свои думы.

Д. И. Успенский в статье „Похоронные причитания“¹ пишет: „Причитание же складное обнаруживает ум автора, его искусство излагать свои мысли. Поэтому с давнего времени у них вошло в обычай слушать как причитывают в горе их знакомые. Завоет ли женщина при горе, в своей избе, тотчас же на ее голос собираются

¹ „Этнографическое обозрение“, 1892, кн. 3.

желающие или поучиться или только посудить об ее искусстве. Вздумает ли она, придя к богослужению, зайти поголосить на могилку своего родного, — и здесь не обходится без слушателей“.

Вопленица А. И. Терехова, рассказывая об известных вопленицах своей местности, говорила мне: „есть у нас в Бураковой женщина одна, по фамилии Наумова. У ней много горя в жизни было. Она так красиво да жалобно на могилках причитывала, что вся волесть собиралась слушать“.

На народную любовь слушать причитания указывает, между прочим, А. Н. Островский в комедии „Гроза“: „Уж больно, — говорит Феклуша Глаше, — я люблю, милая девушка, слушать коли кто хорошо воет“ (Действие 2, явл. 1). Отношение самих воплениц к причитаниям как к высокому искусству видно хотя бы в сознательной выработке и использовании тех же художественных приемов, тех же выразительных и изобразительных средств, как и в художественной литературе.

Таким образом, исследователи причитаний, о которых я говорил выше, не учитывая этой новой функции их в сознании народа, увлекаясь или реликтовой стороной плачей, или узко бытовым их содержанием, проходили мимо современного и главного смысла причитаний. Другие немногочисленные работы о причитаниях, правомерно избрав историко-литературный принцип подхода к исследованию, обходили идейную и социологическую сторону, ограничившись лишь некоторыми вопросами поэтики причитаний. Это относится и к наиболее крупному из этих исследований — „Ленским причитаниям“ М. К. Азадовского.

„А. М. Горький, всматриваясь в произведения народного творчества, интересовался тем, — „какие идеи, воззрения и представления народа скрыты в художественных образах и темах, в чем выразилась мудрость народа“... Горький считает, что в творчестве истинно-народном эстетика — учение о красоте всегда тесно связана с этикой — учением о добре. Отсюда вытекает „необходимое стремление людей воплотить в жизнь лучшие свои мечты, надежды и помыслы, создать из них прекрасные образы поэзии и образы для своего поведения в жизни. Задача в том, чтобы изучить подлинные народные идеалы и представления на материале народного же творчества“.¹

В современной литературе, например, во вступительной статье Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова к сборнику „Русские плачи“ и в устных высказываниях некоторых фольклористов встречаются утверждения о нежизненности причитаний, о несоответствии их современному народному сознанию и психологии. Утверждают, что причитания уже не бытуют, что они уже вымерли. Однако эти утверждения не верны и совершенно не соответствуют действительности (здесь и в дальнейшем речь пойдет о причитаниях по умершим; рекрутские и свадебные причитания, без сомнения, явле-

¹ С. Д. Балухатый „Горький и народное творчество“, Правда, 1936, 347.

ние прошлое, чуждое нашей социалистической эпохе. Они значимы для нас только как образцы народного искусства прошлого).

Выше уже было сказано, что в настоящее время причитания являются формой выражения чувства скорби по умершему, выражением горя, причиненного потерей любимого и дорогого человека. А эти чувства любви и скорби не только не чужды духовному облику человека социалистической эпохи, но должны расти с большим духовным его развитием. Таким образом, плачи, как форма выражения чувств и мыслей, с этой стороны вовсе не противоречат нашему времени, не чужды ему. Иную картину дают и наблюдения над бытованием причитаний. Мои наблюдения, как собирателя плачей, и рассказы, вызываемых в Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры воплениц, свидетельствуют о весьма интенсивном бытовании причитаний в современной Карелии. Например, известная в Карелии сказительница А. В. Ватчиева, активная общественница в своем колхозе, член сельсовета рассказывает как у нее учатся причитывать местные женщины... „Попросят, так положишь ей руки на плечи и начнешь причитывать. Слово к слову так и идет. А они запоминают“. О том же говорят вопленицы из Пудожского и Беломорского районов. При этом надо отметить, что причитывают по умершим женщины всех возрастов. Например, бывшая ученица Шуйской неполной средней школы (близ Петрозаводска) А. Уйбо рассказывала о причитаниях ее соученицы по умершему отцу.

Конечно, в нашу эпоху происходят наиболее интенсивные и коренные изменения, в соответствии с изменениями условий жизни и психоидеологии народа, как во внутреннем характере причитаний, так и в осмыслении и употреблении выразительных и образительных средств, присущих этому жанру. Многие элементы, даже бывшие главными в дореволюционных плачах да и в плачах первых лет после революции, быстро исчезают. Например, мотивы нищенской сиротской доли и бедственного существования вдовы совершенно чужды нашим дням построения зажиточной колхозной жизни. И действительно, в плачах последних лет их мы уже не встретим. Об этом подробнее будет сказано ниже. В современных похоронных причитаниях наряду с отпадением ряда старых мотивов и усилением других (например, чувств любви и лирической скорби) намечаются и новые, гражданские мотивы, выявляется новый их политический смысл. Так У. Г. Моисеева оплакивает своего сына не только как сына, но и как старательного бригадира колхоза. Новая политическая заостренность особенно видна в плачах Е. П. Копейкиной, П. З. Ражиковой и Е. С. Журавлевой. Таким образом, продолжая бытовать, похоронные причитания изменяют свой внутренний смысл и свою функцию.

Большая часть текстов нашего сборника сложена по умершим в самые последние годы, другая часть похоронных причитаний сборника записана по воспоминаниям воплениц и насыщена социальными мотивами, отражающими дореволюционное прошлое.

В сборнике представлены и тексты тематически особого вида причитаний, довольно распространенных в наше время. Эти причитания можно объединить под общим названием бытовых плачей. Вопросы бытования и идейных и стилистических особенностей их до сих пор не освещены в специальной литературе. Как уже было сказано выше, похоронные причитания, потеряв свое магическое значение, стали для женщины-крестьянки только привычной формой выражения горестных чувств. В них она также вспоминала пережитое и предвидела невзгоды ожидавшие ее в будущем без кормильца семьи. Особенно много места отводилось повествованию о тяготах жизни в так называемых „надмогильных или поминальных“ причитаниях. На могиле мужа, сына или матери женщина, обращаясь к умершему, выплакивала все, что ей пришлось пережить, рассказывала о том, как она выбивается из сил, чтобы справить крестьянскую работу и прокормить „детей малых“ и т. д. В литературе о причитаниях известен еще один вид плачей, обращенных к умершему, правда редко наблюдаемый — плачи-сетования. Они исполняются по случайным поводам, например, в особенно трудную минуту жизни вдова или мать обращается к мужу или сыну с жалобой на горькую судьбину. С течением времени были выработаны и выразительные средства, оформляющие подобные переживания. Таким образом становится понятным почему женщина-крестьянка для выражения горестных мыслей и чувств, не связанных с похоронным обрядом, использует форму похоронных причитаний. Они уже находили себе место в надмогильных плачах и плачах-сетованиях, но были связаны с обращением к умершему и переплетены с чисто обрядовыми элементами. С ослаблением значения похоронного обряда, обращение к умершему могло и не понадобиться. И тогда в тяжкие минуты жизни из уст женщины-крестьянки вырывался причет, оформляющий в традиционные формы ее горестные размышления. „Когда горько придется, стоснется да сбиднется, вот и начнешь причитывать. Поплачешь, — и легче станет“, — говорила мне Хмылова. М. М. Матвеева рассказывала, что часто в долгие зимние вечера она в голошении целыми часами выговаривает свое горе от разлуки с детьми. П. М. Гордеева оплакивает выход своих сыновей из семьи, А. М. Пашкова — болезнь сына, Е. Д. Петухова — бедняцкую свою долю и т. д.

✓ Принципиально новым явлением в процессе развития жанра причитаний являются многочисленные плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза. В них много места отводится размышлениям о новой счастливой жизни, о роли вождя в ее достижении и их героической революционной борьбе, о прошлом в жизни народа. Но, кроме того, что они используют традиционные приемы причитаний, их поэтику, они имеют и много родственных мотивов, особенно с похоронными плачами последних лет (например, тема любви и жалости, тема изменений вдовьей и сиротской доли, тема показа личной жизни). Это дает нам право говоря об изме-

нениях в жанре причитаний, ссылаться иногда также и на них, конечно, учитывая всю разницу этих явлений современного народного творчества.

II

Как ни значителен вред рабской идеалистической проповеди христианской церкви, здоровое трудовое начало значительно больше влияло на формирование народного сознания. Трудовая деятельность вырабатывала реалистическое мирознание, вырабатывала активное отношение к окружающему миру. Христианская психологическая идеология, которую старались привить трудовому народу, в своем существе была чужда трудовой требовательности к окружающей действительности, на которую была направлена деятельность человека. Именно от нее по самому существу труда ожидался блага и результаты труда. И не только наград за свой труд ожидал народ здесь на земле, а и самый смысл существования виделся только в земном бытии как таковом, а не как в подготовке к переходу в иной мир.

Плачи по умершим та область, где очень ярко вырисовывается победа трудовой психологической идеологии народа, хотя религиозное учение, связанное со смертью человека, было весьма утешительно и заманчиво для обездоленного трудового народа. Тем более это сказывается сейчас в современных нам причитаниях, связанных и не связанных с похоронами, когда сознание народа освобождается от религиозного дурмана и когда это земное бытие наполняется довольством и счастьем.

Умирал олонецкий крестьянин, всю свою жизнь проходивший за плугом, очищавший свои поля между щельгами от камней, ловивший рыбу в „шумливой Онегушке“, или уходящий „во бурлакушки во дальние“. Не видел он в жизни ни счастья, ни довольства и умирал рано „на трудной на работушке“. После него оставалась многодетная вдова с малыми детьми („будто курушка с цыплятами“), обреченными на трудное сиротское существование. Христианское учение призывает вдову покориться божественному промыслу („так богу было угодно“) призывает видеть в смерти „вестника покоя и радости, уготованных усопшему в рай“. Ничего подобного мы не найдем в плачах. Здесь смерть считается величайшей несправедливостью, (например, в плаче А. М. Пашковой есть такое обращение к богу:

„Не по закону, не по правилу
Взял жены мужа законного,
А у сирот — кормильца-батюшка“).

изображается заклятым врагом человечества, называется „злой и злойной смеретушкой“, всячески проклинается. Жена, мать, сестра всячески сопротивляются приходу смерти, ставят придверничков, предлагают за жизнь все имущество, лучшие угощения, хотя хитростью отвлечь ее внимание. И таким духом борьбы и непри-

миренностью со смертью пронизана основная масса плачей. Я говорю — основная потому, что не редко встречались, да кое где и сейчас встречаются, глубоко религиозные женщины, которые внесли соответствующую настроенность и в свои причитания. Элементы такой религиозности мы видим в причитаниях Титовой и Петуховой.

Вообще, в зависимости от личной психоидеологии и способности выразить, роль индивидуальности в выражении общего, общенародного чрезвычайно значительна. То, что у рядовых воплениц выражено слабо и стихийно, у крупных, например, у И. А. Федосовой, принимает глубоко осознанные и резко очерченные формы. Гнев и протест в плачах И. А. Федосовой достигает большой силы.

В плачах совершенно отсутствует и мотив надежды на встречу с умершим в потустороннем мире. Женщина, потерявшая своего близкого, даже не вспоминает о возможности, согласно религиозного учения, уже вечного продления совместной жизни. Она строит всевозможные предположения о встрече здесь на земле, в этой жизни, хотя каждый раз и обрывает свои мечтания рассудочно-реалистическим умозаключением о невозможности этого:

„Только век тое не водится,
Живой с мертвого не родится,
Взад с могилы не воротится,
У ворот не поколотится“.

У. О. Староверова ждет „свою законную семеюшку“ по весне „со бурлакушков-то вольных“, якобы забыв о его смерти; А. М. Пашкова ищет своего сына в доме, на улице, в лодке, в конторе, пока не убеждается в том, что сына она уже никогда не встретит.

Вопленицы часто описывают тягость своей жизни и жизни семьи, часто сопоставляют ее с жизнью богатых, мечтают о хорошей жизни или оплакивают неосуществившуюся мечту об устройстве такой жизни (Пашкова вспоминает, что ее сын до последней минуты утешал мать:

„Приокончу я ученьце,
Поступлю я на служеньце,
Тебе будет облегченьце,
От крестьянской от работушки“),

но никогда не утешают себя мечтами о жизни в раю.

Отсутствие мотивов встречи в ином мире и утешения райской жизнью надо объяснить тем, что народ видит весь смысл бытия именно в земном существовании, тем, что великий реалист-народ по трудовому характеру своему ценит жизнь реальную, все связывает с нею и все мечты и думы направляет именно на нее.

С тех пор как человек научился мыслить, простое здоровое ощущение жизни толкало его к отрицанию абсолютного конца человеческого бытия. Выраженное в формах религиозного мышления,

оно утверждало сначала продолжение в загробном мире материального существования, потом продолжение жизни только духовного начала человека — его души. Это последнее было закреплено и развито христианской религией и другими идеалистическими учениями разного толка. Материалистическое мышление, подходя по иному к этому вопросу, тоже борется против бессмысленности и бесследности человеческого существования. Оно видит бессмертие человека в его делах, в его вкладе в социальный прогресс, в его потомстве.

Плачи, как художественная форма народного мышления, тоже, хотя и стихийно, по-своему выражают эту непримиримость с абсолютным концом человеческого существования. Но и здесь совершенно не принимается религиозная доктрина о потустороннем бытии. Оплакивающая умершего, женщина выражает эту идею в форме мечтаний о возвращении умершего. У. Г. Моисеева говорит, что она ходила „в сельсоветы к председателям и в главсуд ко заседателям“, чтобы „воротить сына баженого со этой со дороженьки“. Конечно, не следует принимать эти слова вопленицы как повествование о реальном действии. Это одна из художественных форм мечтаний с построением различных предположений и воображаемыми действиями. Плачевая традиция разработала даже специальные поэтические формулы таких мечтаний о возможности возвращения. В плаче А. М. Пашковой о муже находим использование одного из таких поэтических образов:

.. Если так ты не подоймешься,
От своих я слез горячих
Пропущу я речку быстрюю;
Как я сделаю, горящица
Из обидушки я—лодочку,
Из кручинушки—весельшки,
Сама сяду на коромушку,
Своих маленьких детушек
Посажу я во весельшки“ и т. д.

У. О. Старовойта ждет мужа из „бурлакушков-то вольных“, и хотя она знает, что „век тое не водится, живой с мертвого не родится“, все же она продолжает мечтать о том, что смерть не была концом, что не может же человек так вот и исчезнуть навсегда.

Конечно, можно говорить только о стихийном проявлении в похоронных причитаниях идеи отрицания абсолютного конца человеческого бытия. Правильного понимания форм воплощения человеческого бессмертия у крестьянской женщины не было, да и не могло быть.

Зато в современных плачах и сказках о вождях и героях Советского Союза мы находим это правильное материалистическое понимание, правда не везде и не в одинаковой степени. В ряде плачей, сказов, сказок и др. фольклорных произведениях авторы утешаются мечтой о том, что Ленин не умер, а только спит и

придет время, когда он снова „подойдется“ (я подчеркиваю, что, как и в старых причитаниях, так и в этих произведениях фольклора, это не реальные мечты, а мечты — художественный прием). Но во многих других плачах и сказах бессмертные вожди и героев понимается так же, как и в известной бурято-монгольской песне „Жив Ильич“ (Ленин живет в расцвете колхозов, в росте фабрик и заводов, благодарной памяти трудящихся и т. д.).

Интересно, что в причитаниях ярко сказывается своеобразное утверждение социальной ценности человека, подход к оценке жизни с точки зрения ее полезности для окружающих, для общества. Эта полезность справедливо усматривается в роли кормильца и поильца семьи, в воспитании детей, в создании материальных ценностей. В эпизодах спора и борьбы со смертью вопленицы высказывают соображение, что смерть должна была взять или старого, или малого, или „человека безнадийного“ (т. е. человека бесполезного). Это было бы, по убеждению вопленицы, справедливым биологическим актом. Этот мотив в северных плачах всегда встречается там, где оплакивается потеря работника, опоры семьи. Совершенно правомерно он перешел и в плачи и сказы о Ленине, о Кирове и др. О них современная вопленица с неизмеримо большим правом говорит:

„Есть ведь старые и малые,
Есть люди безнадийные,
А ему бы там не мѣстечко,
Лежать ему в могилушке“

(Кокунова: „Плач о Ленине“).

III

Вся специальная литература о причитаниях особо подчеркивает большую насыщенность причитаний социальными мотивами. Ни один жанр народного творчества не может сравниться в этом отношении с плачами. Сам характер причитаний таков, что в них особенно легко проникали социальные мотивы. Вспомним, каково было первоначальное назначение причитаний. В период доклассового общества, когда возникал жанр похоронных причитаний, верили, что покойник после смерти живет такой же материальной жизнью, как и до смерти. И вместе с тем он приобретает особую власть над живыми, он может помогать или вредить живым. Из подобных представлений возникала потребность задобрить покойника, расположить его в свою пользу и привлечь к себе его покровительство. Назначение похоронного обряда и похоронных причитаний как раз и было таково, чтобы достичь вышперечисленных результатов. В причитаниях покойника восхваляли, высказывали сожаление по поводу его смерти и рисовали тяжесть положения оставшихся, чтобы подчеркнуть значение его для живых. Эти три тематических элемента легли в основу причитаний всех народов.

Позднее эта вера утратилась, и причитания, превратившиеся в обычай, приобрели характер выражения непосредственного горя по поводу смерти близкого человека. Но основные тематические элементы причитаний остались. Осталась и задача — показать, как тяжело живется оставшимся родным умершего. А выдумывать эту тяжесть жизни крестьянству, как основному хранителю и носителю жанра причитаний, необходимости не было. Нищета, тяжелая работа, эксплуатация и угнетение со стороны господ разных мастей — таким было положение крестьянства на протяжении многих веков. Нищета и непосильная работа во много раз усугублялась потерей кормильца семьи. О всем этом особенно уместно было говорить в похоронных причитаниях. Вот почему похоронные причитания оказываются особенно социально насыщенными.

В кругу семьи и соседей причитывающая женщина могла, не опасаясь никаких цензурных ограничений и запретов, излить скорбь, накопившуюся за многолетнюю жизнь, преисполненную всевозможными лишениями и страданиями или в предвидении этих страданий в будущем, после потери добытчика семьи.

Авторы вступительной статьи к „Русским плачам“ перечисляют следующие основные мотивы, из которых обычно состоят причитания. „К покойнику обращаются с вопросами, куда он отправляется, на кого рассердился и на кого покидает родных. Оставшиеся в живых жалуется на свое сиротство, вспоминают о прошлом, говорят об обманутых надеждах. Нередко высказывается сожаление о том, что родственники прокараулили смерть, не откупили и не заменили покойника. К умершему обращаются с просьбой возвратиться, обращаются также и к стихиям с просьбой о помощи; высказывают надежду на встречу и нередко завершают причитание грустной мыслью о невозможности возвращения“.

Наличие тех или иных из вышеперечисленных мотивов в отдельных причитаниях, сила и выразительность их зависит, как указывают те же авторы, „и от различия самих условий действительности (общих и личных. М. М.) и от художественного таланта исполнителя“. Ниже будет показано какую эволюцию претерпевают плачи, особенно со стороны размера и характера социальной насыщенности, а также и со стороны соотношения эпических и лирических элементов, в зависимости от изменения действительности.

Изображению тяжести народной жизни до революции посвящены многие художественные произведения. Причитания могут войти в их число и занять далеко не последнее место по художественной силе и реалистичности показа действительности. Многие писатели учились этому у мастеров народного плача. Для Н. А. Некрасова такой учительницей и одновременно источником многих поэтических образов была талантливая народная поэтесса-вопленица И. А. Федосова, крестьянка дер. Лисицыно ныне Кузарандского С/совета Заонежского района.

Наряду с величайшими произведениями критического реализма народные плачи являются для нас и будут являться для последующих поколений одним из крупнейших источников для познания дореволюционной действительности. Причитания — художественное отражение положения и психологии крестьянства страшных лет России. Поразительной силы и яркости картины трудной крестьянской жизни, беспомощного положения вдов и сирот, доли бедняка находим мы в плачах И. А. Федосовой, Н. С. Богдановой и десятков других воплениц, представленных здесь и в других сборниках. В них мы найдем и картины унижений и притеснений со стороны царских чиновников, разорения ими „крестьянской жирушки до последней лапотиночки“.¹ Найдем и картины эксплуатации местных богатеями беднейшего крестьянства. Например, в представленном в этом сборнике плаче М. Ф. Павковой о сыне читаем:

„Как пойду, бедна горющица,
В лес на трудную работушку
По солнеставу солнца красного,
К богачам пойду на трудную
Я за гривну, за двугривенный.
А к закату солнца красного
До того доработаюся,
Что едва домой шатаюся“.

(См. также здесь плачи А. М. Пашковой: о муже, плач сироты и Н. С. Богдановой плач о дочери, Русские плачи; 1937 г.).

Большинство воплениц в причитаниях выражали личное горе, описывали обстоятельства личной жизни, но это личное приобретало общественное значение, поскольку ситуация, воспроизводимая в плачах, была явлением массовым.

Крестьянство, создатель и носитель жанра причитаний, никогда не было классово-однородным. И хотя причитания и являлись достоянием всех классовых прослоек крестьянства, к их развитию и совершенствованию больше всего руку приложила его разорившаяся и разоряющаяся часть, т. е. беднячество и большая часть середняков (речь идет о дореволюционном крестьянстве). Я считаю уместным здесь привести ленинскую характеристику экономического положения среднего крестьянства до революции, чтобы показать, что причитания обеих прослоек весьма близки по своим особенностям, показать одинаковое их отношение к жанру причитаний: „Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не при-

¹ См. например, плачи И. А. Федосовой о писаре и о старосте. Барсов Е. В. „Причитания Северного края“. т. I.

бегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать „подсобных“ сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливых, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции“ (Ленин, т. III, стр. 131). Больше чем в других частях России среднее крестьянство Олонецкого края держалось на подсобных заработках. Мало-земелье и скудная почва не могли даже обеспечить олонецкого крестьянина своим хлебом до следующего урожая. В таких условиях смерть работника означала прямой переход в ряды неимущих и сельского пролетариата.

Как уже указывалось выше, причитания являлись достоянием всех классовых прослоек крестьянства. Причитания звучали и на похоронах богатого и на похоронах бедного крестьянина. Но их характер был далеко не одинаковым. Различие бытовой обстановки бедняцкой и богатой семьи, их различное восприятие жизни настолько отличают причитания, что можно говорить о различной функции причитаний для бедняцкой и средняцкой части крестьянства с одной стороны и для зажиточной и кулацкой — с другой. Для первых двух прослоек деревни, т. е. для большей части крестьянства, причитания являлись в большей мере средством выражения мыслей и чувств о тяжести жизни и социальной угнетенности. В причитаниях женщин, принадлежащих к этим прослойкам деревни, господствуют мотивы нищенской сиротской и вдовьей доли, нужды и тяжести существования крестьянской семьи. Выражение чувства любви к покойному в таких плачах занимает второе место, а иногда даже совсем вытесняется, как, например, в плачах М. Ф. Павковой.

Итак, для этих прослоек деревни причитания были главным образом выражением социально-экономического положения, как главной стороны жизни. Этим же объясняется и своеобразное отношение к покойному, высказываемое в этой группе причитаний. Если судить только по этому отношению, можно сделать вывод о какой-то черствости души вопленицы, о каком-то материальном расчете в выражении сожаления об умершем близком человеке. Оплакивают его или как кормильца и поильца семьи, или как неосуществившуюся мечту иметь под старость такого кормильца, или напрасно затраченную жизненную энергию; на могиле матери говорят не о любви, а о тяжести жизни и т. д. в то время как личные симпатии, личная любовь выражается только в ласкательных эпитетах и других стилистических приемах. В то же время личные черты и биографические данные вопленицы говорят о глубокой любви, доходящей до жертвенности, к этому умершему близкому человеку. Например, из биографии той же М. Ф. Павковой мы узнаем, что при жизни сына, плач по которому приве-

ден в нашем сборнике, она ежедневно носила его—инвалида (с полугодового возраста он не ходил из-за перелома хребта) на своих руках за 2 километра в школу, несмотря на то, что в это время билась, как рыба об лед, в отчаянной нужде.

В причитаниях женщин, принадлежащих к зажиточной и кулацкой части деревни, мы, естественно, никаких сетований на нужду не встретим. Главное место в них занимает выражение чувств любви и сожаления о смерти. Как на характерный пример такого плача можно указать на плач богатой вдовы, записанный П. Н. Рыбниковым.¹

Поскольку для большей части крестьянства причитания, главным образом, были формой выражения мыслей и чувств о тяжести жизни и социальной угнетенности, постольку и поэтика причитаний разрабатывалась в этом направлении. Действительно, поэтика северной причеты изобилует традиционными средствами, предназначенными изобразить тяжесть жизни сироты, вдовы, семьи бедняка. Вот одно из многих описаний бедственного положения вдовы, ставшее традиционным:

„Без тебя, семья законная,
У мя работа не работана,
Только силушка укротана.
Я в горях загоревалася,
Я в тосках затосковалася.
Нету верхня одеваньица,
Нету зимня согрewanьица,
Уж нет обутоцки на ноженьке;
Находимся босешеньки,
Насидимся голоднешеньки.
Уж мы в избе сидим холодные,
А у стола сидим голодные.
Стоит пеценька обидная,
Стоят рамоцки пецальные,
А околени слезливые,
Во углах одни ледоцки,
На середоцке сиротоцки.
Уж принаскоплено обидушки
Да принакладено кручинушки
Три замченых коробеюшки.
Про все рассказывать
Так наб бумажецка в чисто поле,
Наб чернилица с синё море“...

Эта же бедняцко-средняцкая среда преимущественно выделяла мастериц-воплениц — певцов своего горя. М. М. Пришвин в очерке „Вопленица“² пишет: „На Выг-озере я знал несколько вопле-

¹ „Песни, собранные Рыбниковым“, изд. 2, М., 1910, т. III, стр. 118—120.

² „В краю непуганных птиц“, Спб. 1913, стр. 48—65.

ниц, и все они были вдовицы, горюши горе-горькие". Одна из них говорила автору: „Сама я от своего горя научилась: пошло мне обидно, несладно, вот и научилась!“ Подавляющая часть воплениц, представленных в этом сборнике, принадлежала в недалеком прошлом к бедняцкой части населения деревни. Но и вопленицы, сами принадлежащие к более зажиточному слою крестьянства и наделенные талантом, прекрасно понимали социальную функцию основной массы причитаний. В своем творчестве они неизменно приходили к выражению и изображению бедняцкой доли и социально-экономической угнетенности, т. е. выражению мыслей и чувств бедняцкой части деревни. Знаменитая Ирина Андреевна Федосова, происходящая из семьи „прожиточной и степенной“, предоставила свой изумительный талант на службу всем придавленным кабалой, нуждой и непосильным трудом. Не будучи сама вдовой, „горюшей горе-горькоей“, не испив чаши „сиротаньица“, Федосова с большой силой выразила их мысли и чувства. Другая значительная, хотя и менее талантливая, вопленица, представленная в этом сборнике, А. М. Пашкова, тоже происходящая из такой семьи, где „всего было вдоволь“ (конечно с крестьянской точки зрения), в плаче по мужу и в плаче сироты по дяде отразила положение вдовы бедного крестьянина и положение сироты-батрачки.

После Октябрьской революции народ, сбросив с себя многовековой гнет экономического и политического рабства, принялся строить свое свободное социалистическое государство. Но социалистическая революция не могла сразу принести всем трудящимся безбедное существование. Преодолев годы разрухи, через НЭП партия и правительство привели страну к социализму и вместе с тем трудящееся крестьянство к колхозному строю, в рамках которого оно быстро создает зажиточную жизнь. С большой яркостью этот путь отразился на эволюции похоронных причитаний. В гражданскую войну и в ближайшие за ней годы Советская Республика немного могла сделать в деле помощи беднейшей части деревни, вдовам и сиротам. И поэтому мало чем отличаются причитания этого времени от дореволюционных причитаний (см., например, плач по мужу, погибшему в боях с белыми, А. Н. Корешковой).

Но позднее жалобы на нужду и тяжесть жизни из плачей постепенно исчезают. На их место становятся мотивы, выражающие жалость и горе от потери любимого человека.

Освобождение от экономического и политического гнета, рост зажиточной колхозной жизни и культуры в стране изменили характер причитаний, и сейчас мотивы сетований на нужду отпали, а чисто лирические мотивы стали главными. Таковы представленные здесь причитания У. Г. Моисеевой, А. В. Ватчиевой, А. И. Тереховой, А. И. Кузнецовой, А. Г. Хмыловой, М. И. Фоминой, П. Э. Ражиковой, Е. П. Копейкиной. Совершенно закономерно остается в них мотив сожаления о потере работника, сотрудника по крестьянской работе или помощника в ней. Но он не сопровождается жалобами на нищенскую долю. Да и он из личного мотива посте-

пенно переходит в мотив гражданский. Так Моисеева, оплакивая своего сына, бывшего бригадиром колхоза (умер в 1937 г.) и оставляя мотив сожаления о потере работника, подходит к нему не с узко семейной точки зрения, а с общеколхозной. Бригадиром ее сын был заботливым, старательным и „распорядливым“. Поэтому по ее мнению

„За его да за работушку,
Да за ответушки за милье.
Да за усердную работушку
Не такие надо похороны.
Несем труп да мы не детскую,
Надо было музыку советскую“.

Интересную трансформацию мотива сиротской доли, ярко отражающую заботы Советского государства о трудящихся, мы видим в плачах Е. П. Копейкиной, П. З. Ражиковой и Е. С. Журавлевой (плаче о сыне). У Е. П. Копейкиной муж умер в 1929 г. Причитывая по нему, в диалогизированной форме, она описывает предполагаемое тяжелое положение сирот. Но в форме ответа мужа на ее вопрос она говорит, что

„Нынь ведь времячко счастливое,
Уж будет время таланливое,
Уж теперь времячко советское.
Уж ты ведь сходишь, моя милая,
Уж обратят да ведь вниманьице“.

И действительно, после „заявленница“ „советским правителям, всему свету избавителям“, после их помощи через несколько лет она „стала мать теперь счастливая“, потому, что

„Распекло да красно солнышко
И пригрело мать счастливую.
При советской нунче жирушке
Я сижу да под окошечком,
За зелеными цветочками“.

И потому:

„Как приносим благодареньце
Мы вождю да товарищу Сталину.
Уж вам глубокое почтеньце
Уж как за ласковы словечушки,
За больши за добры делушки“.

Последнее (со слов „стала мать теперь счастливая“) Копейкина „приплакала“ при записи, производимой в мае месяце 1939 г.

Тот же мотив грамотки-заявления „дорогим своим товарищам“ встречается и в плаче П. З. Ражиковой, хотя уже в менее развернутой форме.

Е. С. Журавлева в плаче о сыне причитывает

„А как нынечко, теперечко,
По сегодняшнему денечку
У нас все переродилось,
Стара власть переменялася.
Как у советского правительства
По вдовам стала заботушка,
По сиротам стала зашитуска“.

Как это далеко, например, от стонів М. Ф. Павковой, проникнутых крайней безысходностью и подавленностью.

Мотив сиротской и вдовьей доли продолжает разрабатываться и в плачах и сказах о Ленине и Кирове, конечно, с трансформацией подобно плачам Е. П. Копейкиной и П. З. Ражиковой. М. Ф. Павкова, точно также как Копейкина обращается к мужу, обращается к В. И. Ленину с вопросом „Как нам жить, бедным горящим, как возрастить детей малых, как учить сирот несчастных?“ И сама отвечает женщинам:

„Вы идите в город Сталина
Передал Ильич да он Иосифу
Он Иосифу да свои знания;
Он поможет жить да вдовам бедным,
Поможет учиться бедным сиротам“.

(см. также плачи Быковой и др.).

Часто в плачах и сказах о вождях разработка этого мотива идет по линии сопоставления горестного положения вдов и сирот до революции и забот о них партии и правительства в наше время.

Плачи очень редко называют истинных виновников крестьянского разорения, эксплуататоров крестьянского труда, изображая только жизнь такой, как она есть. Но на вершине плачевой культуры, в причитаниях Ирины Федосовой, где все элементы плачей достигают своей пока еще непревзойденной остроты и совершенства, мы находим страстные проклятия „злодеям супостатым“, „разоряющим жирушку крестьянскую до последней до лапотнички“. Плач о старосте дает нам глубоко реалистическую картину наезда царских чиновников:

(„Для податей ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?“),

издевательств их над бесправными крестьянами („будто зверь да во темном лесе кидается):

„Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае“).

Современные нам похоронные плачи, отражая новую жизнь, новые общественные отношения, дают нам иную картину роли

государственной власти в жизни трудового крестьянства, рисуют нам иное отношение к ней. Не говоря уже о плачах о Ленине и Кирове, цитируемые выше плачи П. З. Ражиковой, Е. П. Копейкиной и Е. С. Журавлевой яркий тому пример. Советская власть— „надежа великая“, выводящая трудовое крестьянство в счастливую советскую жизнь.

Ленин называл Л. Н. Толстого великим выразителем тех идей и настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Ленинская характеристика положения, и порожденных этим положением настроений и стремлений, русского крестьянства многое объясняют в характере и настроенности похоронных причитаний. Ленин писал: „С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь и помещиков и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян...

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, поюродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу...

Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы“.¹

Все социальные элементы дореволюционных причитаний выражают только одно — страстное недовольство существующей действительностью, в которой столько горя и страданий, сколько нужды и лишений, в которой бедный человек погибает, задавленный нуждой, вдова надрывается на работе, одна выполняя все работы по крестьянскому хозяйству, сироты нищенствуют, богатые „за гривну, за двугривенный“ заставляют работать „с солнеставу“ до заката солнца, в которой не только не оказывают помощи в нужде, но где звериный закон капитализма натравливал всех на борьбу против всех, и где власть имущие грабят, издеваются над крестьянами. В этом недовольстве существующим выражалось стремление уйти от него, желание такого строя и таких общественных отношений, при которых было бы все иначе. Но мы и намек не найдем на то „каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу“ (Ленин). Крестьянство знало от чего надо уйти, но не знало к чему идти.

Отпадение в современных похоронных плачах всех социальных элементов, выражающих недовольство, лишний раз указывает на то,

¹ В. И. Ленин, „Лев Толстой как зеркало русской революции“, т. XII, стр. 333.

что коммунистическая партия ведет крестьянство по пути осуществления всех их надежд и стремлений.

Если в современных причитаниях по умершим родственникам мы смогли отметить только начало нового их социального звучания, то плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза, этот новый вид устного народного творчества, целиком являются выражением нового, выражением общей, всенародной скорби по поводу смерти лучших представителей народа. Многовековое наследие выразительных и изобразительных приемов и средств причитаний, при помощи которых русская женщина высказывала свое личное горе, теперь используется ею для выражения горя всенародного. Но для несравненно более широкой темы, каковой является тема выражения мыслей и чувств всех трудящихся, одного поэтического наследия для современной вопленицы совершенно недостаточно. Поэтому мы видим наряду с новым звучанием старых поэтических средств широчайшую личную изобретательность вопленицы, личное поэтическое творчество, уже выходящее за рамки повтического канона жанра похоронных причитаний.

Плачи и сказы о вождях и героях органически соединяют в себе и традицию причитаний, и традицию эпической народной песни, и былины, и большую долю совершенно нового, свежего вклада воплениц, в соответствии с требованиями нового их идейного содержания и требованиями задач, которые ставят себе вопленицы в своих произведениях.

Эти же задачи потребовали внесения и большего повествовательного, сказового элемента. Поэтому правильнее их называть не плачами — причитаниями, а плачами — сказами. В зависимости от доли повествовательного, сказового элемента в отдельных произведениях и использования поэтических средств неплачевой традиции мы их называем то плачами, то сказами, то плачами — сказами. Надо отметить, что они не обладают более или менее установившимся композиционным единством мотивов, как это мы видели в большинстве похоронных причитаний. Из всей совокупности мотивов, некоторые разрабатываются вопленицами наиболее часто. Но все они подчинены основной идее, основному замыслу, — показать значение данной личности для народа и выразить всю глубину скорби народной, причиненной ее смертью.

Особенно значительны мотивы плачей, касающиеся жизненного пути вождя народа. Многозначителен уже сам отбор биографических моментов. Вопленицы в своих плачах и сказах вспоминают те этапы жизни Ленина, Кирова и Крупской, которые особенно переполнены лишениями и страданиями в борьбе за интересы трудового народа; рассказывают о годах тюрьмы и ссылки, о полных опасности годах, изгнания и подпольной деятельности. В их жизни вопленицы видят повторение судеб всего трудового народа. Как и трудовой народ, они прошли через годы тяжелой жизни, жестокой борьбы с угнетателями и, наконец, добились для трудящихся, а вместе с тем и для себя, радостной и светлой жизни.

Например, в плаче о Ленине М. Ф. Павковой мы читаем:

„Не жывал — то он, Владимир Ильич,
Во палатах грановитых,
Во усадьбах он да красовитых,
А во тюрмах сидел да за решетками
Постель была да ледку ярого,
Подушка была да снежку белого,
Одеяло было да ветры буйные.
Создавал Владимир жизнь свободную,
Жизнь свободную да славу вечную“.

Такое сходство личных судеб как-то особенно роднит, по мнению вопленицы, вождя с его народом.

Вопленицы жалеют, что В. И. Ленину и С. М. Кирову не пришлось „пожить жизнью хорошею поболее“ (см. в плаче о Ленине А. С. Уконен.

Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет к Ильичу смеретушка,
И не пришла ему судьбинушка
Пожить жизнью хорошею поболее“.)

Вполне правомерно народ видит в своих вождях воплощение своих лучших черт. В плачах и сказах особенно подчеркивается их борьба за вековую правду, их подлинное человеколюбие, бесстрашие мужество, бескорыстие, трудолюбие. А. М. Горький говорил о „стремлении людей воплотить в жизнь лучшие свои мечты, надежды и помыслы, создать из них прекрасные образы поэзии и образцы для своего поведения в жизни“. В своих вождях и героях народы Советского Союза нашли и то и другое. А. С. Уконен с глубокой осознанностью подчеркивает все эти черты в образе В. И. Ленина.

„Мне уж стать-сказать — не высказать,
Мне уж стать-писать — не выписать
Про твое житье-живленьице.
Была жирушка тяжелая
Все работала твоя буйная головушка
И волновалось ретливое сердечико,
И был отправлен ты на чужедальную сторонушку,
И был посажен ты на замки ключёвые,
И еще то жил во темных лёсиках.
Была тебе мукушка и печалушка,
И имел ты великую досадушку.
Все работал и старался
Своей буйной головушкой
И ретливым сердечиком.
Все кручинился — печалился,
Полагая свою жизнь
За свой любимый народ“.

То же мы найдем и во многих других плачах и сказах о Ленине, о Кирове и о Крупской.

В плачах и сказах о героях Советского Союза подчеркиваются эти же черты мужества, бесстрашия и высокого героизма в служении народу. Наличие в плачах и сказах этих мотивов сближает их с героическим эпосом народов Советского Союза.

Весьма интересно, что вопленицы не ограничиваются выражением жалости, скорби о потере Ленина, Кирова, Крупской, Чкалова и др. как вождей и героев. Вырисовывается и глубокая заинтересованность в просто человеческой судьбе человека-вождя и его близких, глубокое понимание их личных чувств и отношений. Например, А. М. Пашкова в плаче о Чкалове, понимая как глубоко дорог для жены Валерия Павловича он как человек, как муж, обращается к ней с советами и утешениями. Тот же мотив мы встречаем в плачах о Ленине, о Кирове и др.

Глубока скорбь народа, потерпевшего невозвратимую утрату, но она не безысходна. Сознание того, что дело Ленина находится в верных руках коммунистической партии и ее вождя И. В. Сталина дает утешение вопленицам. Поэтому, неизменно все плачи и сказы имеют оптимистический конец. М. Ф. Павкова на вопрос женщин о том „как дальше жить бедным горюшицам, как возрастить детей малых, как учить сирот несчастных“ без В. И. Ленина отвечает:

„Расскажу я вам, сестрицы милые,
Вы идите в город Сталина:
Передал Ильич да он Иосифу,
Он Иосифу да свои знания,
Свои знания да людям честным,
Людям честным, людям хорошиим.
Они помогут жить да вдовам бедным,
Помогут учиться бедным сиротам“.

Настраивает на оптимистический лад воплениц и продолжающееся развитие социалистического строительства в нашей стране, о чем с большей любовью рассказывается в плачах и сказах.

Причитания обладают необыкновенной силой эмоционального воздействия на слушателей. Тем более захватывают современную аудиторию плачи о вождях и героях Советского Союза, поскольку здесь оплакиваемый также дорог слушателям как и самой вопленице. В прошлом году, в годовщину убийства С. М. Кирова вопленица Е. С. Журавлева из раб. поселка им. 1-го Мая Шальского с/с. Пудожского р-на у себя на дому причитывала по Сергею Мироновичу. Присутствующие соседи, мужчины и женщины, увлеченные поэтической силой и скорбным мотивом причета, плакали вместе с вопленицей. Необычайным казалось, как потом рассказывала присутствующая при этом девушка, соседка вопленицы, что старые, бородатые мужчины поминутно вытирали слезы, катившиеся по их морщинистым щекам. Сама Журавлева расска-

зывает как однажды на пароходе по пути из Петрозаводска все находящиеся на палубе, знакомые и незнакомые, окружили ее и усиленно стали просить исполнить плач о Чкалове, который недавно кто-то из присутствующих на палубе слышал от нее. Слова плача потрясли до слез не только присутствующих женщин, но и группу военных, вышедших в это время из каюты. Иногда Екатерина Семеновна исполняет свои плачи по радио. После этих выступлений долго не прекращаются в деревнях похвалы по ее адресу. Женщины, слушающие такие выступления у репродукторов, обыкновенно горько плачут. Все окружающее население следит за плачевым творчеством Журавлевой. Узнав о ее новом плаче, обыкновенно ее приглашают в заводский клуб, в избы к соседям, где собирается к этому времени много народу. Рабочие лесопильного завода и колхозники окружающих колхозов знают и любят свою сказительницу-вопленицу, выразительницу их дум и чувств.

Популярна как исполнительница плачей о вождях и героях в своем городе (гор. Беломорск) вопленица Ф. И. Быкова. О глубоко эмоциональном исполнении ею плачей с большим уважением отзываются ее слушатели и слушательницы.

Вопленица А. В. Ватчиева также в своем колхозе известна плачами о Ленине, Кирове, Чкалове и др.

Интересна одна деталь ее исполнения. Она особенно впечатляюще исполняет свои плачи, когда в ее руках находится портрет того, по кому она исполняет плач (портреты Ленина, Кирова): глядя на портрет она как-то по-особому вдохновляется, находит особенно красивые слова. В плаче о С. М. Кирове А. В. Ватчиева рассказывает об этом в таких словах:

„Как пришла нам весточка и грамотка
Мое сердеченько женское
Без огня да разжигалось,
Без смолы да закипялось,
Проливала я горячи слезиночки.
В ту темную то ноченьку
Собрала я своих детушек
Ко столику ко дубовому,
И крепко жали портрет Кирова
Ко своему жаркому сердеченьку,
Жалея вождя Кирова“.

Таким образом, плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза живут не только раз в момент их сложения, когда первое известие о смерти вызовет излияние чувств в форме причитания, но и потом при многократном их повторении. В своем бытовании художественное слово плачей приобретает большую воспитательную и агитационно-пропагандистскую силу.

IV

Большой знаток античной поэзии, хорошо знавший русскую устную и письменную поэзию, немецкий ученый, филолог Вестфаль

писал: „Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляет нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облеченного в высоко поэтическую форму, что литературная эстетика, приняв раз русскую народную песню в круг своих сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между народными песнями всех народов земного шара. И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, задушевного и глубоко прочувствованного, но как узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает наше впечатление, но зато далеко превосходит ее своею несравненною законченностью формы. Разве русская народная лирика не создала себе собственного определенного канона поэтической риторики, который в результате приводит нас к тем тропам и фигурам, которые выработала себе искусственная поэтика, риторика греков. Едва ли можно найти в каноне, составленном греческими риториками на основании их поэтической и риторической литературы, хотя одну фигуру, для которой мы не могли бы найти многочисленных примеров в русских народных песнях. В этом мы видим явное доказательство высокого поэтического дарования русского народа. Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самое светлое заключение для будущности русской истории“.¹

Это высказывание буржуазного немецкого ученого интересно для нас как оценка стороннего, объективного наблюдателя, которого нельзя заподозрить в словянофильских тенденциях.

Особо богато разработаны в художественном отношении русские причитания Карелии. Ни белорусские, ни украинские, ни русские причитания иных мест СССР не могут сравниться в этом отношении с ними. Это отмечают все исследователи русских, белорусских и украинских причитаний. В течение многих веков их бытования каждое поколение воспринимало поэтическое наследство предыдущих поколений, приспособлявало его к своей эстетике, изменяло и совершенствовало.

Причитывать крестьянки умеют почти все, но не все в равной степени участвуют в этой общей творческой мастерской, не все делают одинаковый вклад в сохранение и разработку этого вида поэтического творчества народа. Большая часть является только пассивным носителем воспринятого от старшего поколения, да и то далеко не всего поэтического богатства. Этот благородный труд сохранения всего лучшего и дальнейшего развития несут на себе одаренные, талантливые народные поэтессы-вопленицы. Последующее поколение старается учиться причитаниям преимущественно у таких женщин, впитывая в себя лучшее, что может дать предыдущее поколение. В частности, огромный личный вклад

¹ Вестфаль. О русской народной песне „Русск. Вестник“, 1879, IX, с. 126—127.

в дело развития причитаний сделала И. А. Федосова, о которой мы упоминали выше. Ее влияние несомненно чувствуется на последующих причитаниях Заонежья. Также надо отметить и влияние А. С. Богдановой, крупной вопленицы из Заонежья.

Причитания таких женщин собирается слушать большое количество народа. А. М. Федулова, колхозница дер. Коцкосалма Пудожского района, рассказывает, как все девушки их деревни собирались вместе и шли учиться причитывать к известной у них вопленице Анне Васильевне: „Бывало сговариваемся: Девки, сегодня хорошей вецерки не надо. Пойдемте к бабки Анны поучимся причитывать!“.

Я уже говорил выше, что плачи Наумовой из дер. Бураковой Авдеевского с/с., Пудожского района собиралась слушать вся волость.

Таким образом, в запасе всего поколения женщин современной Карелии хранится, хотя и неравномерно, какой-то поэтический канон причитаний, какие-то правила и какая-то сумма выразительных и изобразительных средств жанра причитаний, выработанных в течение веков местной школой воплениц (комплекс вариантов поэтических постоянных формул, общих мест, стилистических образов, символика природы, традиционные картины смерти, разорения, бедности, сиротства и т. д.). И чем богаче поэтический багаж вопленицы, чем больше вобрала она в свою память традиционных поэтических формул, чем большая часть общего у данной вопленицы-поэтессы, тем художественнее будут ее плачи, тем большей силой будут они обладать. Но обладание только поэтической памятью совершенно недостаточно для искусства плачей, как и вообще для всего народного творчества. Летом 1938 г. в свою поездку в район Водлозера (Пудожский район АКССР) по собиранию произведений народного творчества по дороге в дер. Б. Пога я разговорился с двумя пожилыми женщинами. Обе они за свою жизнь много слышали причитаний, плохих и хороших, обеим не раз приходилось причитывать по своим близким. Одна из них меня особенно обрадовала, когда на мой вопрос, как у них на Водле причитывают, начала сыпать поэтическими формулами и общими местами причитаний весьма художественно разработанными. Правда, они были совершенно композиционно не связаны, что я отнес за счет ее желания показать их как образцы. Но, когда я попросил ее исполнить плач по мужу для записи, она при всем своем старании смогла создать только один коротенький и ограниченный по числу и развернутости мотивов плач. Богатый запас поэтических формул по неумению остался неиспользованным. В народном творчестве сплетаются два начала: начало традиции и начало личного творчества. Моя собеседница не обладала вторым. Отсюда ее неудача.

Начало личного творчества в причитаниях, т. е. степень участия личности, может быть самых различных размеров. Первая ступень участия личного начала — умение использовать традиционные средства выражения, умение создать композиционно-стройное

произведение. И на этой ступени мастерства могут быть различные градации. Некоторым вопленицам удается комбинацией только одних традиционных поэтических формул, стилистических образов, создать очень выразительные причитания. В этом сборнике таковы плачи П. М. Савинковой (плач по отцу), А. И. Кузнецовой (плач по матери), А. Т. Зуевой (плач по мужу) и др.

Такая возможность, кроме наличия личных способностей, объясняется исключительным богатством северной поэтической традиции (в частности в Карелии), исключительной разработанностью поэтики причитаний, так что почти все чувства и мысли, связанные со смертью близкого человека, находят свое выражение в уже готовых поэтических формулах, хотя иногда и сжато, неразвернуто.

Некоторые из воплениц, стоящих на этой ступени мастерства, не ограничиваются только поэтическими средствами похоронной причеты, а привлекают поэтический материал из других жанров народного творчества. А. Т. Зуева, например, зная хорошо свадебную причету, перенесла оттуда часть рассказа невесте ее замужней сестры о горестной жизни в замужестве. М. Я. Исакова при записи попросила позволения вставить несколько строф из свадебной причеты, подходящих к похоронному плачу, согласно ее творческого замысла. Е. С. Журавлева ввела в свои причитания заимствованный из сказочной фантастики, образ живой и мертвой воды (см. плач по отцу и плач о Чкалове). Кстати, такое заимствование из сказочной традиции явление исключительное и нигде еще не отмеченное. Уже для сознательного запоминания и отбора традиционных поэтических средств при создании причитания надо большее поэтическое чутье и вкус, ощущение музыкальности стиха. У более одаренных воплениц работа мысли по отбору поэтических средств и соединения их в причитание, т. е. импровизация идет очень легко. Стоит начать, — говорят многие из них, — и как веревочка повьется“.

При этом нельзя представить себе так, что, раз сложившись в поэтическом сознании данной вопленицы, причитание уже не меняет своих поэтических компонентов при последующих исполнениях ею этого причитания. Нет, каждое новое исполнение его есть новое произведение, новая импровизация, хотя основные мотивы и остаются без изменения (как и вообще в народном творчестве в большей или меньшей степени). Карельский Институт культуры располагает несколькими повторными записями одних и тех же причитаний. При общих мотивах они сильно разнятся между собою и по композиции и по подбору средств выражения.

Большая доля личного почина заключается в переименовании старого поэтического оборота на новый лад, в введении внешне нового или еще более — в переосмыслении образов. У. Г. Моисеева в плаче по тетке причитывает:

.Ты скажи сыну баженому,
Что ходила мать обидная.

В сельсоветы к председателям,
А в Главсуд я к заседателям,
Я просил только, беднушка,
Чтоб воротить сына баженого“.

Вместо писаря и старосты, упоминаемых в старой причети У. Г. Моисеева ввела председателя сельсовета и главсуд.

У других воплениц мы можем встретить советы выписать

„...С Ленинграда бы строителей,
А с Москвы бы плановителей...“

тоже в порядке переименования старого.

Ярким примером такого переименования на новый лад, является записанный от Е. Г. Якушевой, отрывок свадебного причитания невесты, где она вместо царей и цариц, их детушек, Петрограда с бурлаками, Москвы с боярами, полка с солдатами, как это было в старом причитании, предлагает девушкам-подружкам вышить портрет Сталина, Калинина с колхозами, Ворошилова с солдатами, Москву с коммунистами и т. д.

Переосмысление старых поэтических образов, в зависимости от требований материала и изменения мировоззрения, мы особенно часто встречаем в плачах о Ленине, Кирове и др., но оно встречается и в похоронной причети последних годов. Так например, в плаче М. И. Фоминой на могиле сгоревшей дочери мы находим вместо традиционной вещи птички, разбудившей ее, выполняющими эту роль „девок недоросточек“.

Традиционная формула:

„Прилетала птичка вещая,
Она крылышки расправила,
По окошечку ударила,
Как ведь будила меня, беднушку,
Ко годовому ко празднику“...

и подобные же варианты.

У Фоминой читаем:

„Пришли девки-недоросточки,
Как ведь будили меня, беднушку,
Ко годовому, ко празднику“...

В плаче о Чкалове А. М. Пашкова, получившая весть о гибели Чкалова по радио, в соответствии с этим и изменяет мотив вещи птички:

„Прилетала птичка вещая
Она крылышки расправила,
По окошечку ударила;
А не птиченька тут вещая,
Это радио советское“.

Е. С. Журавлева в попытке переосмыслить старый поэтический оборот для осуществления нового замысла идет еще дальше.

В старом ее плаче на могиле матери читаем:

„Прилетала птичка вещая,
Птичка вещь, соловейшко,
Она во околенку ударила,
И околенки заржавели.
Говорила птичка вещая“ и т. д.

В плаче о Осипенко и Серове она расширяет это:

„Как прилетала птичка вещая,
Уж птичка вещь, соловейшко,
Уж она в околенку ударила,
Да хоть околенка заржавела.
Говорила птичка вещая...

(идет изложение известия о гибели героев Советского Союза Серова и Осипенко)

...Уж я от сна да пробуждалася,
Вся слезами обливалася,
Уж птичка вещь перепалася,
Уж на моем хрустальном на стекольшке
Пятно ржавое осталось,
Уж то ржавое пятенышко
Как ведь есть да так ведь будется —
Имена да ваши знаменитые“...

Также бо́льшая, чем простая композиция традиционных формул, доля участия личности заключается в создании аналогий какому-нибудь другому поэтическому явлению и использование знакомых созвучий.

В плаче Старовойтовой мы неожиданно наталкиваемся на переход с обычного размера притчаний к частушечному размеру:

„Я на печке сижу,
Да ножкам холодно
А за столом я сижу,
Сердечко мое голодно“.

Использование ходовых частушечных созвучий здесь несомненно.

Но большие таланты, художественно-одаренные личности не удовлетворяются только традиционными формами выражения мыслей и чувств. Разрабатывая те же общие мотивы притчаний (приход смерти, гадания об ее причинах, суждение о сиротской участи, о вдовьей доле, скорбь по любимому человеку и пр.), облекая свои произведения в традиционные формы народного поэтического языка и стиля, черпая многое из готового запаса образов и выражений, общие мотивы они развертывают в целые картины реальной действительности, развертывают все особенности жизни семьи, все оттенки своих переживаний; готовый запас

образов и поэтических формул дополняют личными поэтическими изобретениями, в форме ли словотворчества, подбора особо хорошо звучащих и глубоких по значению слов, введения новых сравнений, метафор, параллелей и других поэтических приемов. Таким образом, они создают высокопоэтические произведения, органически соединяя общенародные поэтические богатства с результатами своего личного творчества.

Большую печать личного творчества несут на себе плачи А. М. Пашковой, М. Ф. Павковой, П. В. Пименовой, У. Г. Наумовой, А. В. Ватчиевой и др.

Особенно надо выделить плачи А. М. Пашковой. Цикл ее плачей о сыне, плачи о дочери разрослись в поэмы, полные драматизма, повествующие о трагедиях жизненного пути семьи, о страданиях несчастного калеки-сына, о большой любви матери, которая делает все возможное, чтобы вернуть к полной жизни своего неудачника-сына.

(„Я ходила, обвивалася,
Будто утушка вокруг кустушка,
Будто курушка вокруг гнездышка“).

У Пашковой традиционные поэтические формулы (которыми ее плачи очень богаты) то и дело перемежаются лично разработанными строками, по художественной ценности не уступающими первым. Целые эпизоды из жизни и смерти сына прекрасно разработаны лично ею в духе поэтики плачей. Я уже не говорю о произведениях А. М. Пашковой (да и других воплениц) на новые советские темы, где личное начало почти всегда господствует.

Для иллюстрации высказанных выше положений приведем несколько примеров работы воплениц над словом. А. В. Ватчиева в плаче по отцу называет его на протяжении всего плача растительком, считая, что „так будто красивее“. В разговорной же речи употребляет только слово родитель. Импровизируя для записи плач о Ленине и Кирове она причитывала:

„Выхожу я на крылеченько на красное,
Призову я к себе птиченьку райскую“...

Но тотчас поправилась, заменив определение птицы — райская определением — легкая („Старое то это слово не подойдет сюда“). Почувствовав, что содержание требует замены определения, она избрала именно слово — легкая, так как крыльями легкой птицы она собирается воспользоваться для полета в Москву.

У многих воплениц мы часто наблюдаем не показ или описание целого, а, как и у крупных художников слова в письменной литературе, показ через отбор характерных и оригинальных черт изображаемого.

Е. И. Терехова в плаче на могиле мужа не говорит, что у нее нет сейчас весной работника, который бы сеял на поле и ловил рыбу на озере (которое подходило к самым окнам дома вопленицы), а уловив звуковую особенность гребли веслами и вытряхивания мешков после высева из него зерна, подобрала особые звукоподражательные слова:

...„Пришла веснушка гулливая,
Пришло времецко тоскливое;
Люди весламы затропали,
А мешоцкамы захопали.
А у меня то ведь, у беднушки,
Под окошком нету тропанья
А на полянке нету хлопанья“...

И от слов концовки ее плача веет какой то тихой грустью:

„Лучше стану я рассказывать
Про свою большу обидушку
В лесах корбушкам корбуциим,
Ручеецкам челодуциим,
И камешкам неподвигуциим“.

Хмылова во время записи ее причитания по сыну и дочери иногда перерывала себя, чтобы подыскать наиболее подходящие, по ее мнению, слова. „Как бы это половчее сказать“, — говорила она при этом.

Примеры творческого подхода к работе над словом можно было бы продолжать еще долго. Остановимся на этих.

Ни в одном жанре народного творчества мы не найдем такого смелого творческого обращения со словом, как в причитаниях. Это отмечали в свое время уже М. К. Азадовский и Н. П. Андреев. Не редки в плачах новые словообразования, новые словесные обороты, присущие только причитаниям как поэтическому виду.

Часты, например, образования от глаголов новых прилагательных и существительных. Например, А. Т. Зуева по аналогии с прилагательными: дурливый и хлопотливый образует прилагательные: топтучий и держливый (от глаголов: топтать и держать, издерживать).

„...А как сиротски малы детушки,
Они на улушке дурливые
Да в избе да хлопотливые,
На обуточку топтучие,
На платьца держливые“.

У Е. С. Журавлевой в плаче по отцу читаем:

...Потеряла потеряшечку
Обранила оброняшечку
Уж как родителя я батюшка“.

В заключение укажем на большие индивидуальные особенности причитаний, представленных в нашем сборнике, несмотря на то, что поэтическая основа их общая, традиционная. В статье об Ирине Федосовой¹ Грузинский, между прочим, замечает, что „пользование традиционными средствами, образами и вообще пользование средствами выражения у И. А. Федосовой чисто индивидуально“. Это замечание можно отнести не только к такой непревзойденной вопленице, как И. А. Федосовой, но к вопленицам значительно меньшей одаренности. Даже небольшой одаренности индивидуальность накладывает свой отпечаток на пользование традиционными поэтическими средствами. Этот отпечаток зависит от художественного вкуса и психологического склада вопленицы, которые определяют и отбор традиционных изобразительных и выразительных средств и направление личной разработки причитания.

М. Михайлов.

¹ Грузинский. „Литературные очерки“, М., 1908.

ПОХОРОННЫЕ И БЫТОВЫЕ
ПРИЧИТАНИЯ

АННА МИХАЙЛОВНА ПАШКОВА

Среди современных воплениц Карелии Анна Михайловна Пашкова занимает бесспорно первое место и одно из первых мест после Федосовой и Н. С. Богдановой в ряду известных нам представительниц жанра вопления.

От нее записано 9 причитаний по умершим, которые и по объему и по мастерству далеко превосходят представленные в этом сборнике причитания. Но в своем сознании и в сознании ее слушателей и читателей она — мастер народного творчества, отражающего наши дни, нашу советскую эпоху. В своих многочисленных плачах-сказах и просто сказах (основанных на песенно-эпической традиции) Анна Михайловна неизменно выступает страстным певцом счастливой жизни в Советской стране, во всех ее проявлениях. Здесь ее творческая индивидуальность находит наибольший для своего проявления простор. Кроме того, она является прекрасным знатоком былин и сказок.

Сейчас Анне Михайловне 73 года, но это еще полная духовных сил и поэтической активности женщина. Несмотря на свою малограмотность, она жадно тянется к культуре, как-бы стремясь наверстать упущенное и возможно полнее использовать широкие возможности в деле образования, которые представляет наше время. В хозяйственных и материальных заботах она находит время и для чтения художественной литературы. За последние годы Анна Михайловна прочла основные произведения Л. Н. Толстого, М. Горького, Мамина-Сибиряка, Мельникова-Печерского, Н. Островского и др. Особенно увлекается Анна Михайловна Л. Н. Толстым и М. Горьким, что отразилось и в ее творчестве. В плаче о М. Горьком она обращается к нему в таких выражениях:

„Подсобником ты мне кажешься,
Братом родным, любимым вспоминаешься“.

Пашкова сейчас живет в Петрозаводске. Переехала она сюда в 1933 г. из дер. Семеновой, Пудожского района. О своей прошлой жизни Анна Михайловна рассказывает следующее:

„Родилась я в 1866 г. в Пудожском уезде, Нигижемской волости, Подбережского об-ва, в деревне Ярчевой. В семье у меня были отец и мать и 2 тети, старые девы. Нас двое детей было. Ну, тогда учили грамоте редко. Особенно нас, девушек. Говорят: „только письма парням писать“. Ну, я стала проситься в школу учиться грамоте. Брата не приняли, а меня 10 лет взяли было. Учеба мне далась хорошо (я и сейчас могу рассказать все стихотворения, а хоть закон божий). Проходила я в школу 3 зимы. Потом поп просил, чтобы я дальше училась и хотел устроить в гимназию, но у нас семья была маленькая, и приучали дома грабить да косить. И желательно мне было учиться, да надо родителей слушать. Как в школу ходила так все рукоделье носила. (Я большая была — 10 лет). С мальчиками не играли. А как кончила учење, так стали тут ходить гулять на

вечерки, на свадьбы. Но и работать приходилось: рубили лес, валили, в дыму как каторжники ходили, комаров во ночам кормили. Да, как уж на ноги поднялась, так от родителей работушкой не была обижена. А одевали меня хорошо жемчужна поднись была (сеткой в идном месте звали), штофные сарафаны да парченые душегрейки. Мне еще не исполнилось 16 лет, как замуж сватали. Если бы тот посватал, который был мой ухагор, так может быть и вышла, а тут и чужой волости приезжал. И други женихи сватали. До 20 годов уж я дожила де-вущкой. Семья у нас была согласная и было у нас всего вдоволь.

Работали много, но и жили хорошо. Мы родителей уважали, нас оне любили. Коров у нас было 5, 3 лошади, и было 2 надела земли. Хлеба всегда хватало льну много было — 40 пудов, льну продадим — вот и деньги на расход. Ну и мўки же было со льном. Нивья жгли. Как снег сошел — пойдешь дров заготовлять, потом валить, да так и год весь. Осенью мнешь его, да мочишь, да белишь. Не умели иначе наживать, так и думали, что только и свету, что на запечье. А как-бы мне учиться, так ведь было тако дарованье, — учитель дает уроки, дак уж на лету сделано! Как стало мне 20 лет, так наша деревня вся сгорела. У меня много нарядов сгорело. Одни ботинки были форсисты, дак один вынесла, а другой сгорел. Ну и кой-чего вынесли хлебно, а скот спасся. В тот день на пастбище была скот выгнан первый день. А у нас ведь как скот выпускали, дак свечки жгли. Одна баба ушла угнать корову, а свечку оставила зажжену перед иконой а свечка упала, постели загорелись и пошло писать! Это что раньше было: какой то деньщик встречал генерала и ему рапортует: „Ваше превосходительство, все благополучно, только Каштан околел.

— Говори, голова, отчего же Каштан околел.

— Все благополучно, ваше превосходительство, а как падали то наелся, да и сдох!

— Да какой же падали, говори?

— Да, как конюшни погорели, да жеребцов до сдуло, он и наелся. Все благополучно, все благополучно, ваше превосходительство.

Да какие же конюшни?

Теща умерла, поставили свечку, простынь и загорелась. Ваше превосходительство, все благополучно, все благополучно.

— Отчего же теща умерла?

— Как ваша-то жена убежала с офицером, она упала и умерла. Все и пошло и ничего не осталось, одни головешки остались*.

После пожара пришли родственники. Я тетку встречала, причитывала:

Как идет да гостья дальняя,

Идет гостья долгожданная,

Моя тетушка-добротушка,

Старша буйная головушка.

А у нас теперь, у бедных,

Ново чудо случивалося,

Большо горе приключилося,

Потеряли мы селеньице,

Да все хоромное строеньице,

Все крестьянско заведеньице.

А я, бедна горющица,

Потеряла цветно платьице.

Одна глупая — то женщина,
Неразумна молода жена
Зажигала воскову свечу
Перед чудным, перед образом,
Она богу неугодная,
И свеча да недоходная.
Как от той от восковой свечи
Поднимались дымочки,
Разносило огонёчки.
Все огнем то просветилося
А головней да покатилося.

После мы поселились в другой деревне; 4 семьи в одной избе. Комнат то нету, а одна изба. Летом хоть на сарай да в сенях, а зима пришла, дак тут всем в повалку в одной избе спать. Я подумала, подумала, стали сватать, и пошла замуж. По наслышке слышала, что он богаче меня, а дому не видела. А старше он был меня на 8 годов. Семья была 12 человек: свекрова, деверь, невестка, 4 человека детей и 2 воспитанника. А изба одна и черная печь. Как затопят, так дым облаком по избе. Ну тут я и хватанула горя! Все плакала. Но а дома нельзя было жаловаться, как не спускали. И скучала я, похудела тут да забеременела к тому же. А они то еще возносились, что взята без подарков, ничего.

Но, а потом шубу на лисьем меху деверь купил, дак и коренила потом невестка этой шубой. Я уж не рада и шубе была. Дом у них был худой. Они из бобылей с стеклянного завода пришли, а потом ничего, разжились. Скота тогда уже было много, да деверь за рыбно лова пристал. 4 года я в этой курилки пожила, потом дом стали строить и выстроили дом 2-этажный большой, обшили; 12 топков было в доме, все окрашено. А дома отец уже умер, а мать с братом остались, и тут я скучала. Тетушки умерли, стары уж были.

А в новой семье никого не любила. Деверь ко мне относился по-человечески. Все были неграмотны, а так жили дружно: 25 годов прожили в одной семье. Я земельным делом заведовала. Косила, пахала и все делала, а мне помогали. Потом пошли у меня дети частые (14 человек было выношено), а работы то тяжелы, — всяко приходилось. На целый день уйдешь — одних оставишь. Только троих я выростила: 2 дочки да один сын. Дочки здоровы росли, а с сыном много горя приняла, двух с половиной лет сына разбило параличем, простудился. Тяжело и вспоминать. 12 годов не ходил. Ездил с ним по больницам. В 1910 г. была в Питере, в больнице, да предложили платить 50 рублей, так и увезла. А потом в 22 г. сам захотел лечиться и уехал. Там и учился он и поступил в Промышленно-экономический техникум, а потом заболел (а уже ходил тогда), вывезли домой, а он у нас и умер.

Лиза сюда в город замуж ушла. Мы со старичком остались двое и 8 годов жили. В 1933 г. старик умер. Я переехала в Петрозаводск. А сюда приехала, — дочь умерла. Осталась я со внучкой (ей тогда 6 лет было). Отец Раюшки (внучки) был арестован, дали 5 лет, потом освободили досрочно. А теперь и не является к Раюшке. Я теперь вот сижу да рассказываю, а раньше одной минуты без дела не сидела. Одна вот этот огород раскопала лопатой. Сейчас 2 козы да огород есть. Раюшке девег когда пришлет отец, а я это у соседок няньчу, другой раз ничем не брезгую.“

На протяжении всей своей жизни Пашкова впитывала и продолжает впитывать в себя самые различные виды поэтической культуры. Еще в раннем детстве она была окружена носителями и носительницами народной поэтической культуры. Ее тетка Ксения знала много былин, сказок, песен, духовных стихов. „Былин и сказок от нее много поняла — говорит Анна Михайловна. — Она бывало за столом поет и за пряхицей поет“.

„Другие научилась от Ильи Зубова (был старик в Ярчевой. Горлан такой был). Еще коробейник Данила, тоже пел. День ходит, а вечером мужики соберутся, и поет. А потом еще Абрагим Куплянский пел — слышала“.

„Узнала все почти в девушках. Рассказывала все в небольшой компании. Сидишь, сидишь да задремлешь за пряхицей и начнешь рассказывать! Сказки не любила, а больше былины. Из былин больше Чурила Пленкович идривился. Песни знаю, а пела мало: голос неважный. Как был бы склад да голос, так напела на всю волость“. Еще богаче была представлена традиция причитаний. По описанию Шайжина в Нигижемской волости Пудожского уезда, откуда происходит Пашкова, традиция причитаний была очень сильна и имела крупный своих представителей. Сама мать Анны Михайловны, по отзывам последней, была хорошей вопленицей. Пашкова рассказывает о существовании обычая слушать причитания при смерти однодеревенцев, на кладбище, на свадьбе, при провозах в солдаты и т. д. Таким образом, с самого детства она была окружена народными стонами, плачами, и впитывала в себя, даже незаметно для себя, все богатство поэтической культуры причитаний. Потом все это понадобилось, когда сама столкнулась с горем. „По подголосницам не ходила, а причитаний много знала — рассказывает Пашкова — как со этим горем пожила (сын-то больной был). Много причитала на работе, а свадебные, ты в девушках узнала. Век-то прожить — не поле перейти (всякие плачи были: по покойникам, по солдатам)“.

Плачи и сказы А. М. на советские темы являются органическим сплетением традиции причитаний, эпической народной песни и в какой-то мере книжной поэзии. А. М. Пашкова много читает наших современных поэтов, и это сказалось на обогащение ее поэтической культуры. Ее сказы: „Наш край“, „Раскрепощенная женщина“, „Колхозница“, „Чем Москва прославилась“ — новое явление в русском фольклоре, какой-то шаг в сближении устного народного творчества и художественной литературы. Она впитывает в себя и органически соединяет с всем своим лучшее из произведений народного творчества не местной, или даже инациональной традиции. В ее сказах и плачах мы встречаем реминисценции из известной белорусской народной песни „Белорусская застольная“ (см. у Пашковой „Ты воспой, воспой, соловушко“), из неоднократно опубликованного за свои высокохудожественные качества мордовского плача о Кирове (см. Пашковой „Сказ о Горьком“) и из сказа Долгушевой, колхозницы Шурминского р-на Кировской области „По твоим заветам все исполнилось“, опубликованного в сборнике „Красная армия“, М., 1938 г. (см. сказ Пашковой о Ленине „Наше красное ты солнышко“).

В мае месяце 1939 г. А. М. Пашкова принята в Союз Советских писателей и награждена Верховным Советом Карельской АССР почетной грамотой.

**I. ОТ СВОИХ Я СЛЕЗ ГОРЮЧИХ ПРОПУЩУ Я РЕЧКУ
БЫСТРУЮ**

(Плач по мужу)

- Не доли-тко меня, беднушку,
 Как злодейная обидушка,
 Допусти-тко меня, беднушку,
 Как к удалой-то головушке,
 5 Ко венчальной ко семеюшке,
 К своему мужу законному.
 С высока мне не набаеться,
 С далека мне не накликаеться:
 Подойти-ка мне близешенько,
 10 Поприсесть-ко мне низешенько.
 Как скажи-ко ты, пожалуста, ^я
 Уж ты куда да собираешься, ^я
 Уж ты куда да снаряжаешься?
 Ты ко праздничку ль годовому,
 15 На охотное гуляньице?
 Сама знаю, самая ведаю
 У удалой-то головушки,
 На ём платьице не цвётное,
 На ём платьице печальное.
 20 Как сегодняшним дёнечком,
 По утрышку по раннему
 Пришла скорая смеретушка
 К моему мужу законному.
 У ворот не колотилася,
 25 У окошка не спросилася,
 Да пришла потихошеньку,
 Брала поскорешенько
 Его свет со ясных очей
 И крест со белых грудей
 30 И оставила мне, беднушке,
 Много маленьких детушек.
 (Одно в зыбочке качаеться,
 Друго по избе шатаеться;
 Есть и третье призаведено,
 35 На божий свет даваеться)
 Как скажи-тко ты, пожалуста,

- Нас кто станет кормить, поить,
Как поля не посеяны,
Стоги не напаханы
40 И закрома не насыпаны?
Удáлая головушка,
Я со смеретушкой не рядилася.
Я с лихой не сговорила.
Как давала я смеретушке
45 Свою дойную коровушку
Да свою тяглую лошадушку,
Свои цвётные-то платьца
И жемчужны ожерельца,
Давала я смеретушке
50 Своих маленьких детушек.
Скоро-гордая смеретушка
Не на что не согласилася,
Она взяла да прибрала
Моего мужа законного,
55 Большака с дому, надельника
И по дому распорядника.

(В дом вносят гроо)

- Вот послушай-ко, пожалуста,
Как сговорная семеюшка,
По уму тебе, по разуму
60 Уж как вито это гнездышко
Да хоромное строеньице.
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться:
Это витое-то гнездышко
65 По низу не обложено,
По середочке не мшоное,
По верху не соломченое;
Нет брусowych белых лавочек,
Нет косивчатых окошечек.
70 Как были бы, у беднушки.
У мня денежки лежалые,
Были б людюшки хожалые
У мня, бедной горющицы;
У мня ручки не простешеньки,
75 У мня ручки попризаняты.
Одолели мня, беднушку,
Мои маленькие детушки.
Да за твою услугу верную,
За работку неизменную
80 Я бы съездила, горющица,
В города бы я во дальние,
На заводушки стеклянные,

- Привезла гробы хрустальные.
Положила бы жадобного
85 Я во комнаты в особые,
Я на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело телушко не портилось.
Когда стóснется да сбíднется,
90 Я сходила бы, горюшица,
К своему мужу законному
На совет да думу крепкую.
Не сердиткося, не гневайся,
Как удалая головушка,
95 Как беднота наша несчастная,
Житье-жира, горе-горькое:
Все не сделаешь по разуму.

(Призывает детей)

- Как вы, сердечны милы детушки,
Глупы малы недоросточки,
100 Подойдите-тко, пожалуста,
Вы к кормильцу-свету-батюшке,
Попросите-ко прощеньица,
Попросите-тко у господа,
Чтобы дал ему господи
105 Во резвы ножки хоженьице,
Во белы ручки движеньице,
Во уста проговореньице,
В ясны очушки прозреньице.
Не по закону, не по правилу
110 Взял жены мужа законного,
А у сирот кормильца-батюшка.
Ведь у нас теперь, у бедных,
Опустело вито гнездышко.
Уж вы пó миру находитесь,
115 По подокошкам нашатаетесь,
Вы куска насобираетесь.
Уж как, удалая головушка,
Ты меня прости,
Ко мне гости.
120 Как гоститкося, пожалуста,
По суботкам по вселенским,
Ты по дням по воскресенским,
По обедам поминальным.
Дождаться буду, беднушка,
125 У перистого крылечушка.
Если так ты не подоймешься,
Подгоню, бедна горюшица,
Я улёта коня доброго,
Посажу, бедна горюшица,

- 130 Я извозчика молодого,
Твоего сына родимого;
Если так ты не подоймешься,
От своих я слез горючих
Пропущу я речку быстрюю,
- 135 Как я сделаю, горюшица,
Из обидушки я лодочку,
Из кручинушки весельшки,
Сама сяду на коромушку,
Своих маленьких детушек
- 140 Посажу я во весельники;
Если так ты не подоймешься,
(Теперь времена переменилися
И люди умудрился)
Так я пошлю, бедна горюшица.
- 145 К тебе машину сухопутную.
Только знаю, тое ведаю,
Как со этой со сторонушки
Нету конному-то выезду,
Нету пешему-то выходу,
- 150 Нету птиченькам-то вылету:
Крепки сторожи поставлены
И замочки повешены.
Как эти сторожи не старятся,
И замочки не ржавеют,
- 155 Ворота не поломаются,
И ключи не потеряются.
Как, удала ты головушка,
Приоставил мне-ка, беднушке,
Лист бумажечки гербовые
- 160 И конверточки клейменные,
Мне-ка перышки гусиные,
Карандашики чернильные.
Напишу, горюша бедная,
Скорописчатые грамотки,
- 165 Попрошу тебя, пожалуста,
Каждую круглую неделюшку
Дождать буду ответушку.
Только знаю, только ведаю,
Как со будущего векушку
- 170 Не дожждаться мне ответушку:
Времена переменилися,
Почтальоны заленилися.
Еще скажи-ко, пожалуста,
Как, удалая головушка,
- 175 Уж мне вдовой жить,
Али замуж пойти?
Как вдоветь вдове по-доброму.

- Рукава носить по-долгому
И в окошко не поглядывать,
180 На крылечко не выскакивать.
Наб скрепить сердце ретивое,
Понабраться ума-разума,
Повозрбстить своих детушек.
(Умершего кладут в гроб)
- Не спешитесь-ко, пожалуста,
185 Мои братья двуродимые,
Зятевья мои любимые,
Все сродцы и все сроднички
И соседи порядовые.
Вы силом меня обсилили,
190 Грабежом меня ограбили
У жены мужа законного,
У детей кормильца-батюшка.
Я осталася, горющица,
Беззащитна молода вдова.
- 195 Как, удалая головушка,
Ты, сговорная семеюшка,
Ты прощайся-тко, пожалуста,
Со своим ли витым гнездышком,
И с кирпичной теплой печушкой,
200 И с сеняма колесистыма,
И с сараем хаботистыим.
Тебе больше не хаживать,
Как прощайся-ко, пожалуста,
Со милой скотинушкой,
- 205 Как прощайся-ко, пожалуста,
Со улицей плановой,
Со площадью сторублевой
И с порядовыма суседама.
Как суседи порядовые
- 210 И суседи подугольные,
Вы проститкося, пожалуста,
Моего мужа законного,
Если заняли-не отдали,
Если отдали-не дбдали,
215 Если взяли не созналися.
Спасет бог вас, благодарствует,
Что честнó ведете, имянно
Моего мужа законного.
Я за ваше снисхожденьице
- 220 Приношу благодареньице.
Не оставьте-тко, пожалуста,
Моих миленьких детушек;
При нужде нашей, при горести
Уж будте вы наши помощники.

*(При подходе похоронной процессии
к церкви)*

- 225 Путь-дорожка скороталась,
Божья церковь показалась.
Как не радуйся, пожалуста,
Пресвятая богородица,
Как не воз идет с товарама,
230 Не другой да со покупкама,
Везут телушко-то мертвое,
Личушко-то блеклое,
Во след идут, шатаются
Сироты да малы детушки.
(После отпевания в церкви)
- 235 Спасет бог вас, благодарствует
Как попам, отцам духовным,
Вам, служителям церковным,
Что честнó ведете, имянно.
Только знаю, только ведаю,
240 Как попы поют, мешаются,
Дьяки читают, усмеваются,
Подаянья не начаются.
У меня, бедной горюшицы,
Одна нужда да горе бедности.
- 245 Только я, бедна горюшица,
По сегодняшнему дёнечку
Пришла в церковь во соборную,
Становилася я, беднушка,
Не к дверям я дубовым,
250 Я не к липенкам сосновым,
Становилася, горюшица,
Я точь да во ясны очи
Пресвятой да богородицы.
Обещала богородице:
- 255 Поставлю свечки я рублевые,
Кладу пелены шелковые,
Отпусти-тко, богородица,
Мне удалию головушку,
Что сговорную семеюшку
- 260 Обратно в витое к нам гнездышко.
Там пустым у нас пустешенько.
Там во том углу пустешеньком,
В другом да поразнешеньком
На середочки сироточки,
265 Глупы малы недоросточки.
Отвечала мне-ка, беднушке,
Пресвятая богородица:
„Уж как глупая ты женщина,
Неразумна молода жена,

- 270 Уж как век того не водится,
Что из мертвых живы становятся.
Когда был у тя во живности
Твоя удалая головушка,
Ты не господу молилася,
275 А во добрый люди хвалилася,
Что есть умная, разумная,
Он вином не напивается,
Он табаком не занимается,
А все трудился да маячился
280 На крестьянской на работушке.
Кола камушек мужа богатого
Он истратил свою силушку,
Погубил свою головушку,
Приоставил нас беднушек
285 На векдвое скитаньице.

(Плачет у моилы)

- Как, удалая головушка,
Ты, сговорная семеюшка,
Я с тобою не расстануся,
И от тебя я не остануся;
290 Я пойду, бедна горюшица,
Во матушку-сыру землю,
Только жалко мне тошнехонько
Своих маленьких детушек.

(При опускании в могилу)

- Не спешитесь-ко, пожалуста,
295 Милы братцы двуродимые,
Кумовья мои любимые,
Вы, могильные копатели,
Вы, телесны погребатели.
 Попрошу, бедна горюшица,
300 Не копайте глубокошенько,
Не закрывайте-тко плотнешенько.
Когда стобснется да сбиднется,
Я приду, бедна горюшица,
Я отрою матушку-сыру землю,
305 Я открою гробову доску,
Погляжу, бедна горюшица,
На своего мужа законного,
Поспрошу, бедна горюшица,
Я совету, думу крепкую.

(При зарывании моилы)

- 310 Ох-ти, мне-ко тошнешенько,
Милы братьица родимые,
И зятевья мои любимые,
Не спустили меня, беднушку,
Во матушку-сыру землю.¹

II. СОКОЛОЧЕК. РОДИМОЙ БРАТЦУ

(Плач замужней сестры по брату)

- Ох-ти, мнешенько тошнешенько
И сердечку тяжелешенько.
Как по сегодняшнему дёнечку
Я ставала поранешеньку,
5 Собиралась поскорешенько
На крестьянскую работушку,
Но мне не елося, не пилося,
Мое сердечушко крушилося,
Из рук дело все валилося,
10 Мне работушка на ум не шла.
Как во пору полуденную
Пришла весточка нерадостна
И нерадостна печальная,
Что не стало на белом свету
15 Моего-то братца милого.
Дак мои ножки подломилися,
Очи ясны помутилися,
А ретивое сердечушко
На кусочки разрывалося,
20 А ум со разумом мешается,
Мысль на два разделяется,
Что мне не дали известьица,
Что при тяжелой он постелюшке.
Я бы шла, бедна горющица,
25 День по красному бы солнышку,
Ночь по светлому по месяцу.
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого,
У его некому заботиться.
30 Есте матушка старешенька,
Милы деточки малешеньки,
А супруга-молода жена
После болюшки слабешенька,
Нету сродничков желанных
35 И нет соседей добродородных,
У всех конюшки усталые
Да извозчики упрямые;

- Наша деревенка на запольке:
Нету почты скороходной,
40 А телеграммы скороносной.
Я пошла, бедна горющица,
Хоть не поспела я обидная
Ко душевну расставаньцу,
А торопилась, поспешалася
45 Ко телесну погребаньцу.
Я шла по лесушку по темному,
Я зверей да не боялася,
Злых людей остерегалася,
Только слезами уливалася.
50 И все я шла, бедна, спешилася,
А от моих-то слез горючих
Путь-дороженька двоилася,
А леса с кореня ломилася,
А ковыль, травонька зеленая
55 К земле низко приклонилася,
Люди добрые дивилися.
Как подхожу, бедна горющица,
Да на родимую сторонушку,
К его витому-то гнездышку
60 Да ко перёному крылечушку, —
Не встречат да братец-солнышко.
Как было преж сего, до этого
Соколочек, родимый братец
Все в окошечко поглядыват,
65 На крылечушко выскакиват,
Дожидал да меня, беднушку,
Во любимое гостебище.
Придут празднички годовые,
Дак были конюшки запряжены,
70 По край сáней было сязено,
И за гостьей было съезжено,
Была привезена, отвезена,
У крылечка была встречена,
За два полюшка провожена;
75 А по сегодняшнему денечку
Не встречат да братец родненький
У крылечушка перёного,
У ступеньчика у первого.
Как не несут да ножки резвые
80 Во перёное крылечушко.
Я в крылечко поднималася,
О порученьки держалася,
А во новой во горенке
Вижу горят свечи там восковые,
85 Поют псалмы заукойные,

- Мой братец-красно солнышко
На столах лежит дубовых;
Дальше в том углу пустешенько,
А в другом да поразнешенько,
90 А на середочки сироточки,
Все глупы малы недоросточки.
Я пришла, приобзабылася,
У хозяев не спросилася:
Как попрошу, многообидная,
95 Я у братца у родимого:
Мне с коёй зайти сторонушки,
И куда сесть мне будет, беднушке?
Сесть во резвые ль во ноженьки,
Иль сесть ко буйной головушке,
100 Иль супротив сердца ретивого.
Как посмотрю, бедна горюшица,
Как во буйной во головушке
Сидит горюша-бедна матушка,
А во резвых во ноженьках
105 Сидит супруга — молода жена,
Та вдова многообидная,
А супротив сердца ретивого —
Сиротинки-малы детушки,
Будто маленькие пенышки.
110 Только мне, бедной горюшице,
С далека да не накликаться,
С высока да не набаяться,
А подойти мне поблизешенько,
А поприсесть бедной горюшице
115 Хоть на брусову белу лавочку,
Ко косящату окошечку.
Братец-красно мое солнышко,
Шла к тебе я, поспешалася,
На путистой на дороженьке
120 Мне две стреточки стреталися:
Перва стреточка — обидушка,
Друга стреточка — кручинушка.
Я обидушке сказалася,
А с кручиной сговорилася:
125 Не доли-тко меня, беднушку,
Ты, злодейная обидушка
И великая кручинушка,
Дай повысказать, повыбаять
Соколкú-братцу родимому.
130 У меня столько накопилось
Как злодейной-то обидушки,
Что мне на вешний день не высказать,
На осённу ночь не выплакать

- Про свою мне житье-жирушку
135 На чужой дальней сторонушке.
Но обида неподкупная,
А кручина недоступная:
Одолила меня, беднушку.
Дак ты послушай-ко, пожалуйста,
140 Соколочек, родимый братец,
Ты скажи-ко мне, беднушке:
Ты куда да снаряжаешься,
Ты далеко ли отправляешься?
Аль ко праздничку годовому,
145 Аль на охотное гулянице?
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
Естя платьица не цветные,
А есте платьица умершие;
150 Он собирается, снаряжается
Он во матушку-сыру землю,
Во соснову гробову доску.
Братец-красно мое солнышко,
Не сердись-ка ты, не гневайся
155 На меня, сестрицу милую,
Что не ходила я частёшенько,
Не сидела подолгёшенько
У трудный твоей постелюшки,
У тяжелого зголовьяца.
160 У меня-то ведь, у беднушки,
Не своя есть вольна волюшка,
Естя строгая свекровушка,
Больша немилая семеюшка:
Всюду наб пойти спроситися,
165 А притти да объяснитися.
А теперь порушка ведь летняя
И страда да сенокосная,
Стало время недосужное,
На лужках травка посохнула,
170 А на полянках хлеба сыплются.
Я гналась, бедна горюшица,
За крестьянским житьем-жирушкой,
За ломовой работушкой.
Уж я тое умом думала:
175 Соколочек, родимый братец,
Он отборется от болюшки
Да от злодейной смеретушки
Да не оставит нас при горюшки.
(Обращается к матери)
Уж где-то есть у мя, у беднушки,
180 Как горюша-бедна матушка.

- Уж скажи-тко мне, пожалуста:
Как у братца у родимого,
У его как расставалася
Душа-то со белым телом,
185 А ясны очи со белым светом?
Ты закрыла бы окошечко,
Заложала бы воротичка,
Не пускала бы смереточки.
Обещала бы смеретушки
190 Дать своих дойных коровушек
И тягловитых лошадушек,
Всю бы жирушку домовую
Да всю запашечку годовую.
А не давала бы смеретушки
195 Своего сына бажёного.
Только знаю я, горюшица,
Эта смерть-то неподсудная,
А головка безрассудная.
Не увидла взять смеретушка
200 Как не старого, не малого,
Человека волокидного;
Она пришла да прикатилася,
У ворот не колотилася,
А у окошка не спросилася,
205 Прямо в избу к нам ввалилася;
Прикатилася потихошеньку,
Она брала поскорешеньку
Человека деловитого,
Из деревни брала первого,
210 В волости да последнего,
От жены мужа законного,
От сирот-то, малых детушек
Как кормильца брала батюшку,
У горюши, бедной матери
215 Взяла сына-то любимого,
А у меня, бедной горюшицы,
Одного взяла единого
Моего братца родимого.
Я помолюсь, бедна горюшица,
220 Пресвятой я богородице:
Пресвятая богородица,
Как ставлю свечки-то рублевые.
Я кладу пелены шелковые,
А ты вложи-тко, богородица,
225 Соколку-братцу родимому
Во резвы ножки хожденнице,
В белы рученьки влажденнице,

- В ясны очушки прозреньице,
 А во уста проговореньице.
 230 Братец-красно мое солнышко,
 Ты ставай-ко на резвы́ ноги,
 Ты стречай-ко гостью дальнюю,
 Ты сестрицу долгожданную.
 Без тебя ли, братец-солнышко,
 235 Как не стречают меня, беднушку.
 Была гостья не уймана,
 Цветно платьє не складывано,
 Уж я не кормлена, не поена,
 А пришла с волока усталая.
 240 Как отвечала мне-ка, беднушке,
 Пресвятая богородица:
 „Уж как глупая ты, женщина,
 А не разумна молода жена,
 А когда был у тя во живности
 245 Соколок, твой родимый братец,
 Так ты не господу молилася,
 А в добры люди все хвалилася,
 Что есть умное, разумное,
 Ты одно у меня божёное,
 250 А как век тое не водится,
 Что с мертвых да живы ставятся.
 (*Обращается к соседкам, которые
 „унимали“ плачущую:*)
 Не жалеите, люди добрые,
 Вы, соседки порядовые,
 У мя личко не бумажное,
 255 У мя слезы не жемчужные.
 (*Опять обращается к покойному*)
 Ты послушай-ко, пожалуста,
 Соколочек — родимый братец,
 Попытала я упрашивать,
 Попытала уговаривать,
 260 Не женись ты в роду, в племени: *
 Как где родство-то вместо сходится,
 Тута век добра не водится,
 Тут вдовеют молоды́ жены,
 Сиротают малы детушки.
 265 А вы судá божья не рушали,
 Меня бедну не послушали,
 Вы сошлись, поторопилися,
 Вы законами связалися,
 Вы венцамы повенчалися,
 270 Вы мало жизнью наслаждалися.

* Брат женился на родственнице.

- Тут разбила жизнь смеретушка.
Сиротать да приостались
Твои маленькие детушки,
Цело стадушко гусинное.
- 275 Один в зыбочке качается,
А двое по избе шатаются,
А еще есть призаведено,
Есть на белый свет дается.
Их кто станет кормить, поить?
- 280 Нет запасов у вас великих,
Естя в хлебах недопашечки,
В житье, в жире недостаточки;
Как находятся жадобные
Как по заложенным воротичкам,
- 285 По закрытым окошечкам,
По суседам порядовым.
Кто приласкат — так тот и батюшка,
Кто приголубит — тот и дядюшка.
Только мне, бедной горющице,
- 290 Будет жаль да мне тошнешенько.

(Обращается к невестке, жене брата)

- Ты послушай-ко, пожалуста,
Как невестушка ветлянная,
А сестрица богоданная,
Ты, вдова многопобедная,
- 295 Уж ты не дай-ко сердцу слабости,
А повозрбсти своих детушек.
Только ты, моя голубушка,
Приосталася, победная,
Хоть в годах да ты в молодых,
- 300 Только живи, моя голубушка,
Ты понижe шелковбй травы,
А потише ключевбй воды,
Ты на крылечко не выскакивай
Да в окошко не выглядывай,
- 305 Про молодых людей не спрашивай;
Приложи-тко ты заботушку
К своему да житью-жирушке,
Ко крестьянской ко работушке.
Как вдовить вдове по-доброму,
- 310 Как рукава носить по-долгому.

(Вносят гроб)

- Вам покорно благодарствую,
Гробовщики да вы строители,
Телам мертвым украсители,
Вы честнб ведете, имянно,
- 315 Моему братцу любимому

- Домовище вы устроили,
Мое сердце успокоили.
Как ты, родитель, моя матушка,
Ты станови столы дубовые,
320 Клади скатерти ты бранные,
Клади яства по возможности,
Угощай ты дорогих гостей,
Гробовщиков да ты строителей.
Как вы, суседи порядовые,
325 Извините-ко, пожалуста,
Вы за яствушка сахарные,
А за напитокки за хмельные:
Во дому нету хозяина,
Нет по дому распорядчика,
330 А во семеюшке наживщика.
А вы садитесь-ко, покушайте
Хлеба соли без взыскания.
Соколочек, родимый братец,
Как скажи-тко мне-ка, беднушке,
335 По уму ль тебе, по разуму
Это витое-то гнездышко,
Да и хоромное строеньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Это витое-то гнездышко
340 По низу не обложенное,
По середочке не мшонное,
По верху не шеломченное
Да внутри не отепленное;
Нет брусowych белых лавочек,
345 Нет косячатых окошечек,
Нет кирпичной теплой печушки;
Только доски-то сосновые,
Как бы дубовая колодина.
Так не сердись-ка ты, не гневайся,
350 Соколочек, родимый братец,
Как были бы, у беднушки,
У мя денежки лежалые
Да кабы — людюшки хожалые,
Так я бы съездила, горюшица,
355 На ты горушки стекольные,
Привезла бы братцу родному
Я бы гробики хрустальные,
Положили бы жадобного
Как во тых гробах хрустальных
360 Мы бы в комнатки в особые
Да на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело личушко не спортилось.

- Когда вырастут, поднимутся
365 Как сердечны твои детушки,
Как откроют тые гробики
И посмотрят жадобные
Кормильца-света-батюшку.
Ты, невестушка ветлянная,
370 А сестрица богоданная,
Нам не видать гробов хрустальных,
Ты возьми, моя голубушка,
Лист бумажечки гербовую,
Писарей возьми умильных,
375 Рисователей учтивых,
Нарисуй, моя голубушка,
Моего брата родимого,
Своего мужа законного
На лист-бумажечку гербовую,
380 Нарисуй-ко ты, пожалуста,
Его телушко-то мертвое,
Его личушко-то блеклое,
Положи эту бумажечку
Во кленовую во горенку,
385 Ты на стенку на лицовую.

(Гроб выносят из избы)

- Не спешите-тко, пожалуста,
Уж вы, премноги люди добрые,
Уж вы, соседи порядовые,
Кумовья мои любимые,
390 И милы братцы двуродимые,
Выносить из дому,
Да из витого из гнездышка
Большака в дому, начальника,
А вы по дому распорядчика;
395 Прощайтесь-ко, пожалуста,
Вы, соседи порядовые,
Вы простите, извините-тко
Моего братца родимого,
Если занято — не отдано
400 А если отдано — не додано,
Если взято — не сознатося.
Ты прощайся, братец-солнышко,
Со своим ли витым гнездышком,
Со хоромным строеньицем,
405 Со всем крестьянским заведеньицем,
Уж ты со улочкой плановою
Да с площадкой подугольною.
Уж добры конюшки впрягаются,
Да извозчички снаряжаются.

- 410 Как наглядитесь, очи ясные,
Про запас до поры-времени
Как на братца на родимого:
Скоро час часу минуется,
От часу́ день коротается,
415 У нас гостюшко укатится,
Да бажёный потеряется,
А у нас-то, у бедных,
Кто же в доме остаётся.
Твоя матушка старшенька,
420 Поясок носит слабешенькой,
У ей силушка малешенька,
А сиротинки-малы-деточки,
Будто клубышки катаются,
Будто червушки свиваются.
*(Похоронная процессия приближается
к церкви)*

- 425 Путь-дорожка короталася,
Божья церковь показалася.
Только сегодняшним дёнечком
Колоколы не забрякали,
У нас обедни не заказаны,
430 Панихиды не отслужены.
Пресвятая богородица,
Мы не воз везем с товарами,
А везем телушко мы мертвое,
Моего ли братца родного.
(После отпевания)

- 435 Простояла я, проглупала,
А глазами все прохлупала
На украшеньица церковные
И на люстры золоченые.
Потеряла я, беднушка,
440 Соколка, братца любимого.
Он покорно благодарствует
Вам, попам, отцам духовным,
И вам, служителям церковным.
Что вы чесно́ ведете, имянно
445 И на честь, хвалу великую.
Я стояла да заметила,
Что попы поют-мешаются,
Дьяки читают — усмеваются
И подаянья не начаются.
450 Вы, попы, отцы духовные,
Обождите-тко, пожалуста,
Как повырастут бажёные,
Сыновья его любимые,
Вам в двоё в троё выплатят.

- 455 Вы, могильные копатели,
Вы, телесны погребатели,
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-ка плотнешенько
Моего брата любимого.
- 460 Как придут маленьки детушки,
Они желты пески повыроют,
Кормильца-батюшку повыздынут
Со матушки-сырой земли.
Братец — красно мое солнышко,
- 465 Уж ты меня прости, ко мне гостй,
Уж ты гостй-тко, братец-солнышко,
По субботушкам вселенским,
А ты по дням по воскресенским,
Дождаться буду, беднушка,
- 470 Я у струистой речки быстрою.
Не настойся-тко, ясён сокол,
Ты у рек за переходамы,
А у ручьев за перебродамы.
Уж ты скажи-тко мне-ко, беднушке,
- 475 Ты когда в гости посулишься,
Ты по утрышку ль по раннему,
Аль по вечеру по позднему,
Ты каким путем подоймешься?
Если конем, так я коня куплю,
- 480 Как пароходом, — пароход найму!
Ох-ти, мнешенько тошнешенько,
А не видать мне будет, беднушке,
Да не дожждаться мне, горющице,
К себе гостюшка любимого,
- 485 Брата милого, родимого.
Придут празднички годбвые,
Так у меня слезыньки готовые,
Опристанут ножки ходячи,
А белы рученьки поднбсячи,
- 490 Нелюбимых гостей кормячи.
Не будет гостюшка любимого,
Соколка, брата родимого;
Мне во снях-то не покажется
И на яву мне не появится.
- 495 Все желаньице в сырой земле,
Вся отрада в гробовой доске.²

III. ПРИОСТАВИЛ МЕНЯ НА ГОРЕ, КАК НА МОРЕ

(Плач матери о сыне)

- Просидела я, проглупала.
Глазами все прохлупала.
Как не видала мать несчастная,
Как пришла скорая смеретушка
5 Моему сыну бажёному.
По сегодняшнему дёнечку
Закрывала я окошечки,
Заложала я вороточки,
Не спускала я смеретушки.
10 Пришла смерть недосудная,
Голова безрассудная.
Я смеретушке скорилася,
С скорой борзой сговорила:
Не бери-тко ты, смеретушка,
15 Моего сына бажёного,
А берит-ко ты, смеретушка,
Всю запашечку полёвую,
Всю скотинушку дворовую,
Ты — хоромное строеньице,
20 Ты — крестьянско заведеньице;
Ты оставь-ка, смеретушка,
Одного у меня единого
Моего сына бажёного.
А злодийная смеретушка
25 Ни на что не согласилася,
Пришла потихошеньку
И взяла, у беднушки,
У меня свет со ясных очей
И крест со белых грудей.
30 Как с тым не считалася,
Как я, бедна горюшица,
Я ездила, смыкалася,
Городов я не боялася,
Людам в ноги поклонялася,
35 Все здоровья добивалася
Своему сыну бажёному.
Не поспела срадоватися,

- Как пришлось мне расставатися.
Просидела я, беднушка,
40 Четыре круглые неделюшки
У трудной его постелюшки,
У тяжелого зголовьица.
Я ходила, обвивалася,
Будто утушка вокруг кустушка,
45 Будто курушка вокруг гнездышка.
Как сердечно мое дитяtko
Утешал мя, уговаривал:
„Ты не плачь, родитель-матушка.
Я поправлюсь с этой болюшки,
50 Не оставлю тебя в горюшки,
Приокончу я ученьице,
Поступлю я на служеньице,
Тебе будет облегченьице
От крестьянской от работушки.
55 Но не по думам дело сталося,
Тепло красно мое солнышко,
Разпекло оно и закатилося.
Приоставил мя, беднушку,
Меня на горе, как на море,
60 При тоске, как при морской волне.
У тебя, мое жадбное,
Стал ведь батюшко старешенек,
Стала силушка слабешенька —
Нас ведь кто станет кормить, поить...

(Покойный лежит на столе)

- 65 Наглядитесь, очи ясные,
Про запас до поры-времячка.
Как, сердечно мое дитяtko,
Ты, зубливый соловеюшко,
Щеботливой воробеюшко,
70 Ты проговори, жадбное,
Хоть одно мне словечушко,
Поростань мое сердечушко.
Да ты скажи-тко мне да, беднушке,
Ты куда да сокручаешься?
75 Да ты куда да снаряжаешься?
Ты ко праздничку ль годовому,
Аль к обедне богомольной,
Ко венцам ли ко значеныим,
Ко перстням ли обрученыим?
80 Сама знаю, сама ведаю,
Как у сына жадбного
Его платица не цветные,
Его платица унылые.

- Как еще скажи, жадобное,
-85 По уму ль тебе, по разуму
Как хоромное строеньице.
Сама знаю, сама ведаю,
Как хоромное строеньице
По низу не обложенное,
90 По середочке не мшенное,
По верху не шоломченное,
Нет брусковых белых лавочек,
Нет косящатых окошечек.
95 Как попрошу, бедна горющица,
Я удалую головушку,
Я сговорную семеюшку:
Не жалей-ко поры-времени,
Съезди-ка, пожалуйста,
100 Да во города во дальние,
На заводушки стеклянные,
Привези гроба хрустальные
Своему сыну бажёному.
Мы во ты гроба хрустальные
105 Кладем в комнаты особые,
Мы на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело личушко не портилось.
Как, сердечно мое дитятко,
110 Ты скажи бедной горющице
Как в это круглое обночьице
Крепко спишь не пробуждаешься,
Верно на меня нуждаешься.
Как посмотрю я, мать несчастная.
115 Висит платьице по стопочкам,
А фурашечки по гвоздичкам,
Лежат книжечки по столикам,
Да тута нет сына бажёного.
Так я то умом подумаю:
120 Как сердечное мое дитятко
Видно по уличке шатается
Иль в легкой лодочке катается.
Как приду, бедна горющица,
Стоит лодочка у бережка,
125 А веселушки на кормушки —
Тута нет сына бажёного.
А еще умом подумаю:
Как рожбно мое дитятко
Видно в конторе занимается.
130 Пойду, бедна горющица,
Я по улущке плановой
До конторушки казенной.

Во конторушке огни горят,
За столами писари сидят —
135 Тута нет сына бажёного.
Не могу прибрать, горюшица,
Среди писарей молодых
Я не ростом и не возрастом,
Я не белым-то личушком.
140 Как у моего у жадёбного,
Были очи соколиные,
Брови черны соколиные,
А на буйной на головушке
Трои желтые кудерышки:
145 Первы кудри самородные,
Други кудри саморослые,
А третьи желтые кудерышки
Во колеченьки завываны.
Говорит — будто рублем дарит. ³

IV. УЖ ТЫ, КРАСНОЕ МОЕ СОЛНЫШКО

(Плач матери на могиле сына)

- Путь-дорожка короталася,
Божья церковь показалася,
Мои́ла чело́веческа.
Подойти мне-ка, горящице,
5 К своему сыну бажёному.
Как сердечно мое дитя́тко,
Уж я шла да торопилася,
На путистой на дороженьке
Мне две стреточки стреталися:
10 Перва стретушка — обидушка,
Друга стретушка — кручинушка.
Я обидушке взмолилася,
Я кручине покорилася,
Я ей в ноги поклонилася:
15 Не доли-тко меня, беднушку,
Злодейная обидушка,
Ты, великая кручинушка,
Допусти-тка меня, беднушку,
К своему сыну бажёному.
20 Как, ро́жно мое дитя́тко,
Я пришла, бедна горящица,
Я не го́лоса́ показывати,
Я не причети рассказывати —
Поразвеять мне обидушку,
25 Неудольную кручинушку.
Как, ро́жно мое дитя́тко,
На твою-то на моги́лочку
Протропила я тропиночку —
Не могу бедна поыво́дить,
30 Да не могу тебя разго́ворить.
Как сего́дняшним дёнечком
Моги́лушка талешенька,
И пустым она пустешенька.
У тебя, мое жадо́бное,
35 Нету сродничков нарядных
Да соседей доброра́дных,
Нет друзей у тя молодых,
Не сидят, не кукарекают

- Сестрицы твои милые,
40 А придет только кукушица,
Твоя матушка — горюшица.
Как, рожоно мое дитятко,
Не сердись-ка ты, не гневайся,
Как все сродны твои сродники
- 45 От тебя да откачнулись;
А одна сестрица милая
За волокамы за дальными,
За морямы за широкими,
А друга у тя родимая
- 50 За деламы за великими;
Во году ей нету праздника,
На неделюшки свободушки,
В воскресеньице беседушки.
Как на чужой дальней сторонушке
- 55 Как у строгой у свекровушки
Недосуг долго выхаживать,
С тобой да разговаривать.
Уж ты, красно мое солнышко,
Попеняю я, поретую,
- 60 Посудьячу, пообиду;
Вспомни то времечко,
Как твоя-то расставалася
Душа со белым телом,
Ясны очи со белым светом —
- 65 Приоставил мне-ка, беднушке,
Лист — бумажечки клееные,
Мне конвертички клееные,
Оставил перышки гусиные,
Карандашики чернильные,
- 70 Оставлял ты мне, наказывал:
„Пиши, родитель-матушка,
Ко будущему векушку.“
Пишу каждую неделюшку,
- 75 Не могу дождать ответушку.
Верно плотно поразгневался
На меня, бедну горюшицу.
Не сердись-ка ты, не гневайся,
Рожоно мое дитятко.
- 80 Сама знаю, сама ведаю,
Как со этой со сторонушки
Нету пешому-то выходу,
Нету конному-то выезду,
Нету птиченки ведь вылету
- 85 Да писемышку нет выносу:
Крепки сторожи поставлены,
А замочeki повешены.

- Эти сторожи не стареют,
И замочки не ржавеют,
90 Их двери не ломаются,
Да ключи не потеряются.
Как послушай-ко, жадобное:
Говорила я, беднушка,
Могильным копателям,
95 Я — телесным погребателям:
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-тко плотнешенько
Моего сына бажёного;
Когда стобснется да сбиднется,
100 Так я разрою мать-сыру землю,
Я открою гробову доску,
Погляжу, бедна горюшица,
На своего сына любимого,
Я на белое на личико,
105 На желтые кудерышки.
Как зятевья мои любимые,
Милы братцы двуродимые,
Они порядку не нарушили,
Меня бедну не послушали,
110 Закопали глубокошенько,
Призарыли его плотнешенько.
А я, бедна горюшица,
Стала старешенька,
У меня силушка слабешенька, —
115 Не повырыть мать-сыру землю,
Мне не снять да гробову доску.
Рожоно мое дитятко,
Я еще да попытаюся:
Схожу, бедна горюшица,
120 К столярам-то я умильным,
К слесарям, людям ученым,
Закажу, бедна горюшица,
Себе крылышки орлиные,
Други крылья лебединые,
125 Третьи крылья ясна сокола,
Слетаю, мать обидная,
За волоки за дальние,
Соберу, бедна горюшица,
Дочерей своих любимых,
130 А сестрицев твоих милых.
Мы разроем мать-сыру землю,
Мы откроем гробову доску,
Мы возьмем своего бажёного
Во свое ли вито гнездышко.
135 Как я глупо приуладила,

- Я не хорошо придумала:
Столяры, люди умильные,
Слесаря, люди учтивые
На своей да вольной волюшке,
140 На казенной на работушке —
Не до меня, бедной горюшицы.
Как рожоно мое дйтятко,
По сегодняшнему дёнечку
У тебя я нагостилася.
- 145 Не наелась, не напилася,
А злодейной то обидушки
Я нисколько не убавила,
А в двое, в трое поприбавила.
Ты меня прости, ко мне гости.
150 Дождаться буду, беднушка,
У струистой речки быстрой.
Не настойся-тко, пожалуста,
Ты у рек за переездамы,
У канав за переходамы,
155 У ручьев за перебродамы.
Как у реченьки у быстрой
Будет лодочка готовая,
На кормушки весельшки,
У канавушки глубокой
- 160 Я повыстелю, горюшица,
Я мосточки с периламы,
У ручьев да у бегучих
Положу я перекладинки. 4.

V. РАССКАЖУ, БЕДНА ГОРЮЩИЦА, ПРО ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ СИРОТСКОЕ

(Плач сироты по дяде)

Не несут да ножки резвые
Во перёное крылечушко.
По сегодняшнему дёнечку
Мои ножки подломилися,
5 От слез очи помутилися.
Преж сего было до этого
Как встречал желанный дядюшка
У крылечушка перёного,
У ступеньчика у первого.

(У тела покойного)

- 10 Мне-ка сметь ли поосмелиться
Как поближе поприблизиться
Как ко телешку ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому;
Подойти мне поблизешенько,
15 Поприсесть-ко понизешенько.
Ты скажи, желанный дядюшка,
Мне с коей зайти сторонушки:
С подвосточной аль с подзападной,
С полуденной аль с подсиверной?
20 Куда-сесть мне-ка, горющице,
Во буйну ли головушку
Аль во резвые во ноженьки?
Поприсяду я, горющица,
Супротив сердца ретивого.
25 Как, желанный ты мой дядюшка,
Попеняю я, поретую,
Посудьячу, пообидую
Как желанной моей дяденке,
Что мне не дала известьице
30 Ко душевну расставаньицу,
Хоть я поспела, поспешилася
Ко телесну погребаньицу.
Ведь я живу, бедна горющица,
На чужой сторонушке,
35 Во невольной во неволюшке.

- Мне-ка иаб пойти-проситися,
А притти да доложитися.
Как получила отпушеньице,
Тогда шла, бедна горюшица,
40 День по красному по солнышку,
Ночь по светлому по месяцу.
Настоялася я, бедная,
Я у рек за переезды,
У ручьев за переходамы,
45 У грязей за переброды.
Как, желанный ты мой дядюшка,
По пречистой по дороженьке
Мне две встречушки встречались:
Перва встречушка — обидушка,
50 Друга встречушка — кручинушка.
Я обидушке скорилася,
Я с кручиной створилася,
Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка
55 И великая кручинушка.
Как обидушка не слушала,
Одолила меня, беднушку.
Как, желанный ты мой дядюшка,
Расскажу, бедна горюшица,
60 Про житье-бытье сиротское,
Про батрацко горе горькое:
Как отцовы дети, матерны
Идут со трудной со работушки,
Их встречают родны матушки:
65 „Проходи, моя жадбная,
У тя ноженьки усталые,
Белы ручки опристалые!“
Я иду, бедна горюшица,
Сирота да беззащитная,
70 На меня вздыхают по тяжелому.
Уж глядят не по веселому,
Говорят да мне-ка, беднушке:
„Ты не работушку работала,
А только времечко корбтала,
75 На работушке ленилася,
Едва до лавки дохватилася“.
Одолит меня обидушка, —
У меня рот не отворится
Да язык не поворотится.
80 Как погляжу, горюша бедная,
На отцовых детей, матерных, —
Придет праздничек-гуляньице,
Воскресеньице-весельице.

- Мне, бедной горящице,
85 Придет праздничек-обидушка,
Воскресеньице-кручинушка.
Людам празднички годовые,
А мне давно слезушки готовые.
Как сиротные-то детушки,
90 Они на улице дурливые,
А в избушке пакостливые.
Как знать совушку по перушку,
Совых детушек по крылушкам,
А сиротинку знать по платицам.
95 На сове-то перьё пестрое,
А на сиротке платье розное.
У сиротных у детушек
Как головушка не гладится,
Волос к волосу не ладится.
100 Наглядитесь, очи ясные,
Про запас да пору-времечко
На желанного-то дядюшку.
Уже час часом минуется,
Скоро время скоротается,
105 У нас гостюшко укатится,
Бажёный потеряется.
Унесут у нас, у бедных,
Как желанного-то дядюшку
На буювку родительску,
110 На кладбище человеческо.
Ты, желанный мой дядюшка,
Ты заступа была крепкая,
Заборонушка великая,
Заступался за меня, бедну горящицу,
115 За молóду сиротиночку;
Обскажи-тка ты, пожалуста,
Мне-ка в ком искать желаньице,
У мя нет тетушек-добротушек,
Нету бабушек желанных,
120 Нет сестриц да добродородных.
Есть братица — мужско дело,
Есть невестушки — чужи бабы,
А желанна моя дядинка,
У ей сердечушко коловое
125 Да желаньице часовое.⁵

VI. РОДИТЕЛЬ, МОЯ МАТУШКА

(Плач дочери по матери)

- Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка,
Ты, великая кручинушка,
Допусти-тко меня, беднушку,
5 До добротушки до матушки.
Как родитель, моя матушка,
Тёпла права моя пазушка,
Ты, денна́ моя заступница,
Ты, ночная богомольница,
10 Прежь всего было до этого
Ночь ты господу молилася,
День от ветра становилася;
Нынь живу, бедна горющица,
Без тебя, родитель-матушка.
15 Как сойду, бедна горющица,
На крестьянскую работушку,
Не работушку работаю, —
Одно времечко коротаю,
Не работой занимаюся, —
20 Все слезами уливаюся.
Как погляжу, бедна горющица,
О годовых то праздничках
Ходят доченьки, красуются,
Стоят матушки, любуются,
25 А у меня, бедной горющицы,
Пойти к праздничкам годовым
Нет обуточки по ноженькам,
Нет одеженьки по плечикам:
Мной никто не полюбуется.
30 Погляжу да, послушаю,
Как идут отцовы дети, матерны
Со крестьянской со работушки,
Их встречат родитель-матушка
Как словечушком их ласковым:
35 „Проходите-тко, бажёные,
Ваши рученьки усталые,
Ваши плечки опристалые“.

- Я иду, бедна горюшица,
Богоданна моя матушка
- 40 Как встречат-то меня, беднушку:
„Идет да не работница.
На работушке ленилася,
Едва до лавки дохватилася“.
Одолит меня обидушка,
- 45 День с овчинку мне покажется,
В рот кусок да не покатится.
А кормилец-то, мой батюшко,—
Как сердечушко колѳвое,
Да желаньице часѳвое,
- 59 За меня он не заступится.
Ты, родитель, моя матушка,
Заступись-ко ты, пожалуйста,
За меня, за красну девушку.
Про меня, про красну девушку,
- 55 Про сироту да беззащитную,
Худа славушка горой стоит,
Пустословьице рекой бежит.
Опристали люди добрые,
Сидючи меня да рядючи,
- 60 Мои годички читаючи,
Женихов мне выбираючи,
Моей свадьбы дожидаючи.
Будто я, бедна горюшица,
От ветрушка да засияна,
- 65 От камешка я спорожена,
Во чистом поле поимана. ⁶

VII. ГРУСТЬ ЧЕРНЕЕ ЧЕРНА ВОРОНА

(Плач на могиле замужней дочери)

- Не шуми, роща зеленая,
Не ломитесь, леса, с кореня,
Не ломайтесь-ко, пруточки,
Не крошиться-ко, листочки,
5 Не звени-ко, скобка медная,
Не бунчи-ко, свята бுவевка,
Не убойтесь-ко, сердечные, болезные родители,
Допустите мать болезную
До касатой моей ластушки,
10 До рожоной моей дочушки.
Как, сердечно мое дитятко,
Ты скажи мне-ко, беднушке,
Мне с коей зайти сторонушки:
С подвосточной аль подзападной,
15 С полуденной аль с подсиверной?
Как с подсиверной сторонушки
Виют ветрушки холодные,
А и так у мя, у беднушки,
Захолонуло сердечушко.
20 На моем сердце ретивоем
Там заносы снежка белого,
Погребочки ледку ярого.
Не растают эти снежочки
О летнеем петроводни,
25 Об осеннем успеньевом дни.
Призайти ли мне-ка, беднушке,
С полуденной со сторонушки?
Там пекёт да красно солнышко,
А у мя, бедной горюшицы,
30 Без красного без солнышка
Все засохло, перержавело
Мое сердце ретивое.
Кабы были люди смелые,
Распорали бы грудь белую,
35 Насмотрели бы у беднушки
На ретивоем сердечушки
Грусть чернее черна ворона,
Тоска сизее сиза голубя.

- Подойти бедной горяшицы
40 С подвосточной сторонушки,
Где встает да красно солнышко.
Свысока мне не набается,
Сдалека мне не накликаться:
Подойти мне поблизешенько.
- 45 Как, касата моя ластушка,
По сегодняшнему дёнечку,
По утфушку по раннему
Налетела птичка вещая,
Птичка вещь подземельная;
- 50 Она крылышки расправила,
По окошечку ударила.
Говорит да птичка вещая:
„Сегодняшним дёнечком
Годовбй владычный праздничек-“
- 55 Как на этот-то на праздничек
Идут матушки ко детушкам,
Идут детушки ко матушкам,
А ты, горящца, бедна матушка,
Долго спишь да не торопишься.
- 60 По сегодняшнему дёнечку
Есте грешничкам прощеньице,
Душам мертвым отпущеньице.
Как я шла, бедна, спешилася,
От моих да от горячих слез
- 65 Путь-дороженька двоилася.
Люди добрые дивилися,
Что идет-то мать несчастная.
Подхожу, бедна горяшица,
Ко кладбищу́ человеческому;
- 70 Там свиваются дымочки,
Там сверкают огонечки.
Я умом-то и подумала,
Как у дочери бажёной,
У ней топится кирпичная,
- 75 Кирпична тепла печушка,
Верно ждет гостей бажёных
Касата моя ластушка.
Не одна иду я, беднушка,
С сиротинкой малолетнею,
- 80 С ее дочерью молодою.
Приходила я, беднушка,
Зашла в церковь я соборную,
Становилася, горяшица,
Не к дверям я ко дубовым,
- 85 Я не к клиросам сосновым,

- Стала точь да во ясны́ очи
К пресветой да богородице.
Пресвятая богородица,
Ставлю свечи я рублевые,
90 Кладу пелены шелковые.
Отпусти-тко ты, пожалуста,
По сегодняшнему дёнечку,
По годовому по праздничку
Ты на вольную волюшку,
95 Не на вековое живленьице,
Только нам на погляденьице.
Отвечала мне-ка, беднушке,
Пресвятая богородица:
„Глупая ты, женщина,
100 Неразумная мать обидная,
Еще век тое не водится,
Что с мертвых живы становятся.
Когда была во живности
Твоя доченька любимая,
105 Ты не господу молилася,
А во добры люди хвалилася,
Что есть у тебя разумная
Касатая твоя ластушка“.
Я еще да помоллилася
110 Пресвятой я богородице:
По нашему по горюшку,
По большому сиротаньицу
Ты вложи-тко, богородица,
Касатой моей ластушке
115 Во резвы ножки хожденьице,
Во белы ручки влажденьице,
Во уста проговореньице.
Хоть бы промолвила бажёная
Одно тайное словечушко,
120 Порастаяло б сердечушко.
Ты, касата моя ластушка,
Принимай гостей любимых:
Ты горюшу, бедну матушку
И свою касату ластушку,
125 Круглу малу сиротиночку.
Знать ведь совушку по перушку,
Совьих детушек по крылышкам,
Сиротинку знать по платьицу.
На сове есть перья пёстрые, —
130 На сиротке платье розное.
Как сиротные-то детушки
На уличке дурливые,
А в избушке пакостливые.

- У сиротных малых детушек
135 Головушка не гладится,
Волос к волосу не ладится.
Как, касатка моя, ластушка,
Погляжу, бедна горющица,
На отцовых детей, матерных;
140 Придет праздничек — покупочка,
Воскресеньице — обновочка,
У твоей же у жадобушки,
У касатой твоей ласточки
Придет праздничек — обидушка,
145 Воскресеньице — кручинушка.
Придут празднички годовые, —
Давно слезушки готовые.
Уж как рада бы я, беднушка,
Положить твою жадобную
150 Сиротину да малолетнюю
Во теплу свою пазушку.
Я бабушка хоть и родная,
Но пазушка у меня холодная.
Ты, касатка моя, ластушка,
155 Любезная моя внучушка.
Возьмем лопаточки железные,
Поразроем мы песочки,
Всю мы матушку-сыру землю,
Приоткроем гробову доску.
160 Нынь морозушки трескучие:
Призамерзла мать сыра земля,
А я стала старенька,
Ты ж сироточка маленька:
У нас силушка слабешенька.
165 Не разрыть нам мать-сыру землю,
Не открыть нам гробову доску,
Не достать нам родну матушку.
Ты, сердечно мое дитяtko,
Уж ты нас прости, да к нам гости.
170 Ты гости, моя голубушка,
По суботушкам вселенским,
Ты по дням по воскресенским,
По обедам поминальным.
Как ты только к нам подоймешься?
175 Если конем, так я коня куплю,
А пароходом — пароход найму.
Если так ты не подоймешься, —
Уж я сделаю, горющица,
Со обидушки я лодочку,
180 А с кручинушки веселушки;
Сама сяду на коромушку,

- А касату твою ластушку
Посажу я во веселушки.
Дождаться будем беднушки
185 У перёного крылечушка.
Без тебя, моя голубушка,
Опустело вито гнездышко.
Как во том углу пустешенько,
А другом да порознешенько,
190 На середочке сироточка,
Твоя касатая ластушка.
Как еще скажу, горюшица,
У нас поля-то не посеяны,
У нас стогошки не паханы,
195 Закрома-то не насыпаны:
Нас кто станет кормить, поить.
Желанный у ней батюшко
На чужой дальней сторонушке,
Его сердечушко колóвое,
200 А желаньице часóвое;
Он ходит чуждается,
За народ все обряжается,
С нами на речи не ставится,
На сговор да не сдавается.
205 Ты не плачь, моя голубушка,
Как, бажёна моя внучушка,
Ты живи, моя голубушка,
При старой своей бабушке.
Будем есть мы черну корочку,
210 Будем пить холодну водушку,
А только жить будем в покоюшке. ²⁷

VIII. ПООТПУСТИЛИ НА ЛЕЧЕНЫЦЕ

«Плач по сыну, увезенному на лечение в город»

- Не несут да резвы ноженьки
Во перёное крылечушко,
Как во витое во гнездышко.
У мя в том углу пустешенько,
5 А в другом да порознешенько.
Как отпустила я жадобного
Да своего сына любимого
На чужу дальну сторонушку;
Не на охотное гуляныце,
10 Не на умное ученыце
Поотпустила на леченыце.
Погляжу, бедна горюшица,
Уж я, матушка несчастная,
Висят платвица по стопачкам,
15 А фуражечки по гвоздичкам,
Лежат книжечки по столичкам
И тетрабочки по полочкам; —
Тута нет сына бажёного.
Как я то умом подумала,
20 Как сердечно мое дитятко
На струистой речке быстрой
Может в лодочке катается
Или в улочке шатается.
Как прихожу, горюша бедная,
25 Стоит лодочка у бережка,
А весельшка на кормушке —
Тута нет сына бажёного.
Я еще умом подумала,
Может красно мое солнышко
30 На разгул широкой уличке.
Как выхожу, горюша бедная,
На уличку плановую,
На дороженьку почтовую;
Ходят девочки станицамы,
35 Ходят мальчики толпицамы —
Тута нет сына бажёного.
Тут я еще умом подумала,

- Верно сердечно мое дитяtko
Верно в конторе занимается.
- 40 Как посмотрю я, мать несчастная,
Во конторушке огни горят,
За столама писаря сидят,
Сидят счетчики, расчетчики —
Нету моего бажёного.
- 45 Как потом я спохватилася,
Что я недавно распростилася,
Отпустила я жадёбного
На чужу дальнюю сторонушку.
Мы несчастны уродилися,
- 50 Что на тундрах поселилися:
Нет машин да сухопотных,
Пароходов скороходных.
Как струиста речка быстрая
Ледочками покрылася —
- 55 Путь дорожка заградилася.
Дождаться буду, беднушка,
Той веснушки красивойей
Да и летушка-то теплого.
Придет веснушка красивая,
- 60 Пора времечко разливное,
Как снежочки повытают,
Да ледочкикы повынесет
Со матушки-быстрой реки,
Так пойду, бедна горющица,
- 65 Я на пристань на казенную.
Дождаться буду, беднушка,
Я парохода скороходного,
Своего сына жадёбного.
А в эту пору, в это времечко
- 70 Пришла весточка нерадостна.
Мое красное-то солнышко
Во больницах белокаменных
На столах лежит на мраморных.
Доктора-то немилостливы,
- 75 В них сердечки безжалостливы;
Они ножичком булатным
Режут телушко бумажное
Моему сыну бажёному.
Ему там-то тяжелешенько,
- 80 Моему сердцу тошнешенько.
Я дома клубышком катаюся,
Сердце кровью обливается.
Вы найдитесь, люди смелые,
Распорите груди белые,
- 85 Посмотрите-тка у беднушки

- На ретивое сердечушки,
Там черняя черна ворона,
Посизея сиза голубя,
Запеклось да заварилось,
90 Все сердечко истощилось.
Как умом было не думано,
Что придет зябельно сердечушко.
Как пред сего было, до этого
Как не думано, не га́дано,
95 Как жена я, жена мужняя
И ничем была ненужная,
Не видала я, беднушка,
Я в хлебе недопашечков,
В житье-жире недостаточков;
100 Было хлебушка по выпашке,
Милых детушек по участи.
Уж тут нежданно да негаданно
На нас бедушка свалилася,
Да несчастьеице случилось.
105 Как одно у мя, единое
Тепло красно мое солнышко,
Така болюшка случилася,
Отнелися резвы ноженьки
Уж тому времечка годов десяточек.
110 Как я ездила, смыкалася,
Я с расходом не считалася,
Городов я не боялася,
Волоков я не страшилася,
До людей я домогалася,
115 Людям в ноги поклонялася,
Все здоровья добиралася
Своему сыну бажёному.
Уж я на то теперь решилася,
На его на вольну волюшку
120 И отправила бажёного
На чужу дальню сторонушку.⁸

IX. ПОТЕРЯЛИ МЫ СЕЛЕНЬИЦЕ

(Плач после пожара)

*(Приходит тетка, племянница ее встречает
с плачем и причитывает)*

- Как идет да гостья дальняя,
Идет гостья долгожданная,
Моя тетушка-добротушка,
Старша буйная головушка.
- 5 У нас, у бедных,
Ново чудо счудовалось,
Ново диво сдивовалось.
Уж как век чего не думали,
Уж как век чего не гадали.
- 10 Уж как глупая-то женщина,
Неразумна молода жена
Зажигала воскову́ свечу
Перед чудным перед образом.
Верно она богу не угодная,
- 15 Ее свеча да недоходная.
Как от той от восковой свечи
Показались дымочеки,
Запылали огонечки
По крестьянской по деревенке.
- 20 Потеряли мы селеньице,
Все хоромное строеньице,
Все крестьянско заведеньице.
Все огнем просветилося,
Головней все покатилося.
- 25 Как желанна моя тетушка,
Теперь я, бедна горющица,
Я от господи обижена,
И от добрых людей обнижена:
Погорели у беднушки
- 30 Мои цветные все платица
И жемчужно ожерельице;
Не видать мне боле беднушке.
Я находилась, горющица,
На крестьянской на работушке;

- 35 Не работушку работала —
Только времечко корбтала.
Как про это про несчастье
Мое ведало сердечушко.
Как прихожу, бедна горюшица,
40 Я с крестьянской-то работушки,
Уж пустым стало пустешенько,
Порозным да порознешенько;
Мои сердечные родители
В чистом полюшке под кустичком.
45 Как станем жить бедные
Без витого без гнездышка. 9

МАТРЕНА ФИЛАТОВНА ПАВКОВА

(Автобиография)

Сейчас мне 59 лет. А жила я так: родители небогатые крестьяне были. Детей было пятеро. С 8 лет ходила к богачку мыть, шить, нянчить, ткать. Больше стала — скот гоняла на Песчаное. Ночью придет, скажет: „гони скот“. Я и бегала. Платежи-то были доскольные, сами знаете. 18 лет вышла замуж. Тут уж всего увидела; свекор был такой строгий: все люди боялись. Через три с половиной года началась японская война. Мужа взяли на войну. Осталось двое детей — год да два года. Тут было очень трудно. Мужа брали — так плакала. Тут причитывать и научилась своими слезами. Родила вскоре, на второй день на работу отправили. Я перервала живот, в больницу не отправили, такая как тень ходила, еще хуже. Они и пахать и в лес гоняли. Без обуви на лесозаготовку ходила. Это все свекор такой был. Родственники меня все попрекали: выйди да выйди. Я решила: пусть уже муж придет, дожить надо. Через два года муж пришел.

Отца и он боялся. Через год еще сына принесла. Свекрова ему позвоночник сломала. Здорова така старуха была. Он почернел, без сознания сделался. После того убогий был 10 годов, пока не помер. Муж после войны болеть стал. Свекор меня все с квартиры гонял, хлеба не давал. Пришла оспа, трое детей моих померли на трех неделях. Один остался убогий. Муж поправился, и опять я в положении сделалась. Мы отделились, ничего нам свекор не дал. Говаривал, что муж мой на войны был, так будто ничего и не нажил. Через 18 месяцев и муж помер. Тут я наскопила горюшка три морюшка, а слез-то три озерышка, как я причитывала тогда: я и на лесозаготовку и на поденщину к богатым за 20 копеек в день и туда и суда. Ни обуви, ни одетки, ни хлеба. А сама в положении. Годы пошли голодные. Ели солому, колоколку да всяку ерунду таку. Никто мне и не помог. Сколько хлопотала — никто, ни откуда, ни одной копейки! День работаю, ночью вяжу, шью. До того тяжело было (плачет)... не могу я про доскольные говорить.

Прогоревала, стала того сына учить после революции. Как все устроилось и жить стала не так. Женотделы были, я делегатка была. В Пудож ездила и на Всекарельский съезд ездила. Всю тяжесть с меня сняли. Если бы годов 30 с меня тяжесть бы сняли, разве такова сейчас бы была. А сейчас живу: сын — агрономом старшим в МТС, невестка и двое внучат. Сын получает 700, невестка 400, овцы свои, корова своя, все свое. Сейчас хорошо живем.

Молода была, здорова была складывать эти причеты. Ходила по свадебкам, подголосничала.

Х. У МЕНЯ ГОРЮШКА—ТРИ МОРЮШКА

(Плач по сыну)

- Ох-ти, мне, бедной горюшице,
 Я, вдова многопобедная,
 Голова многобесчастная.
 Я сяду, многобедная,
 5 К своему сыну бажёному,
 К телу мертву, лицу блеклому.
 Он со мной не разговариват,
 Про болезнь мне не рассказыват.
 Ах ты, рожно мое дитятко,
 10 На твое бедно живленьице,
 На твое возвращеньице
 И на твою болезнь великую
 До того мы насмотрелися,
 Что очи ясны помутилися.
 15 Пришла скорая нонь борзая,
 Уж да тихая смеретушка,
 Да взяла, да приубрала
 Моего сына бажёного.
 Я сидела, многобедная,
 20 У твоей трудной постелюшки,
 Я сидела, прослезилася,
 На работку торопилася.
 Я одна да одиныхонька
 Не чаялась, не надеялась
 25 На скорую смеретушку.
 Как ты, рожно мое дитятко,
 Ты, умершая головушка,
 Там на будущем векушку,
 Ты на тоем будешь светушку,
 30 Может стретушку не встретишь ли,
 По пути не приготовишь ли.
 Своему кормильцу-батюшку
 Скажи поклон да понизехонькой,
 От сердечка поблизехоньку
 35 От своей родитель-матушки.
 Расскажи, мое божёное,
 Ты про наше житье-жирушку,

- Про вдовиное живленьце,
Что я живу, бедна горющица,
40 У меня горюшка три морюшка,
Слез-то три озерушка,
У меня злодийной-то обидушки
Сундучки не отворяются,
Коробки не отмыкаются
45 С рожоньма, бажёныма.
Эти маленькие вьюноши
Всю сгубили меня беднушку;
Ручки белы намахалися,
Бедна вся приработалася.
50 Как пойду, бедна горющица,
В лес на трудную работушку
По солнеставу солнца красного,
В богачам пойду на трудную
Я за гривну, за двугривенный,
55 А к закату солнца красного
До того доработáюся,
Что едва домой шатаюся.
Ах ты, рожоно мое дитяtko,
Расскажи родильцу-батюшке.
60 Что у меня, бедной горющицы
Во моем роду, во племени
Никого нету богатого,
Никого нету желанного ---
Непособят мни-ка, беднушке.
65 Поглядите, люди добрые,
Примечаюсь я. несчастная,
Совинých детей по перышкам,
Вдовинých детей по платьицам;
В их обутки не по ноженькам,
70 В их одетка не по пледикам,
Волос к волосу не ладится,
Да головушка не гладится.
А я смотрю да, мать детинная,
Я, головушка обидная.
75 Охти, мне, бедной горющице,
У меня нонька, у беднушки,
Все хоромное, строеньице
Не колечком завивается,
Во конец все разоряется.
80 Что осталось, у беднушки,
Глупый, малый недоростоцка,
Недоросла деревиноцка,
Недозрела ягодиноцка,
Нескацена жемчужиноцка,
85 Мни-сь одно топерь бажёное.

- Как возрастить буду, бедная,
Сила вся нонь поздержалася,
Могута вся истрепалася.
Все я думаю, горюшица.
- 90 В день по красному по солнышку,
А в ночь по ясному по месяцу
Как я буду жить, горюшица.
Ведь одно у мня рожное,
Да одно у мня бажёное,
- 95 Он везде у нас шатается,
Он везде у нас скитается,
В чужи крылецка настаивается,
Себе поесть насобирается.
Нонь искать я буду, бедная,
- 100 Я себе да людей добрых,
Помогателей хороших.
Не пособят ли горюшице
Поучиться на бажёного.¹⁰

XI. КАК Я ЖИТЬ БУДУ, ПОБЕДНАЯ, ВО ВДОВИНОМ ПРОЗВАНЬИЦЕ

(Плач по мужу)

- Не дробите, ножки резвые,
Не ходите, груди белые,
Вы не лейтесь, горящие слезы.
Допустите меня, бедную,
5 Ко столу да ко дубовому,
К своему мужу законному.
Я не знаю, многобедная,
Я, вдова да горе-горькое,
Я ведь мать беднодетинная,
10 Голова в меня обидная.
Куда сис(т)ь бедной горящице,
Сис(т)ь во резвые ль во ноженьки
Иль во буйную головушку?
Сис(т)ь во резвые во ноженьки, —
15 Не слышать да зыцна голоса,
Моего-да припеваньица,
К телу мертву причитаньица;
Как сес(т)ь за буйную головушку, —
Да не видать да лицка блеклого.
20 Я сяду, многобедная,
Ко ретивому сердечушку,
К своему мужу законному.
Ты, умершая головушка,
Ты оставил меня, беднушку,
25 Будто утушку с дитятамы,
Будто курушку с цыплятамы,
А то меня, бедну, с ребятами.
Ведь я годамы молодехонька,
Я несчастьица полнехонька.
30 Как я жить буду, победная,
Во вдовином прозваньице,
Во несчастном воскликаньице,
Как возростить детей малых.
Ты, умершая головушка,
35 Ведь у меня, бедной горящицы,
Все хоромное строеньице

- Все пустым будет пустехонько,
Будет в доме холоднехонько;
40 Во почесном во большом углу,
Там зима будет холодная
Со крещенским морозамы,
Во печьном углу на лавоцке
Я, вдова многопобедная,
45 Как орлица со дитятамы
Сижу я, бедна, с ребятамы.
Да ты, моя умершая,
Ты, законная семеюшка,
Где искать, бедной горющице,
50 Мне местецка себе талого,
Мне словецка себе тайного:
Не в своих ли сродцах-сродницках,
Аль в попах отцах духовных,
Аль в служителях церковных,
55 Или в властителях верховных,
Или в царях неблаговерных?
Только знаю, бедна, ведаю
Сама, бедна, сдагодалася,
Не найти бедной горющицы:
60 Как не богата-я богатинка,
Не сладутная сладутинка,
Мне дарить-то нечем, беднушке,
Мне попов, отцов духовных.
Как не найти местецка талого,
65 И не слышать словецка тайного.

(При выносе гроба)

- Охти, мне, бедной горющице,
Милы братьица родимые,
Вы послушайте победную,
Вы вдову многонесчастную,
70 Высоко не поднимите-тко,
Далеко не унесите-тко
Мою законную семеюшку
От рожоных малых детушек
Да пожалейте меня бедную
75 И моих сирот несчастных.
Я просида вас, молилася,
Чтобы горницку устроили,
Белы лавоцки наладили,
Там косивцата окошецка,
80 Вековецну гробову доску.

(На могиле)

Охти, мнешеньки тошнешенько,
Мне горазно обиднешенько.

- Я еще скажу словечушко:
Вы мои да, сродцы-сродвицки,
85 Все, народ да люди добрые,
Глубоко не загребите-тко,
Крепко вы не затопчите-тко
Моего мужа законного.
Вы оставте-тко, пожалуста,
90 Вы перёное крылецушко,
Вы косяцато окошецко.
Я ходить да буду, бедная,
На совет, на думу крепкую,
На тиху смирную беседушку,
95 Я ему буду рассказывать,
У его буду выпрашивать.
Расскажу, бедна горющица,
Про свое я житье-жирушку,
Про свою тоску, обидушку,
100 Про своих сирот победных,
Все победных горе-горькихих.
Ведь у меня, бедной горющицы,
Одно в зыбоцке кацается,
Друго на руки давается.
105 Ах ты, умершая головушка,
Ты стрейдай да меня, беднушку,
Ты на буювку покровскую, —
На могилку приду мужнюю.
Я ходить буду частехонько,
110 Охти-хти, мне-ка тошнехонько
Вы, мои да сродцы-сродницки,
Вы оставте меня, беднушку,
У моего мужа любимого.
Мне не надо здесь питаньица,
115 Мне не надо содержаньица.
Не ведите горемыцную
Во хоромное строеньице.
На вдовиное живленьице. ¹¹

ХІ. УЖ Я КАК СТАНУ ЖИТЬ, БЕДНУШКА

(Плач по мужу)

- Уж как сис(т)ь да, многобеднушке,
 Сис(т)ь не в ноги, сис(т)ь не в головы,
 Уж как сяду, многобеднушка,
 Супротив сердца ретивого
 5 Ко законной ко семеюшке.
 Налетите с небес ангелы,
 С небес ангелы-архаигелы,
 Дайте в ноженьки хожаньице,
 В белы рученьки маханьице,
 10 Во уста да говореньице.
 Как спрошу я, многобеднушка,
 У законной семеюшки:
 На кого оставил, беднушку,
 Меня с глупыма да с малыма?
 15 Уж как я стану возрашщивать
 Рожоных малых детушек
 Без тебя-то ведь, законная семеюшка?
 Как мои рожоны детушки
 Находятся босешеньки,
 20 Насидятся голоднешеньки.
 Как у отцовых-то у детушек, у матерных
 По колен да ножки в золоте,
 По локоткам ручки в серебре
 И на каждом волосе
 25 По скаченной по жемчужинке;
 Как у сиротских наших детушек
 По колен да ножки трескались,
 По локоткам ручки грязные,
 На каждой волосиночке
 30 По горючей по слезиночке.
 Уж нуньку где буду приискивать,
 Нуньку где буду приглядывать
 Я законную семеюшку:
 На лужках на сенокосных,

* Ульяна Осиповна Староверова, колхозница из дер. Сиверская Песчанского с/с, Пудожского р-на, 59 лет, неграмотная. Староверова известна в своих местах как хорошая свадебная подголосница. Из похоронных причитаний знает только причитания по мужу.

- 35 На полях на хлебородных?
 Придет веснушка красивая,
 Придет времечко тоскливое,
 Станут на земле талиночки,
 А на Онегушке полиночки,
 40 По шумливому Онегушку
 Водоплавны пойдут лодочки,
 Суда пойдут мачтóвые,
 Пароходички парóвые.
 Дождаться буду, беднушка,
 45 Со бурлакушков-то вольных
 Я законную семеюшку.
 Только знаю, многобеднушка,
 Живой с мертвого не родится,
 Взад с могилы не воротится,
 50 У ворот не поколотится.
 Не прибрать мне будет, беднушке,
 Мне законной семеюшки
 Не по росту, не по возрасту,
 Не по личушку по белому.
 55 Этой веснушкой красивой
 По лесам да пойдут пастыри,
 На полях поедут пахари;
 Как у меня-то, многобеднушки,
 На полянке нету пахаря,
 60 На работке нет работничка.
 Уж я как стану жить, беднушка,
 Без законной семеюшки.

(В церкви после отпевания)

- Вы, попы, отцы духовные,
 Вы, служители церковные,
 65 Вы постоите-тко, попойте-тко,
 У мя мужа помяните-тко,
 Запишите-ка законную семеюшку
 В вековечно поминаньице.
 Уж вы, сродцы мои, сроднички,
 70 Вы, рожоны мои детушки,
 Вы прощайтесь-ко крепешенько
 Со кормильцем-светом-батюшком.
 Как подойти мне, многобеднушке,
 Ко законной ко семеюшке,
 75 Ко тесовому ко гробику,
 Как проститься мне-ка, беднушке,
 Со законной со семеюшкой
 При последнем растаньянице.
 Вы, попы, отцы духовные,
 80 Вы, служители церковные,

Как смолюсь, скорюсь я, беднушка:
Не закрывайте гробовой доски
Как законной семеюшки.
Кабы была у меня, у беднушки,
85 Бессчетна золота казна,
Так искупила бы я, беднушка,
Свою законную семеюшку.
Только знаю, бедна, ведаю
Живой с мертвого не родится,
90 Взад с могилы не воротится.
Вы, народ да люди добрые,
Вы меня да непослухали,
Призакрыли вы законную семеюшку,
Его личушко-то блеклое.

(При опускании в могилу)

95 Вы завийте, ветры буйные,
На Онегушке пароходов не топите-тка,
А народу не губите-тка,
Со церквей вы главы не громите-тка,
Только падите, ветра буйные,
100 Вы на матушку-сыру землю
И на раскат-гору высокую,
На умершу на могилушку,
И разнесите мать-сыру землю,
И покажись-ка гробова доска.
105 Я увижу личко блеклое
Своей законной семеюшки.
Как расскажу я, многобеднушка,
Своей законной семеюшке
Про свое да горе горькое.
110 Как без тебя то ведь, законная семеюшка,
У меня-то, многобеднушки,
Будет печка не топлёная,
И фатера не метлёная.
Я на печке сижу,
115 Да ножкам холодно,
А за столом я сижу —
Сердечко мое голодно.
Как рожоны наши детушки
Находятся босешеньки,
120 Насидяться голоднешеньки.
Как осталась я не во пору,
Не во время,
Я годама молодешенька.
Коим ветрушкам не веять бы,
125 Ты ветрушки навияются,
Коим людюшкам не баять бы,

Ты людюшки набаются
И голова́на нашатаются.

(По приходе домой)

- Как приду я, многобеднушка,
130 Со умершей со могилушки
Во хоромное строеньице.
Все пустым стало пустешенько,
Холодным да холоднешенько
Без законной без семеюшки.
135 Как законная семеюшка
Мне во снi да не покажется,
На яву да не объявится,
Мне навстретушку не встретится,
И на попутыце не свидится.
140 Ох-ти, мне-ка тошнихонько,
Мне гораздо обиднехонько.¹²

МАРФА ЯКОВЛЕВНА ИСАКОВА

Исакова, Марфа Яковлевна, колхозница из дер. Милентьевская, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, 52 лет, неграмотная. Вот короткое резюме из ее рассказа о себе. Вышла замуж из дер. Песчаная за 25 верст. Вышла за пьяницу. И так всю жизнь. Теперь не бьет: пригрозила, что сразу же уйдет. В семье жить было трудно. Старшую невестку боялись пуще свекрови. Семья была бедная. Свекор всю жизнь занимался в пастухи. В семье жили 4 года, потом отделились. Было 7 детей, а в живых осталось только двое. Муж был в солдатах 5 лет, а в это время она одна кормила всех своих малолетних детей. Причитывать училась у матери и на могилках. Уже десятилетней причитывала на могиле отца. Очень хотела, чтобы ее плачи были записаны, но боялась позвать к себе собирателя в присутствии мужа. Дождавшись отъезда мужа в районный центр, попросила собирателя записать у нее. „Хоть попеню я, — говорит Исакова—пообидуюсь на прошлую жизнь нехорошую, на мужа пьяницу“. И действительно, центральный мотив ее плачей — жалобы на мужа-пьяницу.

ХІІІ. КАК ЖИВУ ЗА МУЖЕМ ПЬЯНИЦЕЙ

(Плач замужней дочери по матери)

(При входе в родительский дом)

- Нонь сис(т)ь да мне-ка, беднушке,
 На родительском помистьице.
 Посудьячу, пообидую
 Своему брату родимому,
 5 Попеняю я, поретую:
 Не повестил меня он, беднушку,
 Ко своей да родной матушке.
 Мне не нужно подаяньице,
 Только нужно бы от матушки
 10 Взять родительско прощеньице,
 Взять талану мне-ка, участи,
 Чтобы жить-то мне-ка, беднушке,
 На судимой на сторонушке,
 Чтобы жисть-то была важная,
 15 Чтоб житье было хорошее.
 Без талану да без участи
 Мне-ка жисть будет неважная,
 Мне житье да нехоршее.
 Хлебом солью не кормите-ко
 20 И самоваром не звоните-ко,
 На родительско помистьице
 Посидеть меня пустите-ко.
 Вы словечком не обидьте-ко
 И самоваром позвоните-ко,
 25 Хлебом солью покормите-ко.
 Я обидушку повыскажу,
 Всю досадушку повыражу.

(На могиле матери)

- Ты, родитель, моя матушка,
 Как я шла, бедна, спешилася,
 30 Со всей силы торопилася.
 Уж попадала мне-ка, беднушке,
 Перва встретушка-обидушка,
 Втора встретушка-досадушка,
 Попадались горячи слезы.

- 35 Раскатитесь, пески желтые,
Покажись-ка, гробова доска,
Покажись-ка, тело мертвое,
Тело мертво, личко блеклое.
Ты, родитель, моя матушка,
- 40 Уж как дай-ка тебе господи
Во ноженьки хоженъице,
И во рученьки маханъице,
И в язык да говореньице.
Не повестили меня, беднушку,
- 45 Как к последнему прощеньицу.
Надели-ка меня, матушка,
Ты таланом меня, участью.
Я те, беднушка, повыскажу,
Всю обидушку повыявлю
- 50 Как живу за мужем пьяницей.
У мня наскоплено обидушки, —
Чисто полюшко рассеяно,
Как шумливое озерушко
У мня слез да полно налито.
- 55 Как не нажито, а прожито,
Не получено, а пропито
У законной у семеюшки.
Родная моя матушка,
Он пьян ходит, шатается,
- 60 Надо мной да издевается.
Как хожу я, многобеднушка,
Сладки кушанья на ум нейдут,
Не могу своей досадушки
Как запить я чаем, кофием.
- 65 Как ходит моя законная семеюшка:
Во чистом поле шатается,
А как я хожу-то, беднушка,
Мои ноженьки в обувишке,
Мои плечика в надеточке,
- 70 Белы ручки на заложечке,
Ясны очи во окошечке.
Как он идет шатается,
Надо мной да издивляется.
Не могу уладить, беднушка,
- 75 Своей законной семеюшки
Не по раннему по утречку,
Не по позднему по вѣчерку,
И не среди денька белого,
И не среди я ночки темной
- 80 Не могут уладить, беднушка.
Он обидит меня, беднушку.
Мои ноженьки испинаны,

Мои рученьки изломаны,
Голова да исколочена,
85 Бела грудь моя истоптана.
Кабы были люди смелые,
Распластали б груди белые.
Тут узнали бы у беднушки
Как соседы подугольные
90 И соседки полюбовные
Всю тоску мою, досадушку,
Всю великую обидушку,
Как хожу я потихошеньку
И дышу потежелешеньку.
95 Говорят соседки милые:
„Чем болеешь ты ведь, беднушка“.
Отвечаю, многобеднушка:
Какая боль во мне сходилася,
Хоть не в чахотку завалилася,
100 Тут обидушка на том да уходилася,
Тут досадушка на том установилася.¹³

XIV. ПРИШЛА СМЕРТЬ-ТО НЕРАЗУМНАЯ

(Плач по дочери)

- Сис(т)ь мне-ка, беднушке,
Как ко телу мне ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому,
Ко своей ко доченьке бажёной.
- 5 Как пришла ко дочушке бажёной
Смеретушка неумная,
Пришла смерть-то неразумная,
Боль к тебе неважная,
Бедной смерть да нехорошая;
- 10 У ворот не колотилася,
У окошка не сдоложилася.
Как у ворот поколотилася б,
У окошка сдоложилася б,
Я бы тут бы сдомекнулася,
- 15 Я бы столики составила,
Ей бы кушанья наладила.
Уж ты тихая и смиренная,
И неумна, неразумная
Уж как взяла да приотняла
- 20 Как бажёну мою доченьку.
Я накормила б тебя до сыта
И напоила б тебя до пьяну,
Не пожалела бы я, беднушка,
Золотой казны бессчетной.
- 25 На золоту казну бессчетную
Как бы ты бы согласилася,
Стала давать бы целама маленькама,
Не пожалела бы я, беднушка,
Тебе целыма чертверкама,
- 30 Только оставила бы беднушке
Бажёну мою доченьку,
Только б оставила во живности.
Ты не знаешь да не ведаешь
Ты, смеретушка неумная,
- 35 Ты, неумная, неразумная,
Тяжелехонько хоть ношено,
Тяжелее того рожено,

- Как я вспомню тое, беднушка,
Тяжелее того рощено.
40 Много, много принаскоплено
У мя великой обидушки,
Больше того да принакладено
У мя великой досадушки.
Как все были годушки обидные,
45 Были годушки досадные.
Как с бажёной моей доченькой
Был годушка обиднее, досаднее,
Как жила я без удоистой коровушки
Учетный долгий годушек.
50 Как учетный долгий годушек
Мне показался за двадцать один годушек.
(При выносе тела дочери)

- Бажёны мои детушки,
Вы глядите на бажёну мою доченьку.
Ты, Егорий многомилостив,
55 Не веселись-ка ты, не радуйся:
Мы не стог да ведем с хлебамы,
Не сундук да ведем с деньгамы —
Ведем телушко мы мертвое,
Ведем личушко мы блеклое.
60 Мне-ко жаль только тошнехонько
Как бажёной своей доченьки;
Отпущу бажёну доченьку
Как во матушку-сыру землю.
(На могиле).

- Богоданная моя матушка,
65 Богоданный ты мой батюшка,
Привезла я, многобеднушка,
Как бажёну свою доченьку.
Ты, бажёна моя доченька,
Как на тамошном векушку
70 И на будущем светушку
Как твои желанны бабушки,
Жалостливы твой дедушки.
Как желанной-то твой дедушка
На попутыце не встретится ль,
75 На поворотах не увидится ль,
Во глазах да ты не свидишься ль.
Говори-ко им да кланяйся,
Низко им да поклонися,
Говори-ко им ты, девушка,
80 Что учетный долгий годушек
Жила без удоистой коровушки,
И скажи ты, красна девушка,

Про родителя, про батюшка
И про мою-то законную семьюшку,
85 Что он вином-то упивается,
Балаством да занимается.
Уж как жалею тебя, девушка.
Мне-ка жисть-то ведь не нравится,
И жить-то мне не хочется;
90 Как не жалела бы я, беднушка,
Мне жисть бы много нравилась,
Мне-ка жить много хотелось.¹⁴

XV. ЧЕМ МНЕ ЖИТЬ ГОРЮХЕ ГОРЕ-ГОРЬКОЙ

(Плач на могиле мужа)

- Как сегодняшним господним, божьим дёнечком
 Пришла я на раскат-гору высокую,
 Как на эту на могилушку умершую,
 Как ко миленькой ко законной ко семьеюшке.
- 5 Порассыптесь сегодня вы, желты́ пески,
 Раскатитесь-ка, катучи белы камешки,
 Приоткройся-ка, тесова гробова доска.
 Встань, восстань, законная семьеюшка,
 Вынь-ка ручушки от ретивого сердечушка,
- 10 Проговори-ка мне единое словечушко,
 Ты по-старому заговори со мной, по-прежнему,
 Ума-разума ты дай мне во головушку,
 Размысленья дай во ретиво во сердечушко;
 Что приходит трудная крестьянская работушка
- 15 Выходить на поля на хлебородные,
 Во-вторых итти на лужки на сенокосные.
 Уже знать, видать, законная семьеюшка,
 Что не порна стала горюха горькая.
 Мои ноженьки теперь да притопталися,
- 20 Мои рученьки теперь да примахалися,
 Помешался ум во младой во головушке.
 Ума-разума нет во младой во головушке,
 Размысленья нет во ретивом во сердечушке.
 Как пахать мне во полях да хлебородных,
- 25 Как косить мне на лужках на сенокосных.
 Хоть оставлена станица неудольная,
 Все не труднички у мня да неработнички:
 Чем мне жить горюхе горе-горькойей.
 Уж ты, моя мила законная семьеюшка,
- 30 Скоро-на́скоро от меня ты удалился,
 Хоть не в синем море от меня ты удалился,
 А во темном лесу ты да ушибился,

* Касьянова, Александра Федоровна, колхозница из дер. Лисидино, Кузарандского с/с., Заонежского р-на, 53 лет, неграмотная. В детстве слушала причитания (больше свадебные) апаменитой вопленицы Ирины Андреевны Федосовой, своей соседки.

- От удара во сыру землю укрылся,
Ты спокинула меня, горюху горе-горькую.
- 35 Вот второй идет учетный долгий годушек —
Никакого я извѣстья не полѹчаю,
И скорописчатые грамотки я не полѹчаю.
Наверно нет у вас лавочек торговых,
Нет у вас бумаженьки гербовоей.
- 40 И нет у вас свободной поры-времени
Написать мне-ка скорописчатые грамотки.
Вот еще бужу, кручинная головушка,
Ты уж стань, восстань, законная семейшка,
Не по-старому ты восстань, не по-прежнему,
- 45 Попусти по мне великое желаньице,
Ты по-старому пусти да и по-прежнему,
Дай ума-разума мне-ка горюхи во головушку,
Размысленья дай во ретиво во сердечушко,
И как работать мне-ка на крестьянской на
работушке,
- 50 И какво растить мне-ка сирот да бесприютных.
Хоть и принарос уже скачѣная жемчужинка,
Да недорослая он да деревиночка,
Да незрелая он да ягодѣночка,
Нету силушки во белых во рученьках,
- 55 Нету размыслу во молодой во головушке. ¹⁵

ФЕКЛА ИВАНОВНА БЫКОВА

Это живая, веселая старушка лет 60. Ее шуточные „досюльные“ песни, исполняемые небогатым, но звонким голосом, обычно захватывают всю аудиторию. Эстрадными эффектами ее выступления не сопровождаются, но от ее песен веет таким глубоким оптимизмом и неподдельным юмором, что слушатели никогда не могут удержать широкой улыбки и взрывов хохота. Кажется, что эта женщина никогда в своей жизни не знала горя и забот, накладывающих свой отпечаток на характер человека.

Но не так на самом деле. Ее жизненный путь до революции — безрадостный, тяжелый путь беднячки и вдовы.

„Росли мы в семье бедной, — рассказывает Фекла Ивановна, — у отца было шестеро детей, а вся семья девяти человек была. Жили в самой бедности, ничего не имели. Не успели подростки мы, а уже с пяти лет на работу ходить стали, лодку с сетью на Выг-реку, а потом на море сельдь ловить. С семи годов пошли в няньки“.

Несмотря на веселый, бойкий характер, благодаря которому она была первой и в хороводе и в хоре, девичество ее было тоже мало радостным. Веселье убивалось крайней бедностью.

„Хороша я, хороша,
Да плохо я одета.
Никто замуж не берет
Девуцу за это“.

„Будто про меня поется — говорит Фекла Ивановна“.

„Были бедны, платьев не было, хорошие женихи замуж не брали. Родители им говорили: „Родня бедная, платья нет — куды возьмешь“. Потому и замуж вышла за бедного, в семью восьмой душой.

Житье пало неудачное: мужчины все ленивые (три мужика в доме: свекор, диверь и муж). Покуль есть мешок муки — они живут, а как не станет — свекор на печь, свекрова на кровать, и начинается ругань между им. Я уйду то за мерью плакать, то в конюшню, чтоб никто в семье не видел.“

Как обычно в крестьянской семье, новую семью отделили. Из имущества получать было нечего, и молодожены поступили на Сорокский лесопильный завод. После года работы на заводе муж Феклы Ивановны „поступил на пароходы“, но и оттуда его скоро выгнали за пьянство. Вскоре, когда он работал у судохозяина, по дороге домой он был убит товарищем в пьяном скандале.

„Осталась я с 8 руб. денег и с полпудом муки, а когда мужа похоронила, остался всего один пятак в кармане. Помню этот пятак. Купила ниток на последний. А хлебом этим две недели прожила“.

Дальнейшая жизнь Быковой может быть прекрасным комештарием к плачу многодетной вдовы.

„Бабушка послала детей моих за хлебом, по кусочкам. Старшему сыну тогда было 3 года, а дочке 5 годов. С утра до вечера ходили. Я же пошла работать на завод. Поработала до Покрова. Все женщины пошли по домам, а мне деться некуда. Стала проситься, чтобы мне дали работу в зиму. Поставили меня опилки черпать. Я тут поработала 2 зимы, одна из женщин. На третью зиму клали 2 женщины работать. Тут мне стало повеселее. Помещенье не давали женщинам никому. Только давали работникам-мужчинам. Я проживала у мужа и жены, уголок дали у окна, у стенки. Управляющий приказал замуж итти: „Тогда помещенье получишь, а женщина такого веса не имеет“.

И пошла я через 3 года вдовиной жизни замуж. Муж был такой же горемычный, как и я.

Стали жить. Нам и помещенье дали. Себе мужа нашла — детям отца не могла найти. Детей вырастила. Вот так и жила до революции.

Ну теперь у меня другой свет. В 1924 г. я сработала домик небольшой. Горя я теперь не вижу. Города все показаны. Спасибо всем людям, большевикам, товарищу Сталину. А раньше мы жизни не видели, светла платья не ношено.“

За этими скупыми словами видится тяжелая, наполненная материальными лишениями, и духовно-беспросветная жизнь.

Советская эпоха возродила природный ее характер, придавленный десятилетиями лет тяжелой жизни.

Мало кто может так развеселить общество как Фекла Ивановна. И в Сорке знают и ценят это ее качество. На всех вечерах и развлечениях она любимый гость. Она прекрасный знаток беломорской лирической песни (от нее записано более 100 номеров всех видов песен). Главным образом как выдающаяся носительница песенной традиции она должна войти в историю русского фольклора.

Но есть область, где ее творческая натура нашла себе живое воплощение. Это так называемые плачи-сказы советской тематики: о Левине, о Крупской, о погибших героях-летчиках. Их от нее записано 5 номеров. В них, хотя и без особо высокого мастерства, но с глубокой искренностью и с большим чувством, выражает себя женщина, наконец-то высвободившаяся от социально-экономической придавленности и нашедшая новую свободную и радостную жизнь. Отсюда мотивы сравнения старого и нового, радостного восхищения новым, мотивы глубокой любви и благодарности вождям партии.

В мае месяце 1939 года Ф. И. Быкова принята в Союз Советских Писателей и награждена почетной грамотой Верховного Совета Карельской АССР.

XVI. НАДОВОЛИТСЯ КРУЧИНОЙ МОЕ СЕРДЦЕ РЕТНВОЕ

(Плач о муже)

- Куда ты снарядился, да куда ты сокрутился,
 Моя мила венчална лáдинка,
 Во хороши города во уездные
 Закупать дороги товары,
 5 Во хороши города во устройные?
 Ох, я глупая да неразумная,
 Сирота, вдова-горе-горькое,
 Уж он теперь умерший да упокойший.
 Куда ты меня бросил да куда оставил
 10 С многима с малыма с сердечныма детушкамы
 В семейном да артельном домичке?
 Не построил ты мне витого теплого гнездышка,
 Не оставил ты мне годовых хлебов припасамы,
 Только ты оставил с моима малыма сердечныма
 детушкамы
 15 Уж не одетыма да не обутыма.
 На кого я теперь кладу крепку надеюшку?
 Уж осталась я в хороши молодые годички.
 Пойду я теперь по раннему утру утрянному
 На тяжелые чужи работушки,
 20 С кем я оставлю своих малых сердечных детушек,
 Их ведь не мала троечка.
 Уж пойду я по раннему утру утреннему,
 Приду я по позднему вечеру,
 Уж буду я теперь проситься, молить себе
 ума-разума,
 25 Чтобы не оставить да не разрыть
 Моих малых сердечных детушек.
 Про меня, да молоду вдову,
 Может работают чужи умножны людюшки,
 Может награются черны вороны граючи.
 30 Уж я, бедна да беззащитна,
 В чем я попрошу да поканаюсь
 Хорошим ясным соколам,
 Что не выносите вы из избы
 Мою венчалну ладинку,

- 35 Из витога теплого гнездышка
Уж не в пору да не во время,
В хороши его годички.
Снимите да срисуйте потрет родителя-батюшки,
Срисуйте-ка красу молодецкую
40 Моей милой законной, венчальной ладинки,
Дайте насмотреться да наглядеться
На остатках да на последках.
Ох, я, бедна горе-горькая кукушица,
Я, вдова, сирота горе-горькая.

(Когда мужа зарывали)

- 45 Не зарывайте-ко мою милую венчальную ладинку
На вечно и бесконечно
От моих милых, сердечных детушек,
От меня, вдовы, сироты горе-горькоей.
Овдовела не во пору да не во время,
50 В хороши цветущие годички.
Заприходит тепла весна красовитая,
И зажупят птички жупячие
Во темных лесах во дремучиих,
Завеют весенны горны ветерочeki,
55 Вот разгонют эту могилушку песчаную.
Уж накопится, надоволится
На моем горьком сердце ретивом
Всякой досады да кручины великоей,
Тогда разбаю да расскажу я все
60 Как вдовею да как сиротаю
С моими малыма сердечныма деточкамы.
Уж я глупа да неразумная,
Я, вдова, сирота-горе-горькое,
Вот я приду со своима малыма сердечныма
детушкамы
65 На твою могилушку умершую,
А не повыстанет мила законна ладинка,
И не поможет он мне не в нужде да не в бедности.
Не дает он казны собинной.
Как закрылись, закатились его ясны очушки,
70 Приложил он ручки белые
Ко своему сердцу ретивому,
Не печали ни воздыханьица.
Живите да горюйте милы, сердечны деточки
Да вдова, сирота горе-горькая.
75 Туда много ходцов, нету выходцев,
Так и остались жить в житье горе-горьком. ¹⁶

ЕВДОКИЯ АНТОНОВНА ПЕТУХОВА

Евдокия Антоновна Петухова родилась в селе Нюха (теперь Беломорского района) в семье рыбака. Была у родителей единственной дочерью. До 16 лет жилось ей хорошо. „Бывало песни, да пляски, да забавы разные — только их и можно было считать заботами“.

На семнадцатом году жизни ее постигло большое несчастье, у нее заболела правая рука, а через три недели кисть руки огпала. Цветущая, жизнерадостная девушка стала калекой. Стыдясь своего уродства, она избежала общения со сверстниками и в тайне от всех оплакивала свое горе. О замужестве у нее не возникало и мысли. „Но не суждено было мне, — говорит она, — остаться одинокою“. И без правой руки она работала всякую тяжелую работу: косила, грабила, метала в стога сено. Как бойкая, работающая девушка приглянулась маляру, проживавшему в Нюхче, и вышла за него замуж на тридцатом году жизни.

В замужестве прожила 12 лет, не зная особенной нужды. Зато трудно пришлось, когда осталась вдовою с четырьмя малолетними детьми на руках. Всякой работы переработала: была пастухом, работала на лесном заводе в Соробе, была маляром, занималась сельскохозяйственными работами пока не подняла на ноги ребят. „А сейчас вот живу на иждивении старшего сына, нянчусь с его ребятами“. Вопам и приплачкам Евдокия Антоновна научилась от старых вопленниц.

Горе и тяжелая жизнь калеки и вдовы заставили ее в плачах находить их выражение. Среди односельчан она и посейчас пользуется большим авторитетом вопленницы, знающей многочисленные приплачки.

XVII. НАДО УДИТЬ УМНОЖНАЯ РЫБКА ТРЕПУЧАЯ

(Причитание на зимнем ужбище наваг, на морской губе)

- Не долите-кость да не клоните-кость
 Меня, жадные сны безпечальные,
 Недосуг, да недосужна пора-времечко
 Спать да выспаться
 5 До любки, до охватушки,
 Потому да для того нать мне-ка
 Удить умножная рыбка трепучая,
 Нать выуживать
 Много казны, много собины,
 10 Нать возвращать мне-ка милых,
 Сердечных рожонных деточек.
 У меня некому наживать
 Этой многой казны, многой собины,
 Потому да для того
 15 Нет во животе молодой
 Венчальной желанной головушки,
 Не в пору да не во время
 Разлучил Господь,
 Спас, Пресвята богородица
 20 Со молодой венчальной головушкой;
 Наоставлял мне-ка милых,
 Сердечных рожонных деточек
 На печаль, на заботу великую,
 Мне малешеньких да глупешеньких.
 25 Нету много ума, много разума
 Во моей-то победной головушке.
 Как возвращать мне-ка
 Милых, сердечных рожонных деточек,
 Где брать собину.
 30 Не сходить нать со зимна холодна удбица,
 Нать выуживать мне-ка
 Много казны, много собины
 На хлеб да на соль,
 На обуенье да на одеенье
 35 Своим милым, сердечным деточкам,
 Нать привезти травки, муравки шелковые
 Дорогим христованным скотиночкам,

- Нать привезти темного лесу дремучего,
Натопить теплое витое гнездышко,
- 40 Не заморозить мне-ка милых-то,
Сердечных рожонных деточек.
Во своем-то во теплом
Во витием гнездышке.
Как уж заморожу-то,
- 45 Дак уж посмеются весь народ
Да люди добрые,
Чужи белы хороши лебедушки,
Наши ближны нарядны соседушки,
Скажут: „дура да самовольна,
- 50 Победна касата голубушка,
Нигде не работает она с дня
Работы тяжелой, тяжелой,
Не ходит на зимно холодное удбице,
Не наживат этой многой казны,
- 55 Многой собины“.
Теперь клюй-ко да попадай-ко,
Эта свежа рыбка трепучая.
Мне повывудить много казны,
Много собины
- 60 На свои на расходы великие.
Ты послушай-кось, моя мила
Млада венчальна головушка,
Уж не мож ли ты отпроситься
На том, там-то свете на будущем,
- 65 Притти ко мне-ка, ко бедной,
Победной касатой голубушке,
Пособить повыврастить милых,
Сердечных рожонных деточек
До полного молодецкого возрасту,
- 70 Чтобы их забрали да приняли
Чужие да млады, ясные соколы
Во труднишки да во работники,
Во верны слуги безызменные;
Задавали им многу казну,
- 75 Многую собину.
Они станут тогда помогать-то
Мне, победной касатой голубушке.
Ох, я глупа да неразумна,
Победна касата голубушка,
- 80 Сама знаю да ведаю,
Не приходят оттуль,
Из той-то пути-то, дороженьки широкия.
Ведь много туда уходят
Чужи млады, ясные соколы,
- 85 Оставаются уж тоже победны

- Касаты голубушки,
Ни какой не приходит оттуль,
Дак так же ко мне не придет.
Теперь послушай-кось ты,
90 Млада венчальна головушка,
Помоли-тко да попроси-тко
Господа, бога вседержителя,
Чтобы дал бы мне господь здоровья
Да здравьица великого,
95 Мне, победной касатой голубушке,
Мне повырастить милых,
Сердечных рожонных деточек
До полна молодецкого возрасту,
Еще помоги-тко да попроси-тко
100 Господа, бога вседержителя
Моим милым, сердечным рожонным деточкам,
Что-бы дал господь здоровья, здравьица,
Много ума, много разума,
Чтобы не упивались мои милы,
105 Сердечны рожонные деточки
Этим горьким, хмельным зеленым вином,
Быват, не бросят да не покинут меня,
Победну касату голубушку,
Докормят, быват, хлебом да солью,
110 Да всякой яствой сахарною
До скорой-то скоропостижной-то смерточкы. ¹⁷

ХVIII. ПОВЫСТАЛА ТЕМНАЯ ТУЧА ПЛАВУЧАЯ

(Причитание вдовы на сенокосе)

- Что чудное чудо, за диво великое
Сегодня да по сегодняшнему
По долгому летнему дёнечку,
Чего ломятся мои скорые, резвые ноженьки,
5 Чего валяются легкие белые рученьки,
Не отворяются мои ясные очи слезливые,
У меня, у победной касатой голубушки.
Для того да потому,
Что повыстала темная туча плавучая,
10 Повыпадут, бывает, буйные ветры усильчаты,
Пойдут часты мочалые дождинки.
Повеите-тось, буйные ветры усильчатые,
Разнесите-ко темную тучу плавучую
На все на четыре сторонушки:
15 На перву — разнесите-тось
За мхи, за болоты великие,
За топки, за пригубы озерышки;
На другу — разнесите-тось
На чужу на дальнюю сторонушку;
20 На третью — разнесите-тось
Не на ближное синее море соленое;
А на четверту — разнесите-тось
На дальнее синее море соленое;
У меня распеки-тось, божье красное солнышко,
25 На моем-то на гладком разносистом теребочику,
У меня повысуши-ко траву, муравку шелковую,
Уж мне поработать с дня работы тяжелыя.
Ох, я глупа да не разумна,
Победна касата голубушка!
30 Отправляю я эту темную тучу плавучую
На дальнее синее море соленое.
Туды ушли ведь чужие
Младые, ясные соколы,
На дальнее синее море соленое,
35 У меня отправлены туды милые,
Сердечные рожонные деточки
Со чужима младыма, ясныма соколамы.

Не возвращены еще до полного молодецкого
возрасту,

Еще не полна у их силка-матушка великая.

40 Падет буря, погода великая,

Пойдут часты мочалые дождички,

Оны во маленьких черненьких суденышках.

Некуда утулиться да ухорониться

От частых мочелявых дождичков,

45 Не могут работать во новых устройных
веселышках.

Возлюбятся да воспалятся на них

Чужи молодые, ясные соколы.

Не со своим отправлены со теплым

Со красным со солнышком,

50 С многодобрым, желанным родителем-батюшкой.

Уж падет им бедно да обидно,

Что отправила их со чужима

Младыма, ясныма соколамы,

Без теплого красного солнышка,

55 Не подрастила еще до полного молодецкого

возрасту
Своих милых, сердечных рожонных деточек.¹⁸

ХІХ. ОТСЫЛАЮ ГОЛОС ЗА СИНЕЕ МОРЕ СОЛЕНОЕ

(Вопль матери по утопшему в море сыну)

- Отсылаю голос за синее море соленое.
 Уж спрошу-кось я синего морюшка,
 Чего расходилась сильна буря великая,
 Уж как ты уходила моего милого,
 5 Сердечного рожоного дитятка,
 И не могу узнать да проведать
 Куда уж унесла да где и находится.
 Отправляла я своего милого,
 Сердечного рожоного дитятка
 10 На синее море соленое,
 Уж я не подумала, уж я не помыслила,
 Что он не придет да не воротится.
 Наставала туча темная,
 Разыгралась сильна погодушка,
 15 И погиб мое сердечное рожоное дитятко
 В этих бурных волнах океанских.
 Уж болит мое материнское
 Сердце, победное, плаксивое.
 Как подуют эти ветры буйные,
 20 Разыграется сильна погодушка,
 Уж я спомню тогда милого,
 Сердечного рожоного дитятка:
 Уж бьет да колотит его косточки
 О серы валючие камешки.
 25 Уж кабы имела бы я
 Свои легкие, легки крылышки,

* Ульяна Андреевна Баканова, вдова из Сумского пасада (теперь Беломорского р-на) весьма впечатлительная и общительная женщина, чутко отзывающаяся на чужое горе, так как в жизни ей лично пришлось испытать многое. До замужества, живя в бедняцкой семье вдовы-матери, она зарабатывала себе пропитание упорным трудом на тяжелых работах. В замужестве жизнь ее изменяется, она становится женою популярного на Беломорье капитана-моряка, который, однако, очень рано скончался. Оставшись вдовой, Ульяна Андреевна видела в сыне опору своей старости, но недолго имела это утешение. Спусти с небольшим год после смерти мужа, 18-летний юноша утонул при переходе реки Выг в Сороке.

- Уж улетела бы на это сине море солёное,
Уж разыскала бы его косточки,
Положила бы в могилушку — сыру землю,
30 Уж тогда бы меньше стало болеть да ноеть
Мое сердце ретиво победное.
Уж как я его растила да воспитывала,
Думала, что будет мне на старости
Кормилец и надея великая!
- 35 Поблекла береза кудрявая,
Да скоротался, скончался
Мое милое, сердечное роженое дитяtko,
Не пришлось мне убрать да похоронить
В матушку-сыру землю:
- 40 Погложило его сине море солёное.
Уж как на веки осталось болеть и тосковать
Мое зябкое сердце ретивое
Уж по своем-то, моем милом,
Сердечном роженом по дитяtke;
- 45 Уж покуль не закроются мои ясные очи
слезливые,
Уж покуль бьется мое сердце ретиво,
наржавчивое.¹⁹

XX. ПОТОПИЛА ТЕБЯ БЫСТРАЯ, СТРУЕЧНАЯ РЕЧЕНЬКА

(Вопль матери-вдовы по утонувшему в реке сыну)

- Победна вдова, сирота горепашаца,
Уж я сяду на белу брусовую лавочку
По ряду к своему милому, сердечному дитятку,
Да уж я к единому, одинокому.
- 5 Да ты послушай-ко, сердечно дитятко,
Уж ты был раньше ласковый да приветливый,
Обо всем со мной говорил да советовал.
Да ты чего теперь не говоришь, ничего
не советуешь?
- Уж мы растили тебя да воспитывали,
20 Уж не жалеючи своей казны да собины,
Уж для тебя ли мы построили
Теплое витое гнездышко,
Светлые столовые горницы?
Не в пору да не во время
- 15 Наставала эта грозная туча темная,
Разыгралась над нашим
Теплым витым гнездышком;
Да скончалась, да уж скороталась
Твоя жизнь не в пору да не во время,
- 20 Уж в самы цветущие да молодые годички
Потопила тебя быстрая, струечная реченька.
Уж осталась я теперь одна горевать да сиротать
Без надел да без помощи.
Уж не спешитесь ко теперь уносить,
- 25 Чужие ясные соколы,
Моего милого, сердечного солнышка
Из этого витого теплого гнездышка,
Дайте мне наглядеться и насмотреться,
Ведь он был у меня один да одинешенек.
- 30 Уж не осталось у меня больше ни надеи
и ни забавушки,
Уж некому теперь будет позаботиться об моей
старости.
- Как будут ходить чужие ясные соколы
По этим торным широким дороженькам,
Уж как будет болеть да тосковать

35 Мое сердце зябкое, ретивое,
Споминаючи моего сердечного дитятка,
Что не ходит он уж да не гуляет
Со своими друзьями — приятцами.
Не в пору да не во время
40 Скороталась его жизнь прежде времени.²⁰

XXI. НЕ КАТИТЕСЬ МОИ ГОРЬКИ, ГОРЮЧИ СЛЕЗЫ

(Вопль замужней дочери по матери)

(По приезде на улице, около ворот дома)

- Не гнитесь, не ломитесь,
Мои тонки резвы ноженьки,
И не катитесь, мои горьки, горючи слезушки,
Не одолей-кось меня, многоумножна
- 5 Обида, кручина великая,
Дайте мне волюшку оглядеть да усмотреть,
Как стоит мое теплое витое гнездышко,
И чего не пекёт и не воспекает
Божье схожее праведно солнышко,
- 10 И чего не отворяются
Хороши дубовые ворота широкие,
И чего не идет и не встречает
Моя красна красигорка
На хорошу на прохладную улицу?
- 15 Ну не гнитесь, не ломитесь,
Мои тонки резвые ноженьки,
Занесите меня в теплое витое гнездышко.

(В избе у гроба)

- Куда снарядилась, куда сокрутилась,
Моя красна красигорка?
- 20 Во котору путь-тропу, широку дороженьку?
Во которо хорошо гостьбище любимое?
Уж чего я не разглядела, не рассмотрела
В тосках, во обиде, кручине великия:
Запеклись ейны смяглы уста перепеклые,
- 25 И не говорит ейной молвистый язык
разговористый,
И не глядят ейны хорошие очи плакущие.
Челом да спасибо, моя краона красигорка,
Что вы меня содержали, кормили, и поили,
И выдавали меня в ранню неволю великую.
- 30 Уж я к вам уж приезжала во хоромы,
Гостьбищы любимые,
Ты садилась со мною на одну,
Уж едину брусовую лавочку,
Под одно под светло окошко косящато,

- 35 Ты у меня выпрашивала да выведывала,
 Как я жила на чужой на дальней злодейке —
 сторонушке
 И за чужим за ясным соколом.
 У меня уж было полно и довольне свое сердце
 ретивое,
- Было наполнено и надоволено,
 40 Я не смела тебе сказать да повестить,
 Что у тебя будет болеть и унывать
 Твое сердце зябкое, ретивое.
 Уж я теперь скажу да повешу,
 Моя красна красигорка:
- 45 Уж как я жила на чужой
 На дальней злодейке - сторонушке,
 Уж как у меня наполнилось да надоволилось
 Многобедно сердце ретивое.
 Я не прибрала себе тайной,
- 50 Советной, любовной подруженьки
 И все таила да берегла на своем
 На ретивом многобедном сердечушке,
 Уж я ходила по темным лесам по дремучим,
 Уж потоптала хороши болота дыбучие
- 55 И все берегла да хранила до поры до времени,
 Ну вот тебе сказала, моя красна красигорка.
 И уж только накопилось да надоволилось
 Мое победное сердце ретивое,
 Да хорошему писарю сидеть да не выписать,
- 60 А мне в летний день сидеть да высказать.

(На кладбище)

- Не спешите прибывать, прикалачивать,
 Чужие добрые ясные соколы,
 Вы оставьте мне одно, едино светло окошко
 косяцато.
- Не для ветра да не для буйного,
 65 Не для солнца да не для красного,
 А для приходу и для прибежища.
 Как я буду жить на чужой на дальней
 На злодейке, не милой сторонушке,
 Как подойдет мне-ка множна, умножна
- 70 Обида, кручина великая,
 Уж как мне захочется побывать на свою
 На милу, родиму сторонушку,
 Дак я схожу на раскат, на гору на высокую,
 Уж я на площадь, дуброву зеленую,
- 75 К своей красной красигорке,
 Посижу и приразрою свою многу, умножну
 Обиду, кручину великую.²¹

**XXII. ЗАКАТИЛОСЬ КРАСНОЕ СОЛНЫШКО ЗА РУЧЬИ
ПЕНОЙ ИДУЧИЕ**

(Вопль дочери по матери)

(После снаряжения умершей в покойницкую одежду)

- Куда снарядилась, куда сокрутилась,
Моя красна красигорка,
Не в цветное платье лазурево?
Уж раньше этой поры,
5 Раньше этого времени
Не снаряжалась да не сокрутилась
Не во цветное платье лазурево.
Уж куда ты ноне походишь
Да куда поезжаешь,
10 На кого ты меня оставляешь,
На кого ты меня бросаешь?
Ох, я глупая да не разумная,
Победна моя головушка,
Сокрутилась да снарядилась
15 Моя красна красигорка
На вечную жизнь бесконечную.
Уж закатилось божье теплое
Красное солнышко за горы высокие,
За темные леса дремучие,

* Федосья Ивановна Титова — из дер. Сумский посад (теперь Беломорского района), старая дева. Родители ее безземельные крестьяне из Олонецких лесов. В поисках лучшей доли на Поморье, вывели ее родители в Сумский посад еще ребенком. Росла она в невероятно тяжелых условиях, питаясь объедками со стола „благодетелей“.

Еще будучи подростком, Фенечка (так ее называют сумяне) продала свой полудетский труд за кусок хлеба, нанявшись в качестве „казацхи“ (прислуги) к богатому судовладельцу-помору Махилькову, где провела свою бесцветную молодость, оставшись навсегда в девичах.

В свое время Федосья Ивановна считалась первой подголосницей в селе и была завсегдаем на всех свадебных и похоронных обрядах, как руководитель-заводила.

- 20 За мхи, за болота зыбучие,
За ручьи пеной идучие,
За синия моря соленые,
Уж больше век не бывать;
Да больше век не видеть.
- 25 Уж на кого ты меня оставила,
Да на кого ты меня бросила,
Моя красна красигорка?
Раньше этой поры
Да раньше этого времени
- 30 Как была ты, моя красигорка,
Многодобрая да многоласкова,
Уж всегда ты со мною сидела
Да вела тихие беседы смирёные,
Да всегда ты меня научала
- 35 В этих разных делах суетливых.
Ноне же на кого я кладу
Крепкую надею великую,
Уж кого я приберу себе в потайну
Да задушевну, милу, советну подругу,
- 40 Уж кому я стану рассказывать
Про бедность, обиду великую,
Уж я тебе как рассказывала,
Моя красна красигорка.
Так же не в пронос было,
- 45 Да не в просказ было,
В чужие добрые людишки.
Нонь уж возьму да навалю себе
На зябло сердце ретивое
Серый валючий камешек,
- 50 Холодную льдину зазнобную.
Уж пусть знобит да холодит
Мое зябкое сердце ретивое,
Потому и для того,
Что не сполна будет пекчи
- 55 Красное солнышко согривное.

(Перед выносом тела из дома)

- Уж не спешите да не торопитесь выносить
Мою красную красигорку
Со теплого витого гнездышка.
Вся ли собралась родня
- 60 Да порода родительска,
Весь ли собрался чужой народ,
Люди добры крещёные.
Уж пусть-козь поглядят
Да пусть посмотрят,
- 65 Как расстается

Со светлой жистью маловременной,
Как уж походит на вечную
Жисть бесконечную,
Уж пусть прощается весь народ,
70 Люди добрые крещеные,
Пусть прощается родня
Да порода родительска,
И ей милы, сердечны рожденные деточки.
Уж ты прости-кось теперь, прости,
75 Моя красна красигорка,
Многодобра, желанна, ласкова
Родитель-матушка,
Дай остатое крепко прощенье
Да благословенье родительско.

(Когда выносят из дома на улицу)

80 Ты прости-кось, теплое витое гнездышко,
Вы простите, пути да дороженьки широкия,
Прости-кось, и быстро-струечая реченька,
Простите, круты красовитые бѣрежки,
Простите-ткось, темные леса дремучие.

(На кладбище у могилы перед погребением)

85 Уж не спешите-ткось да не торопитесь-кось,
Чужой народ, люди добрые,
Чтоб полагать да спускать ее
Во мать-сыру землю,
Дайте уж мне оглядеть,
90 Дайте мне осмотреть,
Уж какво приобстроено
Это теплое подземное, витое гнездышко,
Уж есть ли тут светло окошко косящато,
Положены ли белы брусовы лавочки
95 Под светло окошечко косящато.
Уж всегда буду ходить
Почасто да почастешенько,
Садиться на белыя брусовыя лавочки,
Под светло окошечко косящато,
100 Уж всегда буду ходить
Почасто да почастешенько,
Чтоб можно было ей заговорить да забавлять
Со своей-то красной красигоркой.²²

XXIII. КАК Я СДЕРЖУ КРУЧИНУ ВЕЛИКУЮ

(Вопль сестры по брату)

- Уж ты послушай-кось,
Моя красна красигорка,
Многожеланна, ласкова
Родитель-матушка.
- 5 Да еще послушай-кось,
Богоданная, названна невестушка,
Уж подойдемте-кось да подсядемся,
Ты уж ко своему милому,
Сердечному роженому дитятку,
- 10 А я к своей дорогой, милой
Скатной жемчужинке,
Ко своему милому братцу родимому,
Ну а уж ты, богоданная, названна невестушка,
К своей милой законной, венчальной ладенке.
- 15 Ты уж сядь, моя красна красигорка,
Ко буйной, ко детинной головушке,
А я уж сяду ко зяблому сердцу ретивому,
А уж богоданная, названна невестушка —
Ко резвым, подломным ноженькам.
- 20 Уж мы будем-кось его будить да возбуживать,
Уж говорить да разбаивать.
Уж ты встань-ко да пробудись-кось,
Моя дорога круглая
Скатная жемчужинка,
- 25 Мой милый, любимый братец родимый,
Уж чего ты так поспешился,
Да чего же ты так поторопился
Заспать крепким сном забудущим,
Не лежачись да не болѣзнучись.
- 30 Ты уж разве осердился
Али огрубился да разгневался
На свою-то на красну красигорку,
На свою-то на жалку,
Ласкову родитель-матушку,
- 35 На победну вдову, сироту горепашицу,
Да на свою-то на милу законную ладенку,
На своих-то на милых, сердечных деточек.

Ты уж оставил свою милу лáденку
Во младых, молодых летах
40 И уж милых, сердечных деточек
Во глупых уж летах.
На кого ты положил
Эту крепку надею великую:
Уж они ведь круглы сироты, горе-бедная,
45 Уж нету у них ни роду да ни племени,
Нету ни родни да ни породы родительской.
Уж поэтому нать положить
Крепку надею великую
На чудно-владычного образа и на господа бога,
50 На пресвятую богородицу, на царицу небесную
И на свою силу могучую, великую.
Уж как не замогу я
Их возрастить да воспитать,
Уж как спущу по-прикорному под окном
55 Уж просить этой милости подаёмной,
Уж как меня будут упрекать
Да укорять все чужи многодобрые людюшки,
Все ближни, окольные, порядны суседушки,
Так уж я как сдержу свое зяблое сердце ретивое,
60 Свою многу тоску
Да кручину великую?
Не могу уж применить ума
Да разума об этом я.²³

XXIV. ЗАКРЫЛИСЬ ЕГО ОЧИ ЯСНЫЕ

(Вопль жены по мужу)

- Сяду я, победна вдова-горепашаца,
На белую брусовую лавочку
По ряду к своей милой венчальной ладенки.
Уж буду спрашивать да выведывать:
5 Уж куда сокрутилася да куда снарядилася,
И в котору путь, широку дороженьку?
Уж на кого ты оставляешь да покидаешь
Меня, победну вдову-горепашацу,
С малыма глупыма деточкамы?
10 Уж не оставил казны-собины,
Как я буду их поднимать и воспитывать?
Они будут горевать и сиротать
Без родитель-батюшка.
Не успело воссиять красно солнышко,
15 Как над нашим теплым гнездышком
Наставала туча темная,
Разразилася, да рассыпалась
Над нашим теплым витым гнездышком,
Да потухла наша свеча воску ярого,
20 Да закрылись его очи ясные,
Да приумолкли уста сахарные.
Ничего не говорит да ничего не сказывает,
Не ласкат своих милых, сердечных деточек,
Уж походит от нас на вечну жисть
25 Да на бесконечно житье неизвестное
В матушку-сыру землю.
Оставляешь меня сиротать да горевать
Ох! уж с малыма да глупыма деточкамы.
Да уж как буду теперь я жить, сирота,
30 Победна вдова-горепашаца!

(На кладбище)

- Не спешите вы забивать да заковывать,
Чужие ясные соколы,
Мою милую венчальную ладенку,
Не все у нас есть вкупе да в собраньице
35 Милы, любимы сродники.

- Уж нет у нас милой, любимой сестрицы.
(Она на чужой дальней сторонущи.
Мы подавали ей скорописчату грамотку,
Может не подъедет ли проводить
40 Своего милого родимого брáтелка).
Оставьте хоть одно, едино
Маленько косяцато окошечко.
Да как я буду жить да сиротать,
Да как подойдет мне досада, кручина великая,
45 Я приду на роскат-горушечку,
Со своима глупыма малыма деточкамы;
Уж расскажу ему я, поведаю,
Уж как живу да как горюю,
Да как воспитаю я
50 Своих малых глупых деточек.
Уж в этой тихой беседушке
Пооблегчу я свое победное сердце ретивое.²⁴

XXV. ТЫ КУДА ТЕПЕРЬ, МОЯ НАДЁЖА, ОТПРАВЛЯЕШЬСЯ?

(Плач по мужу)

- Мне-ка сисьть было, кручинной головушке,
 На эту на бросову белу лавоцку,
 Ко своей ко надежной головушке.
 Уж мне сисьть было поближе
- 5 И припасть к нему пониже,
 Заговорить с ним потише.
 На доспрос возьму горюха, горе-горькое
 Тебя, моя надежная головушка.
 Ты намыт теперь, налажен и зацесан,
- 10 Ты теперь заглажен;
 Ты куда теперь, моя надёжа, оправляешься?
 На трудную ли ты на работушку,
 Наживать золоту казну бесцетную?
 Я раздумаюь, горюха победная,
- 15 Справляется надежная головушка
 Во матушку-сыру землю.
 Ты куда же меня оставляешь
 Ты со малыма сердечныма-та детушкама?
 Ты скажи еще, надежная головушка,
- 20 Деткам где искать родительско желаньице?
 Во желанных ли дядюшках
 Или в светушках-та, братьицах родимых?
 А я раздумаю, горюшица победная,
 Ведь одно печет красное-то солнышко,
- 25 И одни живут желанные родители.
 Как я, бедна горюшица победная, глупо сделала,
 Я, несчастная, как вчерашним господним, божьим
 дёнецком
- Не заперла новых сеней решетчатых,
 Не задвинула заложецек железных,
 30 Допустила я злодейную смеретушку
 До своей до надежной головушки.
 Пришла скорая злодейная смеретушка,
 Под окошечком она да не стуцалася,
 У дверей она пришла не колотилася,

* Александра Ивановна Мошкина, колхозница из дер. Скурнина, Кузарадского с/с., Занежского р-на. 61 г., грамотная.

- 35 Не видела она взять ни старого и ни малое,
И ни холодного она и ни голодного,
И ни босого она и ни голого,
А у меня-то, у горюшицы,
Будто свет-то она взяла
- 40 Со ясных оцей,
И будто крест-то она взяла
Со белых грудей.
А уж как я, бедна горюха, горе-горькое,
Я не дам нести надежной головушки
- 45 Со своего хоромного строеньица.
Пусть там ноженьки его да все не носят,
Пусть там руденьки его да не работают,
Я хотя буду честна мужня молода жена,
Я не вдовушка, победная головушка.
- 50 Не дай, господи, на сем на белом свете
Кенареечкой во клетоцке убиваться,
Не во порушку с надежой расставаться.²

XXVI. ТОСКОВАЛА Я, ГОРЮХА, ГОРЕ-ГОРЬКОЕ

(Плач на могиле мужа)

- Уж как мне-ка сись, победнушке,
Мне на эту на могилушку
Ко своей надежной головушке,
Ко своей милой законной семеюшке.
- 5 Уж как я, бедна горюха, горе-горькое,
Уж я была на лужках на сенокосных
Этую уцётную неделюшку,
Тосковала я, горюха, горе-горькое,
По тебе, моя надежная головушка,
- 10 Все поглядяла на путь-широкую дороженьку,
Я по утрышку поглядяла ранешенька,
Я по вецёрку поглядяла поздненька,
Я к обеду поджидала полуденному.
Век того из веку не водится,
- 15 Что живой с мертвого не родится,
С кладбища к нам-то не воротится.
Можешь знать, ведать, надежная головушка,
Не по силушке крестьянская работушка,
Не по рózмыслу великая заботушка,
- 20 Не по руценькам стальная востра косушка.
Если б знала, победная, бы ведала
Как жить да без надежной головушки,
Я бы выстала на гору на высокую,
Лучше пала бы я в яму во глубокую.²⁶

XXVII. РАССТУПИСЬ-КА, МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ

(Плач на могиле отца)

- Зарослася путь-дороженька
 На буювку на спасовску,
 На могилушку родительску,
 Она ельничком, березничком,
 5 Мелким частым олешиничком;
 У заеца не бѣжана,
 У горностая не пролѣтана.
 По сегодняшнему дѣнечку
 Уж как по утрешку ранешенько
 10 Прилетала с небес пташечка,
 Пташка певча, соловеюшка,
 Крылья-перышки расправила,
 Об околѣнку ударила.
 Говорила птичка резвая
 15 Уж как мне, бедной горющице:
 „Ты вставай, моя горющица,
 Уж ты, доченька сиротская,
 Ты пойдѣ, моя горющица,
 Ты во церковь во соборную,
 20 Ты во церковь богомольную,
 На буювку на спасовску,
 На могилушку родительску.
 По сегодняшнему дѣнечку
 Естя мертвым отпушѣннице,
 25 С того свету распушѣннице“.
 Шла я, бедна, торопилася,
 Путь-дороженька двоилася;
 Уж как встретились три встрѣтушки:
 Перва стрѣтушка—обидушка,
 30 Друга стрѣтушка—кручинушка,
 Третья встреча—горючи слезы.
 Я обидушке взмолилася,
 Я кручине покорилася:
 Не доли-ко меня, беднушку,

* Савинкова, Пелагея Михайловна, работница шальских гранитных разработок (д. Кашина, Семеновского с/с., Пудожского р-на), 31 года, грамотная. Причитывала еще 13-летней девочкой. Научилась причитывать от нищей старухи.

- 35 Проклятая кручинушка,
 На могилушке родительской
 Я обидушку повыплачу.
 Вы завийте, ветры буйные,
 Ветры буйны, полуденные,
- 40 Полуденны, не холодные,
 Разнесите вы песочки.
 Расступись-ка, мать сыра земля,
 Покажись-ка, гробова доска,
 Покажись-ка, тело мертвое,
- 45 Тело мертво, личко блеклое.
 Прилетите с небес, ангелы,
 Уж как, ангелы крылатые,
 Дайте в рученьки маханьце,
 Дайте в ноженьки хожденьце,
- 50 Уж как в язык да говореньце
 Моему кормильцу-батюшку.
 Ты пойдём, кормилец-батюшка,
 Со мной, бедной горющицей,
 Во уютное во гнездышко.
- 55 Посмотрю, бедна горющица,
 На отцовых детей, матерных.
 У их головушка-то гладится,
 Волос к волосу слипается.
 Уж как мы, бедны горющицы,
- 60 Уж как детушки сиротские,
 Мы в избушке хлопотливые,
 На работке малосильные,
 За столом да большевытные.
 На нас платьца огнем горят
- 65 Да обутка скоро держится.
 Уж видно надо отступиться
 Как от буювки-то спасовской,
 От могилушки родительской.
 Видно тое ввек не водится,
- 70 Со мертвých живы не роятся,
 На яву-то не объявятся,
 Как во снах да мало кажется. ²⁷

XXVIII. ЗЛОДЕЙНОЙ-ТО КРУЧИНУШКИ СУНДУКИ ДА НЕПОДЪЕМНЫЕ

(Плач по мужу)

- Уж мне-ка сить да видно, беднушке,
 Нонь на брусóву белу лавоцку
 Ко его да телу мертвому,
 Ко его да лицу бледному.
- 5 Да послухай-ка, пожалуста,
 Уж ты, моя семья законная,
 Уж ты, законная, сговорная,
 Уж ты, любимая семеюшка,
 Ходит смерть да ведь неумная,
- 10 Голова да нерассудная,
 Уж у ворот не колотилася,
 А в дом зашла да не спросилася.
 Уж не видла смерть неумная
 Взять ни старого, ни малого,
- 15 Человека волокидного,
 Как увидла смерть неумная
 Взять от меня семью законную,
 От рожоных малых детушек.
 Приоставил мне-ка, беднушке,
- 20 Одно по избе шатается,
 Друго на руки дается,
 А третье в люлецке кацается.
 Придет летушко красивое
 И пора-времяцко тоскливое,

* Зуева, Александра Тимофеевна, происходящая из дер. Рангозеро, Куго-Наволоцкого с/с., Пудожского р-на, 59 лет, малограмотная. Сейчас живет на иждивении сына-учителя в с. Палеостров, Толвуйского с/с., Заонежского р-на.

Зуева широко известна как свадебная подголосница. Записанные от нее свадебные причитания отличаются большой художественностью. Кроме того, знает 2 былины, баллады, духовные стихи, песни, около 20 озаков. „И в девичестве и в замужестве жила в бедности, — рассказывает Зуева. — Муж был 5 годов на войне. Оттуда приехал инвалидом. 4 года пожил и помер. Детей растила в бедности большой порато. Детей было семеро. Вырастила двоих. Хорошей жизни не видела до нынешнего. Свадебному причету училась на свадьбах. Слухала да складывала вместе“.

- 25 И по полям поедут пахари,
А по лесам да пойдут тра́тори,
Да по озерам рыболовушки.
У меня, у многобеднушки,
На поляне нету пахаря,
- 30 В тенных лёсах нету тратора,
На озерке рыболовушки;
Только есть у мяя, у беднушки,
Глупы малы недоростоцки,
Недорослы деревиноцки,
- 35 Да незрелы ягодиноцки.
Умом-разумом смешалася —
Как возрастить будет, беднушке.
Видать утушку по перышкам,
А сирот видать по платицам.
- 40 Как отцовы дети, матерны,
Оны на улушке не дурливые
Да в избе не хлопотливые,
А как сиротски малы детушки,
Они на улушке дурливые
- 45 Да в избе да хлопотливые,
На обутоцку топтущие,
На платица держливые.
Я еще скажу, победная,
Да вдова благочестивая,
- 50 Уж тебе, семья законная:
Я бы этим умом-разумом
Клала сторожа молбодого,
Да я придверницка толкового,
Я ворот не отворила бы,
- 55 А смерти в дом не запустила бы,
Уж откупила бы я, беднушка,
Я бы конямы, коровамы,
Я своимамы хоромамы.
Без тебя, семья законная,
- 60 У мяя работа не работана,
Только силушка укрбтана;
Я в горях загоревалася,
Я в тосках затосковалася.
Нету верхня одеваньица,
- 65 Нету зимня согреваньица,
Уж нет обутоцки по ноженьке;
Находимся босешеньки,
Насидимся голоднешеньки.
Уж мы в избе сидим холодные,
- 70 А у стола сидим голодные.
Стоит пеценька обидная,
Стоят рамоцки пецальные,

- Околенки слезливые,
Во углах одни ледоцеки,
75 На серодоцки сиротоцки.
Уж принаскоплено обидушки —
Да принакладено кручинушки
Три замченных коробеюцки,
А как злодейной-то кручинушки —
80 Сундуки да неподъемные.
Про все рассказывать —
Так наб бумажецка в чисто поле,
Наб чернилица в синё море,
Надо писаря толкового,
85 Грамотея размышлёного;
Систь на вешный день — не высказать,
Мне на ярый лед не выписать.
Есть горюшка — два морюшка,
Есть обиды — два озерушка,
90 Как проклятых горючих слез
Тут река бежит с порогами
Да со шумливима Онегами.
Уж там тоска с горем смешалася,
Уж по утробушке катается,
95 А только в руки не давается.
Кабы были люди смелые,
Распластали груди белые
И поглядели бы у беднушки
На ретивоем сердечушке.
100 Там заносы снегу белого,
А погреба да льду холодного,
Там не тают снежки белые
В летну пору о Петрова дни,
Не разобьются льдочки ярые
105 Как о вешнею о порушку
Да без своей семьи законной. ²⁸

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА ЖУРАВЛЕВА

„Вы, товарищи, потише,
Мне сыграт сыночек Миша.
Он сыграт, а я спою
Про счастливую жизнь свою!“

Так начинается свои выступления с частушками в заводском клубе в поселке Первомайском Пудожского р-на Екатерина Семеновна Журавлева.

И она поет про новую счастливую жизнь во всех своих новых произведениях: в былинах, сказах, плачах, в песнях и частушках, противопоставляя ей тяжелое прошлое.

А Екатерине Семеновне есть что не добром вспомнить. Даже на общем фоне бедности и бесправия крестьян в царской России за ее плечами видится страшное прошлое. Рассказ о своей жизни Екатерина Семеновна ведет в тоне эпического спокойствия, но сами факты жизни поражают своей трагичностью.

„Родилась я в Пудожском уезде, Семеновского об-ва, деревня Колтопоговская, в семье крестьянина-бедняка. Отец был пьяница, детей у матери было восьмеро, — не дошло богато жить. 3 брата было и 5 дочерей. Сестры все неграмотны, а в тымешь государство не помогало. Все малышки. Братья малышко учились, а девушкам прятья надо. Я еще плакала, так хотела ходить в школу, — неоткого уйти было. Ну, вот так я и росла.

17 годов только сполнилось, меня насильно замуж выдали (старый был да глуховатый), оны нельзя и крестьянами назвать: 7 бабок сеяли, а кормились на рыбной ловле; свекор безногий был, а детей 3 было. Я там прожила 9 годов. Житье было тяжелое. Муж недослышал; я как заговорю — он все ревнует, бил меня. А я как не любила! В ты пор так было: не хочешь жить, а разойтись нельзя; волчий паспорт дают. Только удавиться осталось. Как уедет на озеро в бурю, колокола завоняют, чтобы берег нашли, а я думаю: хоть бы не приехал, ох, я бы ожила! А ребят скопилось — пятеро было уж. Муж помер. Осталась я одна работница — ни одного трудоспособного. Ловить мне нельзя уехать. Куда ни кинь — один клин. Там захватить, так тут останется. Тут мать посоветовала выехать в Шалу, в деревню. Я и выехала с 5 ребятами (до семи лет). Хлеба у меня было — что в брюхи, а платья — что на себя: свекор ничего не дал. Кто что дал на деревне. — ребятам одела. Но, а на телку дал свекор.

Работы не было. Кулак ведь берет не всегда, на сенокос только. Пошла я пилить, так там столько народу (весной было, каждому хочется на сенокос заработать), что и пристать негде. Я день хожу — не могу попасть; другой хожу — опять нету работы. Потом меня одна гражданка пожалела — вяла пилить. Попилили день, другой, потом опять пришел кошель. А как уж на месте, так тут легко. Видишь, что кошель идет — да в воду, схватишь бревна — и опять пилить дрова на

биржи. Тут до самой заморози и пилила. Уж замерзнет, все больше не работают, а мы с одной тут вдвойкой босиком все доставали и пилу сами точили. Так кормилась я год али два. А тогда уж война германская кончилась. Тут революция-то прошла, кулаков сократили, заготовок не стало. Нечего нам есть стало. Лесопильный завод один, стал он советским, а служащи были стары. Выпросилась я кое-как у мужиков, стали грувить планкамы суда. Тут поработали, зима приходит — нажив нету, работы нету. Только у кулаков, — когда на овин! Работашь, работашь, и дадут один горшок ржи. Что мне делать? Увидела я, что соседка вьет сети... Научилась и стала сети вязать. Так и жила. В гражданску войну сама сапоги научилась шить. Первый сапог сшила — колодки не могла вытянуть, а потом научилась. Так зиму и прокормилась⁴.

После гражданской войны начались первые проблески выхода из состояния, когда думы о куске хлеба для детей и для себя вытесняли все остальное. Едва ли материальное положение Екатерины Семеновны улучшилось к тому времени. Республика была слишком слаба, чтобы уже тогда существенно улучшить материальное положение беднейшей части деревни.

Именно показательно то, что Журавлева и тысячи других женщин, несмотря на тяжелое материальное положение, поняв какие, права им, женщинам, дала власть рабочих и крестьян, потянулись к культуре и знаниям. И дальнейшая жизнь Журавлевой есть непрерывное ее превращение в общественного работника, в сознательного участника строительства социализма.

„Тут уж школу организовали. Я перва побежала и баб ташила. Тут я буквы научилась. День работаю, а вечером учусь. В 24 году выбрали меня в делегатки. Выдвинули меня в Пудож на женскую конференцию, с приветствием выступала. Тут мною заинтересовались. Рассказала я мое горе, а Харламов говорит: „Давай мы тебе поможем“. А в то время уж старых руководителей на заводе сменяли партийцы; приехали Силин и Кожевников. Мне Харламов (секретарь комитета партии) написал бумажку. Тут меня приняли пилить. Я взяла дочку 10 лет. Потом в завод взяли контовать, потом в откидку взяли. Тут 1 р. 20 к. стали платить. Работа тяжела, но а потом привыкла. Вдруг завод остановился в ремонт. Рабочих много, а работы нет. Надо сократить! А я в союз не была принята. Меня и сократили. Вывезла смна в Пудож, в семилетку. Дело к зимы движется. Куда беда девать? Пришла в завод. Там не приняли; пошла к Харламову, а Кожевников опять не принимает. Ну, а потом уборщицей в завком взяли. Месяц прошел, — опять взяли меня в завод. Потом провели смотрком. А я буквы маленьшко знаю. Я боюсь, думаю старо потерю место и там боюсь. Тут стали голосовать и меня провели. Ну а дело у меня пошло хорошо. Хожу да радуюсь. Женщины слушаются, как я скажу — все как дождь! Никогда не было завалу! С администрацией тоже хорошо. Полтора года работала, потом опять в откидки была. Тут меня стал деверь сватать (жил он раньше в Ленинграде, а тут в поселке Первомайском жил. Тогда у меня уж домичек был. Продала много и домичек построила. А ребята работали, — девочки уж большие. И вышла замуж. Он как сказал, так и сделал. Ребят залюбил. И стали мы жить. Девочки стали работать. Ну, а потом забеременела, и пришлось уйти. Плакала, так тогда собрания завлекли! Люди как пойдут на работу, — я плакать, как на собрание, — я плакать. Все же пришлось вытти. ¹Ну, а хоть домохозяйка, я все равно везде участвую, и в комитете бедноты состояла и везде. Кто от стахановцев, а я от домохозяек; и в хоре участвую, и в спектаклях. И в этот год 8 марта выступала о своей жизни;

и все так довольны были. А сейчас еще и со своими произведениями выступаю. Все просят. А теперь и учителя мне выделили. И учусь я петь; уже хорошо умею. Другие и смеются, что стара, а я говорю: „Хватит, пожила 30 лет, ничего не видела, так хоть на старости пожить!“

В Журавлевой прежде всего поражает громадная жизненная энергия и изобретательность. Но раньше эта энергия и изобретательность вся уходила на поиски средств к существованию семьи. От батрачества у кулаков — к пилке леса, от пилки леса опять к батрачеству, затем далеко не к женскому делу — вязанию сетей, к ремеслу сапожника и т. д. Уже одно это указывает на недюжинную натуру Е. С. Журавлевой.

Теперь, освобожденная от каждодневной погони за куском хлеба, принимающей личность до уровня животного существования, Екатерина Семеновна ведет богатую духовную жизнь. Но во всем разнообразии общественной деятельности деятельность ее как сказительницы, создательницы новых произведений фольклора, является в ее глазах и в глазах населения основной. В предисловии мы рассказывали о многочисленных ее выступлениях со сложными ею плачами и сказами, о широкой ее популярности в своем районе. Кроме того, Журавлева знает старые былины, складывает новые (известна ее былина „О Хасан-озере“), рассказывает сказки и др.

Е. С. Журавлева отличается большой способностью к творческой выдумке, к творческой изобретательности. Только в ее плачах мы встречаем сказочный мотив бессмертной воды, в ее плаче о Ленине видим искусный зачин о посещении мавзолея, в плаче об Осипенко и Серове довольно замысловатая трансформация мотива „вещей птички“ и т. д.

При большой ее одаренности и художественном вкусе, к сожалению, на некоторых, сложных ею новых произведениях фольклора, лежит печать спешки и недоработанности.

XXIX. НЕ ПО СИЛУШКЕ РАБОТУШКУ РАБОТАЮ

(Плач по отцу)

- Ох-ти, мне да мне тошнешенько,
 По сегодняшнему дёнечку
 Одолила меня, беднушку,
 Как проклятая обидушка
 5 Да злодейная кручинушка.
 Уж как сяду я, многобеднушка,
 Как на брусову белу лавочку,
 Ко косивчату окошечку,
 Я ко телушку ко мертвому,
 10 К твоему да личку блеклому.
 Уж я повырою обидушку
 Да повыскажу кручинушку.
 Как по сегодняшнему дёнечку
 Как потеряла я, многобеднушка,
 15 Как потеряла потеряшечку
 Да обронила оброняшечку,
 Уж как родителя я батюшка.
 Уж тут пришла ведь смерть голодная,
 Со темна леса холодная,
 20 Она взяла да приубрала
 Как родителя тут батюшка,
 Как вырвала у беднушки,
 Будто свет с ясных очей,
 Будто крест да со белой груди.
 25 Ох-ти, мне да нам тошнешенько,
 Еще послушай-ко, пожалуста,
 Как возвращён кормилец-батюшка,
 У тя не будет ли свиданьица,
 А встретушки - встретаньица,
 30 Как не встретушки - встретаньица
 На пути пожданьица
 Как с моим мужем законным.
 Ты Расскажи ему, пожалуста,
 Как про мое житье и жирушку.
 35 Как оставил он меня, беднушку,
 Уж будто утушку с дитятамы,
 Будто курочку с цыплятамы,

- Как приходится мне, беднушке,
Не по силушке работушку работати,
40 Тоской-обидушкой надо б времечко корбати.
Уж сиротны малы детушки
Без родителя без батюшки,
Они на уличке драчливые,
Они в фатерке пакостливые,
- 45 За столом да большевытные,
На работке малосилые.
Как погляжу я, многобеднушка,
На отцовых детей, матерных;
Как у отцовых детей, матерных
- 50 Придет праздничек — обновочки,
В воскресеньице — покупочки,
Как у наших сиротских детушек
Придет праздничек — обидушка,
В воскресеньице — кручинушка.
- 55 Как о моих сиротских детушках
Не заботится никто да не нуждается;
Так у нас, многобедных,
Скучно время коротается.
Как еще скажу я, беднушка,
- 60 Как тебе, родитель-батюшка,
Ты на стретушке ль не встретишься,
На попутюшке не свидишься ль
Как с той смертью да с холодною,
Чтоб пришла да у меня приубрала,
- 65 Моего стадушка приубавила,
Хоть поразвязала бы мне, беднушке,
Хоть мои да ручки белые.
Ох-ти, мне да мне тошнешенько,
Сама знаю, многобеднушка,
- 70 Эта смерть-то ведь неумная
Да головка неразумная,
Так берет она богатого
Да человечушка жалібного;
Как мы людюшки мы бедные,
- 75 Так и смерти мы не годные.
Уж как еще спрошу я, беднушка,
У тебя, родитель-батюшка,
По уму ль тебе, по разуму ль
Как сделано хоромное строеньице.
- 80 По нутру оно не мшонное,
По верху не шоломленное,
Уж долотом окна долочены
Да решетом света наношено.

(В церкви при отпевании)

- Уж вы, попы, дьяки духовные,
85 Вы, священники церковные,
Вы постоите, не отпойте-ко,
Гробовой доски не скройте-ко,
Уж меня к гробу пропустите-ко,
Уж как с кормильцем, родным батюшкой,
90 Во сыру землю спустите-ко.
Надоело мне-ка, беднушке,
По белу свету шататися,
Мне-ка горе гореватися. 29

XXX. ОБМЫЛА БЫ ВОДОЮ Я БЕССМЕРТНОЮ

(Плач на могиле отца)

- Уж вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех да с четырех сторон,
Растащите-ка, желты пески,
Разгребись-ко, мать сыра земля,
5 Покажись-ко, гробова доска,
Покажись-ко, тело мертвое,
Тело мертвое, личко блеклое
У кормильца-света-батюшка.
Полетите с неба, ангелы,
10 С небес, ангелы, архангелы,
Вы вложите в грудь вздыханьице,
В белы рученьки маханьице,
В резвы ноженьки хоженьице,
Во ясны очи гляженьице
15 И язычно говореньице.
Поспрошу я, многобеднушка,
Куда сесть мне, многобеднушке?
Сесть ко буйной ли головушке
Аль сесть ко резвыим ко ноженькам?
20 Сяду я, многопобедная,
Ко ретивому сердечушку.
Не могу ли, многобеднушка,
Поразбаять, поразгбворить
Как своего кормильца-батюшка.
25 Сама знаю я, многобеднушка,
Что век тое не водится,
Со мертвых живо не родится
Да назад не поворотится.
Кабы были у меня, у многобеднушки,
30 Были б крылышки гусиные,
Были б крылья лебединые,
Так слетала бы я, беднушка,
Как за лесушки дремучие,
За болота за топучие.
35 Там бежит ведь речка быстрая,
Там течет вода бессмертная.
Как взяла бы я, беднушка,

- Бессмертной этой водушки,
Сошла бы я, беднушка,
40 Как на бѹевку спасительску,
На могилу на родительску
Ко родителю ко батюшке;
Пала бы клубышком о сыру землю,
Сплыла червушком в сыру землю,
45 Как смазала бы я, беднушка,
Его да тело мертвое,
Тело мертвое да личко блеклое.
Может от сна он не пробудится ль
Да от смерти не воскресится ль.
50 Сама знаю, многобеднушка,
Что ничто мне это не станется,
А как повыплачу я, беднушка,
Мне обидушки убавится. ⁸⁰

XXXI. ОКЛЕВАЛА ТЕБЯ ЗМЕЯ ЛЮТАЯ

(Плач по сыну)

- Ох-ти, мне да тошнешенько
Да по сегодняшнему дёнечку.
Уж как сяду я, многобеднушка,
К своему сыну любимому,
5 К соколику златокрылому,
Ко его телу ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому.
Как повырою обидушку
Да повыскажу кручинушку.
10 Уж как мать я многообидная
Да головушка кручинная,
Как у меня, у многообиднушки,
Есть три полюшка кручинушки посея
Есть три полюшка обидушки насажен
15 Сама знаю я, многобеднушка,
Как мне этой кручинушки не выжати,
Худой жирушки не прожити
И вас, мои рожоны малы детушки, не вырастить.
Как растила я, беднушка,
20 Как вас, рожоны детушки,
Безо всякой я защитушки;
Уж как не было мне, беднушке,
Неоткуда мне помогушки.
А как нынечко, теперечко,
25 По сегодняшнему дёнечку
У нас все переродилося,
Стара власть переменялася.
Как у советского правительства
По вдовам стала заботушка,
30 По сиротам стала защитушка.
Как думала я, беднушка,
Что тебя, рожоно дитятко,
Грамотке повыучат,
В добры людюшки выпустят,
35 Так может буду я, беднушка,
Из-за тебя да я счастливая
Да головка талантливая.

Уж вдруг пришла тут смерть холодная,
Со темна́ леса голодная,
40 Она взяла да приу́брала
Мою крепкую надеюшку,
Как повырвала у беднушки,
Будто свет да со ясных очей,
Будто крест да со белых грудей.
45 Сама знаю я, многобеднушка,
Не пришла бы к тебе, рожно дитяtko,
Не пришла бы смерть холодная,
А оклевала тебя, беднушку,
Змея лютая, да кровопивка кровожадная,
50 Оборвала твои годушки молбдые.
Хоть осталася я, беднушка,
Без тебя, родного дитяtka,
Теперь времечко не старое:
Ведь я стала разживатися,
55 Моя спинка разгибатися. ⁸¹

XXXII. ОСТАВИЛА ДОБРОТУШКА МЕНЯ, СИРОТИНОЧКУ

(Плач по матери)

(При возвращении с работы)

- Ох-ти, мне, мне-ка тошнехонько,
Хоть сегодняшнего дэнецка
Уж у меня, у красной девушки,
Уж не сидит доброта-матушка
5 У косивцата окошецка
И не ждет да меня, беднушки,
Со трудной меня работушки.
Отворила я, как беднушка,
Отворила дверь дубовую,
10 Поглядела я ведь, беднушка,
На бросову белу лавоцку.
Хоть лежит доброта-матушка,
Вот одета не по-старому,
Вот обута не по-прежнему.
15 Вот спрошу сейчас, победнушка,
У тебя, доброта-матушка,
Куда справилась, наладилась,
Ты не к празднику годбвому
И к воскресеньицу христовому?
20 Уж я ведь знаю, сиротинушка,
Ты ведь справилась, наладилась
В тот да свет ты будущий
Ты навеки нерушимые,
Уж ты оставила, добротушка,
25 Меня да сиротиноцку,
Недорослу деревиненку,
Недоспелу ягодиноцку.
Без доброта—матушки
Уж знать по бережку находишься,
30 Камешка насобираешься
И ко сердцу наприлагаешься.
Мне-ка надо, сиротиноцке,

* Пименова, Павла Васильевна, колхозница из дер. Пелгостров Куго-Наволоцкого с/ Пудожского р-на, 43 лет, грамотная. Оставшись сиротой, еще девочкой 13 лет уже причитывала по родителям. Причитывать училась у сестры при поездках на могилу и у хорошо причитывающих соседей.

Хоть себя да придумати;
Видно век того не водится,
35 Из мертвѣхъ живой не родится,
Взад с погоста не воротится.

(Обращается к братьям)

Не покиньте меня, беднушку,
Соколики, братья родимые
Да невестушка ветляная,
40 А сестрица богоданная.
Я до сегодняшнего дѣнецка
Была девка непокорная
Да головка непоклонная,
А с сегодняшнего дѣнецка
45 Стану девушка покорная
Да головушка поклонная.

(В церкви после отпевания)

Отношу благодарение
Хоть вам, попы, отцы духовные
Да отпеватели церковные.
50 Уж вы не пойте-ка погребную.
Не давайте похоронную.
Вы, земли да засыпатели,
Вы, доскам да закрыватели,
Уж ведь мне с добротой-матушкой
55 Навек жизни расставатели.

(На могиле)

Ох-ти, мне, мне-ка тошнихонько,
Соколкі, братья родимые,
Зятевьѣ мои любимые,
Вы не ройте-ка сырой земли,
60 Не спускайте гробовой доски.
Смерть проклята нерассудная,
Смерть, она не размышлявая,
Не могла она увидити
Хоть не старого, не малого
65 И не середъ веку постылого,
Человека безнадийного,
Уж приувидила, приубобрала
У детей да родну матушку
И оставила нас, беднушек,
70 Людям на порыганьце
И нас на сиротаньце.
Хоть сегодняшнего дѣнецка
Не отступлюся от гробовой доски,
Не отстану от сырой земли
75 Да от тебя, доброта-матушка.

Отступиться надо беднушке:
Плотно земля сплотилася,
Крепко доски сколатилися.
Нынь спустила да рассталася,
80 А я одна ведь здесь осталася.

(При возвращении домой с похорон)

Пустым стало пустешенько,
Холоднѣм да холоднешенько.
Не на пецке не побрякиват,
И в окошко не поглядыват,
И про работушку не спрашиват,
85 Да про горе не выведыват. ³²

XXXIII. ЖИВУ БЕЗ СЕРДЕЧНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

(Плач по родителям на их могиле)

- Пойти сегодня, беднушке,
Мне от пения церковного
И от звону колокольного
Уж ко сердечным родителям.
- 5 После моего бываньица,
И после моего хожаньица
Зарослася путь-дороженька
Толстым ельницком, березницком,
Частым мелким олешницком,
- 10 По верху изукрасила
Муравá, трава зеленая.
Как сегодняшнего дёнецка
Этот ельницец повырублю,
А березницец повысеку,
- 15 Мураву-траву повытопцу.
Как пройду, сиротна девушка,
Ко сердечным родителям.
Говорили сиротиночке,
Что седни выстань-ка ранешенько,
- 20 Отправляйся ко скорешенько,
Седни грешникам прощеньице,
С того свету распушеньице,
Ты пойдика, сиротиночка,
Ко твоим седни родителям.
- 25 У твоих-то у родителей
Седни горенка урублена,
По верху она не мшеная,
Потолку не шеломленая.
Стала я, бедна, сбегатися,
- 30 Стала горенка терятися.
Не теряйся, нова горенка,
Не пугайтесь, не полóхайтесь,
Хоть сердечные родители,
Уж я не полк иду с солдатамы,
- 35 Не другой иду с оружьямы,
Я не с ранней беседушки,
Я не с поздней вецерушки;

- Уж впереди идет обидушка,
 Позади идет кручинушка,
 40 А посередоцке-горюцы слезы.
 Я иду, бедна горюшица,
 Хоть побаить да поговорить.
 Наб обидушку повысказать,
 Наб кручинушку повыкинуть,
 45 Рассказать мне надо, беднушке,
 По свое да житье-жирушку,
 Как живу ноне, победная,
 Без сердецных родителей.
 Уж мне-ка стать, бедной, рассказывать
 50 Уж про свое да житье-жирушку,
 Будет в летний день не высказать
 Да на орловый лист не выписать.
 Как живу, бедна горюшица,
 Без вас, святы родители,
 55 Не дай бог, да не дай господи.
 Буди проклят холостбванье,
 Буди проклят молодцбванье.
 Виют ветры со прихваткамы,
 Бают люди со прибавкамы,
 60 Виют ветры увиваются,
 А добры люди убиваются,
 Что эти девки вольные,
 Да эти девки безуёмные.
 Где не бывано так сказано,
 65 А где не сижено набаено.
 Хоть по нынецу, топерецу
 Притулюсь я, бедна девушка,
 Ко сердецным родителям.
 Уж вы станьте-ка выпрашивать,
 70 Я вам стану нынь рассказывать
 Про свое да житье-жирушку,
 Как живу, бедна горюшица,
 Хоть без вас, святы родители.
 Хоть на неделе нет попуцки,
 75 А в праздный день нету обновцки,
 Всё обутка не по ноженькам,
 Да всё одетка не по плещикам.
 Охти, мне, бедной, тошнехонько,
 Поспрошу, бедна горюшица,
 80 Худо беднушке кориться,
 Да в одно слово говориться.
 Хоть не бают и не говорят
 Доброта-родитель-матушка
 И кормилец свет мой батюшка,
 85 Надо беднушке кориться,

- Мне придется отступиться.
Хоть не бают и не гóвоят
Как сердечные родители,
Уж я еще побаю, беднушка,
90 Сиротна красна девушка,
Позову еще я, беднушка,
Во любовно вас во гостбище.
Уж ты когда, доброта-матушка,
Посулишься и поладишься?
95 Али к летнему Петрову дню,
Али к зимнему Христову дню?
Так если к летнему Петрову дню,
Так возьму лодоцку недержану
И веселышки негрёбаны,
100 Возьму кормщика молóдого,
Соколка, братца родного,
Гребарём возьму, помощником
Сестрицу возьму милую,
Увезу доброту-матушку
105 Среди да ноци темной.
Доброта-родитель-матушка
Все равно не огляделася,
Видно крепко осердилася,
Хоть не баит и не гóворит. ³³

XXXIV. НА СЛЕЗАХ ЖЕНА ЗАМЕШАНА

(Плач по мужу)

- Уж мне-ка сись, да молодой жене,
Ко кровати ко кисивоей,
Ко постели ко тяжелой,
Ко любой семье законной,
5 Ко семеюшке сговорной.
Что сегодняшнего дёнеца
Он не баёт и не гóворит
Со мной, да с молодой женой;
Видно крепким сном нынь заспано,
10 Видно на век притаилася.
Я осталась молода жена;
Была девушкой несчастлива,
И видно бабой не талантлива.
Твоя да молода жена
15 Видно на́ горе была спорожена,
На слезах она замешана;
Всё как девкой сироталася,
Видно собой нахвасталася.
Меня оставил, молодую жену,
20 Будто утушку с утятками,
Будто лебедь с лебедятами.
Твои сердечны детушки
Будут гóлодны да хóлодны,
Будут голые да босые.
25 Я, как молода жена,
Я найду себе друга́ мужа,
А твоим сердечным детушкам
Не видать друга́ отца,
А твои сердечны детушки
30 Всё ведь ходят улыбаются,
Всё ведь папы добираются.
Я отвецу им хоть, беднушка,
Твоим детя́м сердечным,
Что как ваш кормилец-батюшка
Не лежит он во постелюшке,
35 А придаем к сырой земелюшке.
Твои детушки малые да глупые

- Того да не пытаются,
 А опять да добираются.
 Поглядите, малолетние,
 40 На бросову белу лавоцку,
 Тут лежит кормилец-батюшка.
 Подбежали, перепалися,
 Твои дети воротилися:
 45 „Тут не наш наверно папушка“.
 Я отвецу им, победнушка,
 Доцерам да малолетным
 (Одна была годовая,
 А другая трехгодовая).
 50 Ах, как я-то, молода жена,
 Говорила своим детушкам:
 Вы не бойтесь, не полóхайтесь,
 Он одет хоть не по-гожему,
 Он сокрущен по-мертвецкому;
 55 Хоть понынеце, теперицу
 Не сидите во своем да вйтом гнездышке,
 Да не глядите по окошецкам
 Да не ждите рóдна папушки.
 Не признать нам больше, беднушкам,
 60 Не по русому по волосу
 Да не по мўжскому по голосу.
 А уж я хоть, молода жена,
 Нынь без ветрушка повывею,
 Нынь без солнышка повысохну
 65 С твоима дитямы малыма.
 Я у пецки буду хóлодна,
 Да я у хлеба буду гóлодна.
 Уж покажи, семья законная,
 Уж как мне жить, мне обживатися?
 70 Хоть не баит и не гóворит
 Любимá семья законная
 Да семеюшка сговорная,
 Нынь осталася, победнушка.
 Ходить буду по горницы,
 75 Стану слыть вместо подворницы.
 Твои братья родимые,
 А мне деверья богоданные,
 Они будут надсмехатися,
 Надо мной да надругатися. ³⁴

XXXV. ПОГЛЯДИ, СЕМЬЯ ЗАКОННАЯ

(Плач на могиле мужа)

- Погляди, семья законная,
Уж я пришла хоть, молода жена,
С твоима детьма сердечныма.
Высыпайся, мать-сыра земля,
5 Открывайся, гробова доска,
Покажи детям родимым,
Покажи-ка малолетниим
Хоть кормильца има ведь батюшка.
Твои детки малолетние
- 10 Надоели мне, наскузили:
„Ты веди, доброта-матушка,
Нам покажи кормильца-батюшка“:
А я пришла да спохватилася,
Лучше взад бы воротилася,
- 15 Не увидли мои детушки
Хоть кормильца-света-батюшка,
Хоть меня не успокоили,
Только беднушку расстроили.
Мои дети перепалися,
- 20 Взад не долго убиралися:
„Пойдем взад хоть, матушка,
Все равно тут не наш папушка,
Тут одна земля тяжелая,
А муравá, трава зеленая“.
- 25 Уж как ваш кормилец-батюшка
Приуезен он далешенько.
Мы пошли да взад вернулись,
От его да отступилися.³⁵

XXXVI. СЕРДЦЕ ЧЕРВУШКОМ СВИВАЕТСЯ

(Плач по сыну)

- Ты, сугрева моя теплая,
Ты, сердечно мое дитяtko,
Было луцше бы не ношено,
Было легце бы не рожено,
5 Луцше на свет бы не спущено,
Легце было бы не рощено.
У меня, у бедной матери,
Сердце червушком свиваетсЯ,
Сердце кровью обливаецсЯ.
- 10 Я ведь мать несчаcтлива,
Я ведь мать-то не талантлива.
У людей-то как у счаcтливых,
А у людей-то у талантливых,
Погляжу я, мать-победнушка,
- 15 У их ходят на работушку;
А мне-то как, победнушке,
На работе нет заменушки
Да в избе нет переменушки,
Разбудить мне, бедной, некого,
- 20 На работу послать некого.
Уж ты, сугрева моя теплая,
Ты, сердечно мое дитяtko,
Уж не жалел доброту-матушку
Да кормильца-света-батюшка,
- 25 Ведь оставил нас, победных.
Хоть еще я сплацу, беднушка,
Твоя мать да горе-горькое,
Твой кормилец-батюшка,
Он есть у тя во живности,
- 30 Его нет у тя при ближности,
Он при трудной при работушке,
При большой он при заботушке.
Уж я забоцусь, мать победная,
Я забоцусь, горе-горькое,
- 35 Уж мне надо, бедной матери,
Хоть тебя да схоронить в земле
Среди веку молдого.

- Уж у меня, у бедной матери,
Будет горюшка — три морюшка,
40 У меня обиды — три озерушка.
Уж схороню как, мать победная,
Во сыру землю глубокую,
Уж стану, мать бедна, поглядывать,
Уж я тя буду дожидаться,
45 Уж признавать я буду, беднушка,
Хоть по русому по волосу,
Хоть по детскому по голосу,
По цветну одеваньицу,
Да я тебя по обуваньицу.
50 Мне-ка надо расставатися,
А с тобой вецно не видатися;
Ты в покое будешь в будущем,
А я на гбре буду вецное,
Хоть твоя да мать сердечная. ⁸⁶

XXXVII. ЗАЩИЩАЛ ОН СВОЮ РОДИНУ

(Плач по мужу, погибшему в боях с белыми)

- Ты, родитель моя матушка,
 Как сегодняшнего дёнечку
 Получила я словечко нелюбимое,
 Нелюбимое вдовиное.
- 5 Другой год живу я, беднушка,
 Я вдовой многобедной,
 И мои детушки сиротские.
 Я не знала и не ведала,
 Что нет во живности у беднушки
- 10 Да законной семеюшки.
 Теперь как жить буду, беднушка,
 Без законной без семеюшки,
 Как буду рóстить, многобеднушка,
 Я рожбных малых детушек
- 15 Без кормильца-света-батюшки.
 Будут детушки-то вольные,
 Они вольны — самовольные,
 А уж я то, многобеднушка,
 От суседок спорядовых
- 20 Всякой славушки наслушаюсь,
 Пустословница натёрплюся.
 Мне худá слава покажется,
 Пустословье, — что порог стоит.
 Охти, мне, мне-ка тошнешенько,
- 25 Мне горазно обиднешенько,
 Что законной семеюшке
 Пришла скорая смеретушка
 Не на своей брусовой лавочке,
 А на чужой дальней сторонушке,
- 30 И на службе на военной,
 И на стрельбе на великой:
 Защищал он свою родину.
 Дак того-то жаль тошнешенько,
 Что я не была, победнушка,
- 35 У законной у семеюшки
 У последнего здыханьица,

* Корешкова, Анна Николаевна, колхозница из дер. Сиверская, Песчанского с/с., Пудожского р-на.

- У последнего прощаница,
Не видала, многобеднушка,
Как душа с телом расставалася,
40 С белым светом распрощалася.
Я, несчастная головушка,
Я вдовить да оставалася,
Я не спрашивала, беднушка,
У законной у семейшки,
45 Мне-ка жить как, многобеднушке,
Как возвращивать рожонных
Мне сердечных малых детушек;
Я не лежала на белой груди,
Не глядела в личко блеклое.
50 Если была бы я, беднушка,
Как при этой при смеретушке
У законной у семейшки,
Взяла бы писарей толковых,
Я бы сняла тело мертвое,
55 Его личушко бы блеклое,
Я бы клала, многобеднушка,
Уж на стеночку личёвую,
Как глядела бы я, беднушка,
На законную семейшку,
60 И мои рожоны детушки-
На кормильца-света-батюшку.
Была умная законная семейшка,
Он вином не упивался ведь,
Табачком не занимался ведь;
65 Хорошо было жить беднушке
При законной при семейшке.
А уж как нынечу, теперечу
Всё пустым стало пустешенько,
Холодным да холоднешенько;
70 За стол сяду — брюшко голодно,
Лечь на печку — ногам холодно.
Не во пору, не во времечко
Голова моя состаревает,
И сердечко перержавевает,
75 Волоса-то посидатеют,
Возрастаючи сердечных
Тех рожонных малых детушек.
Но еще-то жаль тошнешенько-
Далеко его умершая могилушка.
80 Дак не сходишь ведь, победнушка,
На умершую могилушку,
Не роздеешь ведь обидушку,
Не расскажешь ведь кручинушку
Да не выплачешь горючих слез. 37

XXXVIII. ОТ КРУЧИНЫ СЕРДЦЕ РЖАВЕЕТ

(Плач по мужу)

- По сегодняшнему дёнецку
 Как пойду я по терему;
 Все желаньице потеряно.
 Как сесть на брусову белу лавоцку
- 5 Как ко телушку ко мертвому,
 Как ко лиушку ко блеклому,
 Ко законной ко семеюшке.
 Сесть во ноги, его голову
 Аль супротив сердца ретивого.
- 10 Как по сегодняшнему дёнецку
 Мало спалось, много виделось.
 Как прилетала птицка вещая,
 Птицка вещь, соловеюшко,
 Она крылышка расправила,
- 15 Об околенику ударила,
 Садилась на косивцато окошецко,
 Как жупила-то по-птицьему,
 Говорила по-человецьему:
 „Ты вставай-ко, многобедная,
- 20 Голова многокручинная,
 У Покрѡва богородицы,
 Там с мертвых живы родилися,
 Со погоста воротилися.
 Только век того не водится,
- 25 Живой с мертвого не родится.
 Уж как у меня-то, у беднушки,
 Принаскоплено обидушки
 Со рождныма со детушкама.
 Уж как нашлись бы люди смелые,
- 30 Распластали-б груди белые,
 Так поглядели мое ретивое сердцушко;
 Как мое-то ретивое сердцушко
 Почерные черна ворона.
 Как от обиды голова болит,

* Терехова, Евдокия Ивановна, колхозница из дер. Милентьевская, Авдеевского с/с., Пудожского р-на, 50 лет, неграмотная.

- 35 От кручины сердце ржавеет,
Как от слез-то от горуциих
Помутились очи ясные.
Как пойду, бедна, по терему,
Там все желаньице потеряно.
- 40 Как по сегодняшнему-то дёнецку
Да по раннему по утрышку
Пойду на сараи хоботистые
И во стойлы лошадиные,
Во хлевы-то хомутиные.
- 45 Стоят конюшки, коровушки
Да повешаны головушки.
Как по сегодняшнему дёнецку
Говорила я, победная:
Уж ты, смерть-то нерасудная,
- 50 Голова да неподсудная,
Бери старших да малых,
Да людей-то безнадёжных.
Как сумела, многобедная,
Как смеретушку свирепую
- 55 Кормить бы, и поить бы,
И обути бы, и одеть бы,
Только бы не взяла
Мою законную семеюшку. ³⁸

XXXIX. ПРИШЛО ВРЕМЕЧКО ТОСКЛИВОЕ

(Плач на могиле мужа)

- Как пойти было мне, беднушке,
Как по бுவевке покровской,
По могилке по родительской
Как во любимое гостебище
- 5 Ко законной ко семеюшке.
Вы завийте, ветра буйные,
Ветры буйны северющие,
Со четырех со сторонушек,
И растощите, ветра буйные,
- 10 Эти желтые песоцики
И катуцы камешоцики.
И покажись-ка, тело мертво,
Лицко блеклое.
Пришла веснушка гульливая,
- 15 Пришло времечко тоскливое;
Люди веслама затропали,
А мешоцкамы захопали.
А у меня-то ведь, у беднушки,
Под окошком нету тропанья,
- 20 А на полянке нету хлопанья.
По полям-то едут пахари,
А по лесам-то пошли пастыри.
Как еще скажу я, беднушка,
Тебе, законная семеюшка:
- 25 В пять уцетных долгих годушков
Принакладено кручинушки,
Принаскоплено обидушки
На ретиво-то сердуцушко!
Не могу приглядеть, беднушка,
- 30 Я на сходке деревенской,
Я во праздницках годовых
И во церквах во соборных
Своей законной семеюшки.
И на могилушку не выходить,
- 35 Всей обидушки не высказать.
Лучше стану я рассказывать
Про свою большу обидушку
В лесах корбушкам корбуциим,
И руцецкам челодуциим,
- 40 И камешкам неподвигуциим. ³⁹

**XL. ПОСЛЕ ТЕБЯ, ЖЕЛАННА МАТУШКА, ПРИШЛА ЗИМУШКА
ХОЛОДНАЯ**

(Плач на могиле матери)

- Отвернуться было беднушке,
Сироты да красной девушке,
От церквѣ пенья от нового,
От звона колокольного,
5 От больших крестов чудесных
Ко родительской могилушке,
Ко родителю ко матушке.
Уж как сегодняшнему дѣнецку
Ко родительской могилушке
10 У заюшки не пройдена,
Да у червушка не проплыто,
У горносталя не проскакана,
До меня да не поплакана.
Зарослася путь-дороженька
15 Частым ельницком, березницком,
Шелковой травой, олешницком.
Я сегодняшнего дѣнецка
Я, сиротина, красна девушка,
Для годового для праздницка
20 Я березничек повысеку,
А оленшницек повыломлю,
Шелкову траву повытощу,
Свою матушку повыклищу,
Всю обидушку повыплащу.
25 Вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех со четырех сторон,
Сбейте лесушки дремушие,
Со церквей сбейте чудны кресты,
Пораздвинься, мать-сыра земля,
30 Раскатитесь-ка, песоцики,
Покажись-ка, гробова доска,
Прилетите, черны вороны,

* Кузнецова, Евдокия Ивановна, колхозница из дер. Куга-Наволоч, Куга-Наволочского с/с., Пудожского р-на, 33 лет, малограмотная.

- Вы повыкляйте шопны гвоздья,
Приоткройся, гробова доска,
35 Покажись-ка, тело мертвое,
Тело мертвое, лицо блеклое.
Прилетите с неба, ангелы,
Вложите в душеньку вздыханьице,
Во белó лицо румяньице,
40 Во яснѣ оцы да зреньице,
Во головушку смышленьице,
Во язык наговореньице,
Во руценьки движеньице,
Во ноженьки хоженьице.
45 Мы пойдем да поговорим,
Доброта-родитель-матушка,
Со мной, сиротной девушкой.
Уж пообидуюсь, пожалуйюсь
По сегодняшнему дѣнецку.
50 После тебя, желанна матушка,
Пришла зимушка холодная,
Стала матушка нерóдная,
До меня она недобрая.
В вечеру нету ложеньица,
55 Да к утру нету буженьица,
На работку на трудливую
Нету мне благословеньица.
Уж посулись, родитель-матушка,
Ко мне, сиротной девушке,
60 Во любимое гостебище.
Посулись-ка ты по солнышку,
Так пройдет день да невидаюцы.
Посулись-ка ты по месяцу,
Пройдет ночь да не сыпаюцы,
65 Все тебя продожидаюцы.
По сегодняшнему дѣнецку
Мне сказали, красной девушке,
О годовом о праздниcke
Будет грешницкам прощеньице,
70 С того свету распушеньице.
Тут я, бедна, срадовáлася,
Два деньку сюда давалася.
В вечеру лягу позднешенько,
По утру встану ранешенько,
75 До кукушья кукованьица,
До петушья воспеваньица.
Я не мылась, не крутилася,
Все к обеденке спешилася,
По озерушку катилася,
80 По всем церквám богу молилася,

Чтоб увидеть было беднушке,
Сироты да красной девушке,
Как родитель, свою матушку.
Не могла услышать голоса,
85 Да не могла приметить возраста.
Уж верно век того не водится,
Живой с мертвого не родится,
Знать с погоста не воротится. 40

XL. КАБЫ БЫЛИ СИЗЫ КРЫЛЬШКИ

(Плач по сыну и дочери)

- Под косивчато окошечко
 На полуденну сторонушку
 Уж я сяду, мать кручинная,
 Голова многодетинная,
 5 На бросову белу лавочку,
 Под косивчато окошечко.
 Погляжу я, многобеднушка,
 Под полуденную сторонушку,
 Под полуденной сторонушкой,
 10 Там не идет ли и не катится
 Ко мне гостыца любимая
 Со своим рожоним дитятком
 И со малым своим вьюнушком.
 И еще ко мне не покатится ль
 15 Разудалый добрый молодец,
 Разлюбимый милый сынушка
 Со чужой да мне сторонушки,
 Со чужой да безызвестной
 Ко мне, к матери к обидной
 20 Да ко головушке кручинной.
 Только не могу дожидаться, беднушка,
 Не по утру ранешенько,
 Не по вечеру позднешенько.
 Как не знают да не ведают
 25 Как мои рожины детушки,
 Что есть у мя, у беднушки,
 На ретивом на сердечушке
 Посинее сера камушка,
 Почернее черна пыльничка.
 30 Как нашлись бы люди смелые,
 Распластали бы грудь белую,
 Так поглядели люди смелые
 Сколько есть у мя, у беднушки,
 На ретивом на сердечушке

* Хмылова, Анастасия Григорьевна, колхозница из дер. Рындозеро, Рындозерского с/с., Пудожского р-на, 56 лет, неграмотная.

- 35 Как злодейнай-то обидушки,
А неудольной-то кручинушки.
По сегоднешнему дёнечку
У меня, у многобеднушки,
Кабы были сизы крылышки,
40 Кабы были сизы перышки,
Я б слетала, многобеднушка,
На чужу дальню сторонушку,
В города ты незнакомые
Да во прозваньица тяжелые,
45 Я бы села, многобеднушка,
На родительну могилушку
Да на кладбище человеческо.
Вы завейте, ветры буйные,
Ветры буйные, холодные
50 Со четырех со сторонушек,
Вы сорвите, ветры буйные,
Со церквей да все кресточки,
Со домов да шеломочки,
Растащите, ветра буйные,
55 Желты мелкие песочки,
Отворись-ко, мать-сыра земля,
Покажитесь-ка, пожалуста,
Мои рожонные детушки.
Вы чего порассердилися,
60 От меня приудалилися,
На то верно рассердилися,
Не сидела мать детинная
У трудных, больных постелюшек,
У тяжела изголовьица.
65 Вы ставайте-ко, пожалуста,
На утиху сядем тишенку,
На тиху, смирную беседушку.
Расскажу я вам ведь, беднушка,
Про свою да житье-жирушку,
70 Про родиму про сторонушку.
Говорили мне-ка, беднушке,
Народ да люди добрые,
По сегоднешнему дёнечку
Естя грешничкам прощеньице,
75 Естя мертвым распушеньице.
Обманили меня, беднушку.
Век того не водится,
Со мертвых живы не родятся,
Взад с могилы не воротятся.
80 Рожоны мои детушки,
Вы меня, бедну, простите-тка,
Ко мне в гостюшки гостите-тка. ⁴¹

XLII. КАБЫ НЕ ПИЛА ВИНА КРАСНОГО

(Плач на могиле сгоревшей дочери)

- Как иду, бедна горюшица,
 Как от пения церковного
 И от звону колокольного,
 Как иду к подружке милою,
 5 Как к касатой белой ластушке.
 Как сегодняшней темной ночи
 Худо спалось — много грезилось.
 Пришли девки недоростоцки,
 Как ведь будили меня, беднушку,
 10 Ко годовому ко празднику:
 „Ты справляйся, мать несчастная,
 Ты справляйся, бесталанная,
 Будет грешникам прощеньице,
 С того свету распушеньице“.
 15 Как иду я, ведь победнушка,
 Проторю я путь дороженьку.
 После моего бываньица,
 После моего хожаньица
 Зарослася путь - дороженька
 20 Цастым ельницком, березницком
 И крушинницком, вершинницком.
 Тут я ельницек повысеку,
 А березницек повыломлю,
 А феретницек в ногах стопцу.
 25 И сказали мне-ка, беднушке,
 У моей подружки милою
 Нова горенка побыстроена
 Без дверей да без окошедек,
 Без кирпичной белой пеценьки.
 30 Строители хорошие
 Как срубили нову горенку,
 Как петли не сломаются,
 Да клюцы не потеряются.

* [Фомина, Мария Ивановна, колхозница из дер. Калаканда, Канза-Наволоцкого с/с., Пудожского р-на, 68 лет.

- Охти, мне, мне-ко тошнешенько,
Ты, подружка моя милая,
35 Ты, касата бела ластушка,
Уж ты когда в гости поладишься?
Уж ты летушком ли в лодоцке,
Зимой да на лошадушке.
Расскажи, подружка милая,
40 Как про скорую смеретушку.
Каб не пили вина красного,
И не пришла бы смерть напрасная,
А вы выпивали вино красное,
Полуцили смерть напрасную.
45 Охти, мне, мне-ко тошнешенько,
Стала к горенке трогатися,
А стала горенка терятися,
Не видать да мне-ка уж, беднушке.
Ты, подружка моя милая,
50 Ты, касата бела ластоцка,
И говорила я те, беднушке,
Ты живи, моя голубушка,
Без проклятого замушвица.
Ты пошла да не послухала,
55 Нарушила свою головушку.
Из-за тебя, моя голубушка,
Наскопилася обидушка,
И накопилася крудинушка-
Мне-ка в летний день не высказать,
60 На ербовый лист не выписать.
Придет веснушка красивая
И пора времецко тоскливое,
Пойдут утушки с уятамы,
Пойдут матушки с дитятамы,
65 Как у меня, у беднушки,
Нет тебя, рожона дитятка.
Сидят утушки на водушке,
Как лебедушки на лодушке.
Я живу да, бедна беднушка,
70 Как подружка моя милая,
Я хожу да ведь по терему,
Все желаньице потеряно,
Без тебя, моя голубушка,
Хожу я по горницы,
75 Я слыву вместо подворницы. ⁴²

АНИСЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ВАТЧИЕВА

Родилась Анисья Васильевна в 1888 г. в д. Сопоха, Петрозаводского уезда в семье крестьянина-бедняка. Семья состояла из 9 человек (6 чел. детей, из которых старшей была Анисья Васильевна). Уже с семилетнего возраста она няньчила своих младших братьев и сестер. Из-за них не отдали и в школу („Смотреть было некому“). Так и осталась Анисья Васильевна неграмотной.

С 13 лет ее в семье уже считали полным работником. С отцом ловила рыбу, косила, жала. Помимо своей летней работы много приходилось работать по найму у богатых. „Не видала я в отцовском доме легкой жизни нисколько“, — говорит Анисья Васильевна.

„Замуж вышла я в 1910 г., было мне 22 года. В семье было 4 человека. Муж был одним сыном. В хозяйстве была лошадь и корова, да я вторую привела. Считалось, что хозяйство средняцкое, а муж был бедняк, как и я. Двенадцатилетней он был отправлен в Петроград „в мальчишки“. Был продан родителями за 25 рублей на 5 годов. Так и работал он без копейки у купца 5 годов. Потом в призывные годы вернулся оттуда и сразу женился на мне. На службу не взяли, как одинокого сына. Работали вместе с ним на крестьянстве, а зимой на вывозках. В 1915 году взяли на войну. Осталась я жить со свекром да свекровкой. Свекор был такой лихой, так грубо держал, что есть не смела за столом. А у меня уж тогда было 3 детей. Вернулся муж с германской войны и ушел на гражданскую. Кончилась война — пришел домой. Тут и маленько облегченье увидела. А как шесть-то годов он был на войнах, так и не знаю как и пережила. Свекра параличем разбило, и приходилось мне все хозяйство держать. Ну, а когда муж вернулся, то семья была уже 8 душ, а хлебопашество малое, так тоже немного лучше. По зимам приходилось ехать на лесозаготовки. 6 зим ездила. Когда старшему сыну сполнилось 9 лет, так с ним заготавливал, а отец возил“.

С колхозной жизнью начинается счастливая полоса в жизни семьи Ватчиевых. И как меняется тон ее рассказа!

„В 1930 году вступили сразу в колхоз. Тогда старшему сыну уже было 19 лет, и его направили на курсы. И второй сын и дочка стали учиться. Все они комсомольцы и живут они хорошо, теперь и нам помогают. А мы со стариком работаем в колхозе и живем хорошо, весело. Главное на детей смотришь и радуешься. Хоть мы пострадали, так им хороший путь. Сейчас старший сын работает в Спасской Губе кассиром и счетоводом. Младший сын работает в Петрозаводске на электростанции. Дочка на Гомсельге зав. амбулаторией. Трое младших учатся в начальной школе.“

В колхозе выработала я 415 трудовых, с мужем 900. 4 раза была премирована. В этом году была на скотном дворе заведующей, и за год только один падеж был. Всех зерновых культур пало на трудодень 1 килограмм 400 граммов

и картофеля 2 килограмма. Сена хватит на весь свой скот. Живем хорошо теперь*.

Анисья Васильевна в Карелии известна своими плачами и сказами на советские темы. Она первая женщина в Карелии, выразившая свои чувства и мысли, связанные со смертью В. И. Ленина, в форме плача (я имею ввиду моменты фиксации их в виде записи собирателя фольклора). С тех пор ее глубоко-эмоциональная, чуткая натура не раз возвращалась к этому горестному для всех трудящихся событию — смерти Владимира Ильича. Волнующими плачами-сказами она откликнулась на злодейское убийство Кирова, на гибель Чкалова.

Известие о смерти Кирова потрясло и взволновало всю деревню. Вот как передает Анисья Васильевна чужие и свои чувства, которые вылились потом в плач о Кирове.

„Прибежала Елькина, член партии. Она по деревне работала:

„Что у нас сделалось-то“.

Мы все перепугались. Витя, старший сын, спросил:

„Да что такое случилось?“.

„Кирова у нас не стало“.

И так горько стало, что вся семья расплакалась*.

Горестные воспоминания вызвали у Анисьи Васильевны слезы. И она продолжала дрожащим от волнения и сдерживаемых слез голосом:

„И как не жалеть-то. Кто нас наставил, кто нас устроил, кто к нынешней жизни светлой привел. Ведь от страха умираешь, что придет все старое обратно“.

Основное, что отличает ее новые плачи-сказы, это страстное отношение к теме.

Тихая и скромная на вид, Анисья Васильевна умеет не только глубоко любить, быть беспредельно благодарной вождям, партии, правительству, но умеет и глубоко ненавидеть. Ее плачи-сказы пронизаны ненавистью и проклятиями по адресу „кровопивцев проклятых, загубивших любимых, драгоценных вождей: Ленина и Кирова“.

Там же, где она обращается к вождям партии: Ленину и Кирову, она умеет найти какие-то необыкновенно ласковые, эмоциональные слова.

Несмотря на то, что она создает новые произведения фольклора на основе традиции русских причитаний, будучи сама по национальности карелкой и не целиком ощущая русский язык, ее плачи стоят на высоком уровне мастерства, за исключением некоторых мест, объясняющихся известной недоработанностью, недостаточной выношенностью.

Лучшим ее созданием из произведений новой тематики надо считать плач о Ленине и Кирове („Проклинаю я врагов и неприятелей“).

В мае 1939 года А. В. Ватчиева принята в Союз Советских Писателей и награждена Верховным Советом Карельской АССР почетной грамотой.

XLIII. ПРОДОЖДИЛА ТУЧЕНЬКА ГОРЬКИМИ СЛЕЗИНОЧКАМИ

(Плач по отцу)

- Путь-дороженька да коротилася,
Тепло — витое гнездышко появилось.
Путь-дороженька была да колотливая,
Были тропиночки мотосливые,
5 И были елочки тоскливые,
И на елочках сидели птиченьки да райские,
Запевали песенки похоронные;
Обмирало мое сердеченко детинное.
И как над теплым над гнездышком
10 Стоит тученька да темная,
Стоит тученька да ведь слезливая;
Неразвиялась она мелкима пушистым снежочинкама,
Не продолжила она мелкима дождичкама,
Продождила она горкима слезиночкама.
15 Я найду, многокручинная, 'обидная головушка,
В тепло — витое во гнездышко
Ко столику ко дубовому,
Ко родителю ко татеньки.
Ты, растителек, мой татенька,
20 Что над тобой чудушко да счудовалось,
И что дивушко да сдивовалось,
Нету у тебя во белой груди дыханьца,
Во ясных оченьках нет виданьца,
Во устах нет разговоршки,
25 До меня нет жалкого желаньца.
И все прошло да потерялося,
Как постретила тебя скорая непосильная
смерётушка.
Ты оставил ли мне три словечика родительских:
Одно словеченко на касищато окошечко,
30 Второе словеченко на дубовую на рамочку,
Третье словеченко на хрустальное стеколушко.
Я в окошечко пригорююся,
У рамочки притоскуюся,
У стеколушки горько расплачуся
35 По своему родителю по татеньки.
Ты, растителек, мой татенька,

- Ты куды же одевався и снаряжался ты
Аль ты на трудную, на тяжелую работушку,
Аль на годовый на честной на праздничек?
- 40 Можно знать да можно ведать нам,
Естя платьница да не на гуляньице,
Не на трудную, на тяжёлую работушку,
Есть платьница тотосветные.
- И как идешь ты, растителек, ты, татенька,
45 На тот свет да безповоротный,
И буде встретится моя желанная маменька
На пути да на дороженьке
У быстрой да у походочки,
Так передай от меня весточку и грамотку,
- 50 От сердеченьки приветочку.
Естя весточка у тебя в правой рученьки;
Не спала я этой темной ноченьки,
Написала я весточку и грамотку
Своей родимой маменьки,
- 55 Я не правой не рученькой,
Не пером не лебединым,
Написала я тоскичушкой великой,
Запечатала своима горькима катучима слезиночкама
Эту весточку и грамотку.
- 60 Передай своей законной семеюшке,
Моей родимой маменьке,
Пусть узнает мою жирушку,
Мое житье-бытье живленьице.
Ты, растителек, мой татенька,
- 65 Как ты идешь на тот свет бесповоротный,
И как на том свете бесповоротном
Сторожа стоят не устареются,
Замки висят да не ржавеются,
От замков ключи не потеряются,
- 70 От того свету люди да не являются.
И как ты скроешься и потеряешься
Ты, растителек, ты, татенька,
Хоть мы проводим тебя скорешенько недоleshенько,
Так не придет нам ни весточки, ни грамотки,
- 75 Ни скорописаной писёмушки,
Не увидим больше твое бумажное личико,
Только помнить будем три словеченьки на окошечке,
Твои платьница на гвоздике,
Бумажное личико на потретике,
Родительско жалкое желаньице на сердечике.

(Кладут в гроб и выносят)

- 80 Соберитесь-ка вы, белые лебедушки,
Мои сестричушки, да вы, родимые,

- И вы, милы братцы родимые,
 Ко родителю ко татеньке.
- 85 И мы будем у него выпрашивать
 Мы последнее прощеньице,
 Вековечное благословеньице.
 Недолгу порушку нам, времечко
 Любоваться нам на родителя на татеньку.
- 90 Денек к вечеру коротается,
 Час к минуточке подтыкается,
 Наш растителек потеряется.
 И во лавочках торговых
 И на рыночках на продажных
- 95 Не продаются нам родимые родители.
 Есте нам последнее растованьице.
 Вы простите-тко, многие добрые людюшки,
 Нашего растителя татеньку,
 Буде был он на разговорухи спесливеньким,
- 100 На речь-басенки говорливеньким,
 Так не вспомните не с лесью, не гордостью,
 И не лихом, и не грубостью.
 Ты прости-тко, любимое тепло-витое гнездышко,
 Вы, окошечка хрустальные,
- 105 И все житье-бытье живленьице.
 Улетит как птиченька со гнездышка,
 Так растителек наш татенька
 На тот свет да бесповоротный.
 Он был трудничек, работничек,
- 110 На все делушко охотничек.
 Не жалел он своей силушки звериной
 И могутушки своей да ведь мужицкой,
 Построил он высокое построеньице
 И светлое тепло-витое гнездышко.
- 115 Только не удалось любоваться, красоваться
 Во светлой светлице,
 Во высокой новой горнице.
 Ты прости-тка, широкая гладкая улочка.
 И как на широкой на гладкой на улочке
- 120 До сей порушки, до сего времечка
 Была улочка песочная,
 Росла травушка зеленая,
 А как-то нонечко, теперечко
 Есте улочка колотливая,
- 125 Не растет травушка муравая,
 Не цветет белая кудрявая березынька.

(На могиле)

Ты, скат-горушка высокая,
 Ты, могилушка умершая,
 Ты не могла ты принаподниться

- 130 Без моих родимых родителей,
Без моего растителя-татеньки.
Есте зарыта могилушка умершая,
Она да ведь глубокая.
Мы выпустим туда растителя-татеньку
- 135 Со тепло-вита гнездышка стасветного,
Мы зароем желтыма песками виючима,
Белыма камешкама катуцима,
Мы поставим веночку на елочку,
Память растителя-татеньки на березыньку,
- 140 Мы построим лавочку возле могилочки,
Мы будем здесь сидеть да беседывать,
Мы тоскичешку да порассказывать.
Как мы придем со чужой со дальней со сторонушки
Мы, белые лебедушки,
- 145 Будем зажимать ретливые сердеченьки
От тоскичушки да от великойей
Во дубровушке да во зеленоей,
На могилушке да на умершеей,
У родимых родителей посидеть да побеседовать
- 150 Вместо прогульного гуляница. ⁴⁸

XLIV. СИРОТА, КАК ОТ КАМЕШКА ОТЩЕЛКНУТА

(Плач дочери по матери)

- Подойду я, белая лебедушка,
Ко своей к родименькой маменьке.
Ой ты, родимая, желанная ты маменька,
Ты куда же приделася, сокрутилася?
5 На годовый на честный праздничек
Аль на почетное гостебище?
Можно знать да можно ведати
Мне, бедной лебедушке,
Что есть платьица не праздничны,
10 И естя платьица-то светлые.
Ты, родимая, желанная, ты, маменька,
Ты куда же приоставила
Меня, бедную лебедушку,
Раннею победну сиротиночку;
15 Как я буду разживаться без тебя,
Моя родимая желанная маменька;
Кто же будет мне сподоблять питьица медовые
И истьица сахарные,
И кто-то будет делать самоцветные платьица,
20 И кто же допустит до меня жалкое желаньице?
Я буду, белая лебедушка, как от камешка
отщелкнута,
От поленчика да приотщипнута,
Что птиченька во клеточку посажена.
И на моем ли молодом седеченьке
25 Не огонь горит, да не смола кипит.
Без огня да разжигается,
Без смолы да закипляется
Мое молодое сиротское сердеченько.
Ой ты, родимая, ты, маменька,
30 И растителек наш татенька,
Он есть трудничек, работничек,
На все делушки охотничек,
Он состроит тебе тепло-витое-то светло гнездышко,
И он поставит косищато окошечко.
35 Я, белая лебедушка, я наладила
Тебе постелюшку-то светлую,

- Я подушечку пухобвую.
И положим тебя, родимая, желанная маменька,
И во вековое-то тепло-витое гнездышко,
40 И положу я тебе, родимая маменька,
Тонкую белую бумаженьку.
Напиши мне весточку и грамотку
И спроси-тко меня, желанная добрая маменька,
Дай-ко мне вековое благословеньице
родительское.
45 И вы проститесь-ко, все многие добрые людюшки,
От родимой, желанной от маменьки.
Есть последнее прощеньице,
И хоть мы проводим скорешенько и недалешенько,
Только не придет ни весточки, ни грамотки
50 И ни частой писёмушки. ⁴⁴

XLV. ПОТЕРЯЛА ПОТЕРЯШЕЧКУ, ГОЛОВУ ДА БЕЗОЦЕННУЮ

(Плач по сыну)

- По сегодняшнему дёнечку,
 Утрось по утру по раннему
 Прилетала птичка вещая;
 Птичка крылышки расправила,
 5 Во стеклышки ударила:
 „Что ты спишь да, мать кукушица,
 Ты спишь не пробуждаешься,
 Ты невзгоды не начеешься?
 Как ко сыну ко любимому,
 10 Во поместье во казенное
 Идет бурная смеретушка.
 Она голодна да холодна
 Да со дальнего со волока.
 Во поместье во казенном
 15 Рано двери отворяются;
 Как зайдет эта смеретушка
 Ко сыну ко любимому.
 Дак пойдн-ка, мать кукушица,
 На путистую дороженьку,
 20 Встреть-ка бурную смеретушку,
 Возьми-ка за белы руки,
 Да проведн-ка ты во горенку,
 Накорми ты ю дбсыти,
 Уложи-ко ты смеретушку
 25 Да в особую во спаленку,
 На тесову на кроватушку,
 На мяжку на постелюшку,

* Моисеева, Ульяна Григорьевна, колхозница из дер. Ножево, Коловского с/с., Пудожского р-на, 58 лет, неграмотная. Моисеева с первого дня замужества вела хозяйство одна. Муж все время был на отхожих промыслах. Когда дети подросли, сельскохозяйственные работы выполняла с их помощью. Всех пятерых детей вырастила и, выучив, отпустила „в люди“. Дочери теперь работают в г. Кемь. Сын после возвращения из Красной Армии работал бригадиром колхоза. Умер в 1937 г. в Пудожской больнице от тифа в возрасте 27 лет. Горе матери в момент записи было еще очень свежо. Сильно „расстроилась“ и много плакала. Плакал и муж ее, присутствующий при записи. Была в обиде на колхоз за то, что не был приглашен на похороны духовой оркестр. Об этом она говорит и в плаче.

- Призакутай в одеялышко.
Дак проспит эта смеретушка
30 Часы она указные
И приоставит добра молодца,
Тебе сына любимого,
Голубочка златокрылого".
Попадала мне смеретушка
35 Как навстречу невеселая,
От меня она вернулася,
Взяла она у беднушки
Одного только бажёного.

(По приходе в больницу)

- Как по сегодняшнему дёнечку
40 Допустили меня, беднушку,
До сына до бажёного.
Как у сына у бажёного
Нету в грудушках дыханьца,
В очах нету гляденьца,
45 Во устах да говореньца,
Нету в ноженьках хоженца,
Нету в ручках шевеленьца.
Что мне надумать, посоветывать,
Чтобы было в рученьках маханьце,
50 Было в ноженьках хоженце,
Да в устах да говореньце,
Во очах было гладеньце.
Как воротить бы добра молодца,
Не желела бы я, беднушка,
55 Ни хоромного строеньца,
Ни крестьянска заведенца.

(Когда умершего сына кладут в гроб)

- Как, рожоно мое дитятко,
По уму ль тебе, по разуму
Нова горенка построена? —
60 Эта горенка не горенка,
А наб таку бы тебе горенку:
Как достать бы тебе, молодцу,
С Ленинграда бы строителей,
А с Москвы бы плановителей,
65 Дак построить тебе горенку.
Во этой во горенке
Наб косивчато окошечко,
Наб бусовы белы лавочки,
Наб кирпична бела печенька,
70 Наб кроватушка тесовая.
Как косивчато окошечко

Дак для летнего гуляньица,
А кирпична бела печенька
Для зимня согреваньица,
75 А тесовá бела кроватушка
Для ночного отдоханьица,
Как столы-то дубовые
Не для ради опиваньица,
Не для ради объеданьица,
80 Для ради нас да угощеньица.

(При выносе гроба из покойницкой)

Вы, товарищи верные,
Друзья да неизменные,
Вы несите-ка, пожалуста,
Моего сына любимого
85 По улущке планóвой,
А по дороженьке почтовой
На Михайловску на улущку,
А на родительску на буевку.
За его да за работушку,
90 За ответушки бы милые
Да за усердную работушку
Не такие б надо похороны.
Несем труп да мы не детскую:
Надо было музыку советскую.
95 А вы, дочери бажёные,
А его, сестры любимые,
Вы возьмите-ка, пожалуста,
По сегодняшнему дёнечку
Да возьмите лист гербовую,
100 Мы списуемся, срисуемся
Своего братца родимого,
Тело его мертвое,
Да личушко поблеклое.
Наглядитесь, очи ясные,
105 На своего сына любимого.
Кабы знала я и ведала,
Уж я, мать только кукушица,
Посулила бы я, беднушка,
Я ко гробу ко господнему,
110 Ко кресту бы ко бессмёртному
В руку свёчу бы воскóвую,
Покрывало бы парчевое,
А пресвятой бы богородицы
Пелену шелкóвую
115 И в три рубля свечу воскóвую.
Только век тое не водится,
Со мертвých живы не родятся.

- Не спускайте-ка, пожалуста,
Во матушку-сыру землю
120 Моего сына любимого,
Вы не ройте-ка желтьих песков.
Как по сегодняшнему дёнечку
Видно только тое станется, —
Во желтом песку останется
125 Мое дитятко рожное,
Со сегодняшнего дёнечка
Он навстретушку не встретится,
По пути не подладится
На путистой на дороженьке.

(По возвращении домой)

- 130 По сегодняшнему дёнечку
Как в углу стало пустешенько,
А в другом стало темнешенько,
На уму не веселешенько.
По сегодняшнему дёнечку
135 Потеряла потеряшечку,
Обронила обраняшечку,
Уж я вещь не драгоценную,
А голову да безоценную,
Уж я сына любимого,
140 Голубочка златокрылого.
Как я стану только, беднушка,
Жить да обживатися,
Вокруг кого да обвиватися.
Мои дочери бажёные
145 От меня да пораскинуты
За Онегушка шумливое,
В города да незнакомые,
Дак поглядеть мне не на кого. 45

XLVI. ЖЕЛАННА МОЯ ТЕТЕНЬКА

(Плач по тетке)

- Как желанна, мила тетенька,
Как по сегодняшнему дёнечку
Поспрошу, бедна горюшица,
У тебя, желанна тетенька:
- 5 В эты круглых два обночьица
Я хожу, бедна горюшица,
Ко тебе, желанна тетенька,
Подхожу, желанна тетенька,
Со того бочку, со другова,
- 10 Супротив сердца ретивого,
Да не могу я только, беднушка,
Не разбаить, не разговорить
Я тебя, желанна тетенька.
Видно крепко поразгневалась
- 15 На меня, желанна тетенька.
Не стояла видно, беднушка,
У трудной больной постелюшки,
У тяжела изголовьица,
Что наб тебе не подала,
- 20 Тебе нужна дак не сделала, —
Так ты на тое поразгневалась.
Ах, желанна мила тетенька,
Поклони бойну головушку,
Ежли буде свиданьице,
- 25 А на дороженьке сретаньице
Со моим сыном любимым.
Переходы недалекие,
Переброды неглубокие
Уж на одной да на бுவеке.
- 30 Дак ты скажи сыну бажёному,
Что ходила мать обидная
В сельсоветы к председателям,
А в главсуд я к заседателям,
Я просила только, беднушка,
- 35 Чтоб воротить сына бажёного
Со этой со дороженьки.
Отвечали мне, горюшице,

В сельсовете председатели,
А в главсуде заседатели:
40 „Вы неумная ведь женщина,
Неразумна деревенщина,
Как со бурной со смеретушкой
И властители не судятся,
Да купцы да не откупятся,
45 Да попы не отчитаются.
Не видать сына баженого. 46

XLVII. РОДИТЕЛЬ, МОЯ МАТУШКА

(Плач замужней дочери по матери)

Родитель, моя матушка,
Красно тепло мое солнышко,
После твоего бываньяца
На родимую сторонушку
5 Зарастается путь-дороженька,
Она дикима каменяма.
Я не приду дак не вспомнена,
А не приду не покормлена
У невестушки ветляной,
10 У сестрицы богоданной.
Невестушки-чужи бабы,
А братьяца-мужско дело,
У их свои рожоны детушки,
У их стадушко гусиное,
15 Дети малы недоросточки,
Дак не до тебя только желаньяца.
А до своих рожонных детушек. ⁴⁷

XLVIII. КАК Я РОСТИЛА, ГОРЮЩИЦА

(Плач об одинокой доле)

- Как я ростила, горющица,
Я рожьных своих детушек,
Ночью спать я не ложила,
А днем на место не садилася,
5 Вила вито это гнездышко,
Да строила хоромное строеньице.
Я тоё думу удумала:
Как под этим витым гнездышком
Да под хоромным строеньицем,
10 Да под косивчатым окошечком
Разведу сады зеленые;
Будут яблони кудрявые,
Будут пташечки веселые,
Будут петь да эти ташецы,
15 Да будут гуркать соловеюшки.
Так мои рожоны детушки,
Дочери бажёные
Распевать да будут песенки
Во саду да во зеленоем.
20 Видно такая мне судьба пришла,
Такое да пришло времячко:
У меня яблони сломилися,
А в саду ташки разлеталися.
У меня, у матери кукушицы,
25 Как поразошлися да поразъехалися
Дочери бажёные
Да по разным губернкам,
Не в свои да дерёвенки.
У меня есть да приосталося
30 Как одно только бажёное,
Мое дитятко рожонное
На одно на нагляженьице,
Да не в моем распоряженьице. 48

XLIX. ОПУСТЕЛИ МОИ БЕЛЫЕ ГОРЕНКИ

(Плач об одинокой доле)

- Как мне скушно, сиротинушке,
 Что опустели мои белые горенки.
 Сяду я к окошечку
 И подумаю про свое горькое горюшко,
 5 Как я отпустила своих милых детушек
 Со своего теплого гнездушка.
 А они все разлетелись
 По чужим дальним сторонущкам
 И оставили свою родную матушку
 10 При старой старости одну-одинехоньку.
 И не с кем мне придумать
 Крепкую думушку,
 И никто мне не скажет
 Ласкова слѳвечка.
 15 Пройду, бедна сиротушка,
 По своим белым горенкам,
 Нет ли где приоставши
 Моих милых детушек;
 Выйду на широкую улышку
 20 И буду замечать на ракитовых кустечках
 Серых пташечек,
 Либо принесли мне дорогую весточку,
 Письмо-белу грамоту
 От моих милых детушек. ⁴⁹

* Матвеева, Марфа Матвеевна, 73 лет, неграмотная. Живет в дер. Б. Лядинки Вейненского с/с., Гдовского р-на, Ленинградской области. Дети все живут в городе. Поэтическое чутье Матвеевой незаурядное. При слабой традиции причитаний в тех местах она создает весьма эмоциональные плачи. Несколько ее причитаний опубликовано в литографированном студенческом сборнике Филологического Факультета ЛГУ — № 1, 1937 г.

Л. ВЫ, МОИ ЯСНЫ СОКОЛЫ

(Плач после выхода сыновей из семьи)

- Вы, мои ясны соколы,
 Ведь я растила, все радовалась
 Своих лебедев белых.
 А теперь вижу, разнесчастная,
 5 Что вы покинули, побросили нас
 При этой старости глубокой.
 Теперь не придумать нам, сиротушкам,
 С моей удалой головушкой,
 Да на кого нам теперь понадеяться:
 10 Только осталась у нас доченька любимая.
 А вы, два ясных сокола,
 Пойдете по путевой дороженьке,
 Хоть зайдите на одну минуточку
 Посмотреть своих родных родителей,
 15 Да приласкайте словом ласковым.
 Теперь мы видим, сиротиночки,
 Как тяжело жить при старой старости
 Без своих милых детушек.
 Вы случитесь, два ясных сокола,
 20 И посоветуйтесь между себя, разлюбимые,
 Куда вам деть своих родных родителей.
 Так теперь вы знаете, распрятные,
 У вас растут свои милые детушки,
 Да когда они отлетят от вас, распрятные
 25 Тогда вы вспомните своих дорогих, милых
 родителей. ⁵⁰

* Гордеева, Пелагея Матвеева, гардеробщица Конструкторского техникума в Ленинграде, 60 лет. Ныне умершая.

II. ТОВАРИЩ СТАЛИН НЕ ОСТАВИТ НАС, ПОБЕДНЫХ

(Плач по мужу)

- Как сегодня дёнечком
 Получила весть нерадостну
 Как от своей от законной от семейшкн,
 Что убитая законная семейшка
- 5 У врагов земли советской,
 У злодеев супостатных.
 Я осталася, победная головушка,
 С малыма со детушкама
 (Однако стадушко гусиное,
- 10 А другое лебединое.)
 Как я стану их возвращивать
 Без родителя, без татеньки.
 Приодумаюсь, победная головушка,
 Уж я выйду на широкую на улицу,
- 15 Посмотрю я на четыре на сторонушки:
 Не летят ли эропланы златокрылые,
 Не стучат ли мотора да громогласные,
 Не везут ли там законную семейшку,
 К вам, детушки, родителя-татеньку.
- 20 Вы послушайте, рононы мои детушки,
 Мы подумаем, победные головушки,
 Что живем теперь-то мы же не по-старому.
 Хоть и нет у нас родителя-татеньки,
 Но мы на тое-то надеемся —
- 25 Мы напишем скорописчатые грамотки
 Дорогим своим товарищам,
 Многоумным головушкам,
 Мы товарищу Сталину.
 Он не бросит нас победных,
- 30 Не оставит нас раздетых
 И не оставит нас разутых.
 И мы на этом успокоимся,
 Хоть болит мое ретивое сердечушко,
 Но все надеюся, победная головушка. 61

* Ражикова, Пелагея Захаровна, колхозница из дер. Клементьевская, Сенногубского с/с., Заонежского р-на, 49 лет, грамотная.

ЕВДОКИЯ ПАВЛОВНА КОПЕЙКИНА

(Автобиография)

Отец был крестьянин в с. Пудож. Имел 6 чел. детей, 2 старушки (мама и тетя). Он работал все в лесах и на крестьянстве. И нас к тому приучали. Как весна придет, талинки пойдут он нас и поведет дров пилить, нивья готовить под лен. На полях бороновали, клочья убирали, в сенокос ходили, косили косамы, не так как теперь на машинах. На неделе на себя работаем, а в воскресенье просим: „Папа, спусти нас поработать в люди, мы хоть обновки купим“.

Зимой вместе с папой в бор свдвали. Жили в избушках. И куделю зимой пряли. Так, что нам учиться не пришлось, нас не спускали. Говорят, что нам недосуг, надо прясть. Из 6 чел. детей брат один выучился, а сестра пошла 16 лет в сиделки в больницу. Брат учился, а у самого не было ни обуви, ни одетки. Он к соседу ходил уроки читать, так что папа не давал огня ему, а весной как только талинки, так сразу босиком бежал в школу.

Я 22-х годов пошла замуж. Отец меня никак не выдавал за кого мне надоть. Я пришла, пала ему в ноги: „Папа, разреши мне замуж идти за него“. Он говорит: „уйди, а не то я тебя пну“. Братья заступились, и спустил меня. Муж у меня был хороший. Водки не пил и не ругался по деревенски. В семью я вышла, где был еще брат и невестка. Я вышла за крестьянина. У меня начали копиться дети. Накопилось 4 детей. Потом взяли мужа в солдаты. Я осталась с четырьмя детьми. Ну тут меня отделили. У нас ни одетки и не обуви не было. Начала крестьянствовать. Сама все делаю. Когда переворот сделался, то муж пришел. Пришел, дынга у него была, так что он работать не мог. Вот пошли дети в школу, сын и дочка. И тогда взрослых записывали в школу, ну мне учиться было некогда. Муж мой лежит, а я мучусь на работе. Я с дочкой и с сыном ходила жать к богатым. Меньшего мальчика потом взяли в детский сад. Это кажись было в 1926 году. Потом муж поправился, и стали жить двое. Сына приняла в Петрозаводск в Лесной техникум. Дали стипендию. А дочку в больницу взяли, в кружок РОКК. Ее потом назначили сюда в Петрозаводск, в медицинскую школу.

Скоро опять муж заболел, простудился, а после и заворот кишек в дороге из Петрозаводска сделался. По дороге и умер. Это было в 1929 году. Сын потом выучился и стал служить помощником лесничего. Жалованье было маленькое и мне помогать было нечем. Я продала одну корову, долги заплатила. Мне дали после этого паек. Сама опять все делала по хозяйству. Что делать?

Услышала, что есть такой благодетель Владимир Ильич Ленин. И вот я стала писать тов. Ленину: „Благодетель ты наших сиротам, призер“ (у меня был еще маленький мальчик). Приняли моего мальчишку в детдом, и дали обутку и одетку. Дочку выдвинули в Институт в Ленинград. А теперь спасибо дорогим вождям: жизнь пришла хорошая, веселая. Дочка теперь доктором. Сын — лесным инспектором. Последний сын кончает 9-й класс.

Кроме похоронных плачей знаю много старинных песен, все свадебные причитания и песни свадебные. Сказок знаю штук десять.

III. УЖ ТЕПЕРЬ ВРЕМЕЧКО СОВЕТСКОЕ

(Плач по мужу)

- Уж не доли-тко меня, беднушку,
 Уж как злодийная обидушка,
 Уж окаянная кручинушка,
 Уж не теките, горючи слезы,
 5 Уж со моих да со ясных очей.
 Уж по сегодняшнему дёнечку
 Уж закатилось красно солнышко.
 Уж как по утрышку по раннему
 Уж очи ясны помутилися,
 10 А резвы ноженьки сломилися:
 Уж пришла весточка нерадостна,
 Уж пришла весть да невеселая
 Со путистой со дороженьки,
 Уж как от мужа от законного,
 15 Уж как со Онегушка широкого.
 Уж захватила болесть сильная
 Уж на ретивое сердечушко,
 Болесть на сердечушко садилася,
 Дак тут смеретушка явилася,
 20 Уж во его сердце вселилася.
 Дак он пытал да смерть отказывать,
 Уж он пытал да уговаривать:
 „Уж как, злодейная смеретушка,
 Уж дай мне время не надолечко,
 25 Дак уж мне-ка съездить да, смеретушка,
 На родимую сторонушку
 Уж к рожоним малым детушкам,
 Уж мне с молодой женой проститися,
 А малым детушкам сказатися,
 30 А мне с дорожки показатися.
 Так ведь злодийная смеретушка,
 Она его да не послушала,
 Уж ему да не сказала,
 А за сердечушко ималася;
 35 Да как уж сняла да смеретушка
 Да его здох да со белых грудей,
 Уж его свет да со ясных очей

- Уж на середь Онегушка шумячего,
 Уж как на белом снежочике,
 40 Ой да на яровом ледочике.
 Уж как не видим тут мы милого,
 Уж моего мужа любимого,
 Уж как сиротны малы детушки,
 Уж я несчастна молода жена;
 45 Уж только видели несчастного
 Уж только птицы тут летучие,
 Ой только звездочки сыпучие.
 Дак привезли мужа законного
 Ой на лошадке его мертвого
 50 Ведь не во вито гнездышко,
 Ой не домой да во новóй терём,
 А привезли мужа законного
 Ой во больницы во казенные,
 Ой во больницы во приемные —
 55 Ему разрезать тело мертвое,
 Уж тело мертво, груди белые,
 Уж поглядеть да во его телах,
 А что за боль да во его грудях.
 Уж доступалась я да, беднушка,
 60 Моего мужа законного.
 Дак я с милицией ведь спозналася,
 Дак я с има ведь поругалася,
 Что отпустите-ка, пожалуста,
 Моего мужа законного
 65 Вы во витое во гнездышко
 Уж к сиротам да ведь несчастным,
 А ко мне домой, ко вдовушке.
 Дак положила мужа законного
 Уж я в домички на столички,
 70 Дак уж я села тут, беднушка,
 Уж я на ступенечки дубовые
 Уж я тут к мужу ко законному;
 Дак со моих-то со ясных очей
 Протекала речка быстрая.
 75 Так у его стала выпрашивать:
 Дак уж как мне жить нонь, беднушке,
 Уж с твоима маленькими детушкамы,
 Уж как я буду их выкармливать?
 Уж у меня голые да босые,
 80 Уж нету хлебушек выкармливать,
 Уж у мя нету золотой казны
 Уж одевать сирот несчастных,
 Уж как мне рендушки уплачивать.
 Дак мне во снях да показалося,
 85 Уж как ночью мало спалося,

- Что говорил да мне законной муж:
„ — Не плачь, жена моя несчастная,
Уж как моя головка бесталанная,
А ныне ведь времечко счастливое,
90 Уж будет время таланливое,
Уж теперь времечко советское:
Уж ты ведь сходишь, моя милая,
Уж обратят да ведь вниманьице.
Дак я от радости да проснулася,
95 Да от большой да пробудилася,
Уж я сказала малым детушкам,
Уж своему сыну бажёному:
Уж ты, дитя мое бажёное,
Сходи во лавочку торговую,
100 Купи лист бумаженьки гербовой,
А пиши-ко заявленьице
Уж ты в Москву да в управленьице
Уж дорогому вождю Ленину.
Уж попрошу я, беднушка:
105 Уж как советские правители,
А всему свету избавители,
Уж вы призрите-тко, пожалуста,
Уж как моих сирот несчастных
Уж как во школы да казенные,
110 Уж в города да вы во новые;
Да обратись товарищ Ленин-то
Уж на моих детей несчастных,
Уж дай хорошо воспитаньице,
Дай казенно содержаньице,
115 Моих детушек повыучи,
В советску жизнь да их повыведи.

* * *

- Я стала мать теперь счастливая:
Уж распекло да красно солнышко
И пригрело мать счастливую.
120 При советской нуньче жирушке
Я сижу да под окошечком
За зелеными цветочиками.
Дак как приносим благодареньице
Мы вождю да товарищу Сталину:
125 Уж вам глубокое почтеньице
Уж как за ласковы словечушки,
За больши за добры делушки. 52

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

(В первый день сватовства невеста причитывает)

- Господи, меня благослови
 Мне читать, писать, выкладывать,
 Пояснее выговаривать,
 Чтобы гул шел по всему миру,
 5 Чтобы жалость — по родителям.
 Как сегодняшним господним днем
 Уж не ясны свечи топилися,
 Уж не слезно богу молилися,
 Уж не крепкое рукобильице,
 10 Уж не слезное богомольице
 Без сердечных родителей.
 Как сегодняшним господним днем
 Выдувала огни тлящие
 Как родитель моя матушка,
 15 Эту синюю лучиненку.
 Уж эта синяя лучиненка
 У мила братца родимого
 За два года была смечена,
 Уж на третий — была ссечена
 20 И домой была приведена,
 Уж топором была расколота,
 Уж по слоям была расчипана;
 Уж у родителя у матушки
 Была в пещенке сушеная
 25 Да на грядочке дымленая,
 Уж к эту времецку пасёная.
 Уж поглядеть было невольнице,
 Во поцёсном во большом углу
 Уж там не вороны ль слетаются,
 30 Уж там не менухи съезжаются,
 Там не воины сражаются —
 Съезжаются, сражаются
 Как два свата полюбовных,
 Как два братца два крестовых,
 35 Уж продавают дорогу волю

- Младому сыну отцкому
 За бесцетну золоту казну,
 За хмельно за зелено вино.
 Уж отвернуться было девушке
 40 От поцесного больша угла,
 Стать станом да во большом углу,
 Белым лицом во пещной угъл.
 Пораздвиньтесь, люди добрые,
 Пораздвиньтесь, православные,
 45 Уж мужицкий пол стань на праву руку,
 Женский пол стань на леву руку,
 Старицки да все по привалкам,
 А вы старушки по ошестоцкам,
 А разудалы добры молодцы,
 50 Задушевные красны девушки
 Во кленовы новы сенецки,
 На сараи колесистые;
 Уж кто пьет да зелено вино,
 Кто играет в мелки карточки,
 55 Да тот к суседу на беседушку.
 Ах, дайте мистицка немножецко,
 Со одну да мостовиценку,
 Со мостинки половиноцку,
 С половиноцку, третиноцку.
 60 Уж пропустите красну девушку
 Ко кирпичной белой пещеньки
 И ко муравленому жараточку,
 Ко прикладному ошестоцку.
 Уж поспрошу, многоневольница,
 65 Уж у кирпичной белой пещеньки:
 Кто огням был выдувателем,
 Кто луцины подавателем,
 Кто свечи был зажигаелем?
 Зажигал свещу восковуу
 70 Братец, красно мое солнышко,
 Братец, мисца третиноцка,
 Братец, солнца половиноцка;
 Выдувала огни тлящие
 Хоть родитель моя матушка,
 75 Эту синюю луциненку.
 Уж кто ворот был отлажателем,
 Кто сватов был запускателем?
 Хоть моя родитель-матушка
 Была воротам отворятелем
 80 И сватам да запускателем.
 Уж не все на стени святители,
 Не все приданы родители;

- Нет кормильца-света-батюшка,
 Нет великого желаньица.
- 85 Уж порастроньтесь, люди добрые,
 Уж порастроньтесь, православные,
 Уж пропустите красну девушку
 Ко брусовой белой лавоцке
 И ко косивцату окошецку.
- 90 Уж мне-ка сись было, невольнице,
 На бросову белу лавоцку,
 Под косивцато окошецко.
 Уж у милá братца родного
 Уж как сегодняшним господним днем
- 95 Уж как свинцем лавка обливана
 Да железом обколоцена:
 Как вдоль деревца не колетса.
 Под косивцатым околицком
 До сегодняшнего дэнецка
- 100 Уж там сады были рассажены
 И виноградики поливаны;
 Как на каждой садовиненки
 По жупливой летней ташицы,
 Как на каждой виноградинки
- 105 Как по ясному по соколу.
 Как сегодняшним господним днем
 Все сады наши повянули,
 Виноградинки посохнули,
 Уж соловьи призаплекнулися,
- 110 И ташки в песнях задавилися;
 Уж от брусовой белой лавоцки
 Уж на моей на штафной юбоцке
 Все узоры помутилися,
 А на парцёвой душегреецке
- 115 Все сборки разбиралися.
 Уж я цего призапсиделася.
 И на кого принагледелася;
 От старушек-повестушецек,
 А от молодых посказушецек
- 120 Мне во потай да слов не высказать,
 За рукав его не выронить.
 Видно надо пристыдитися,
 Уж пропустить да свой зыцен голос
 По высокому по терему
- 125 И по палате грановитоей,
 Чтобы гул шел по всему миру,
 А чтобы жалость — по родителям;
 Уж мне пойти было, невольнице,
 Уж на прогул-широку улушку,

- 130 Уж мне на улушку планбвую,
 А на дорожку на почтовую.
 На прогул-широкой улушке
 Погляжу, многоневольница,
 На круглистое озерышко,
- 135 На небольшую лахтовиноцку,
 Небольшую островиноцку.
 Уж по круглистому озерышку
 Уж как идет кормилец-батюшка.
 (Уж во правой да руке тростоцка,
- 140 А во левой руке да плетоцка)
 Медной тростью он позваниват,
 Шелковá плетка помахиват.
 Ну, пойдете-жа, голубушки,
 Со прогул широкой улушки.
- 145 Уж погоди, родитель-матушка,
 Уж как сходила красна девушка
 На прогул-широку улушку,
 Уж я на улушку плановую
 И на дорожку на почтовую;
- 150 Уж поглядела я, невольница,
 Уж под восточную сторонушку,
 Там идет кормилец-батюшка,
 Уж он со бுவевки петровскойей,
 Да со могилки со родительскойей
- 155 Уж станет плетоцкой похлыстывать,
 У тебя станет выпрашивать,
 Что за что да поневолила,
 А буйну голову заботила,
 Уж ты мою да доць бажёную
 (*Обращается к матери*)
- 160 Уж где-то есть у сей невольницы
 Где родитель моя матушка,
 Где великое желаньице,
 Где слеза стоит горючая,
 Где река бежит текущая,
- 165 Где ночная богомольница,
 Где денна моя заступница?
 Уж не должна да на ногах стоять,
 Уж как должна я во ногах лежать,
 В ногах клубушком кататися,
- 170 В ногах червушком свиватися,
 Просить вечного прощеньица,
 В свою жисть благословеньица.
 Уж возношу благодареньице
 Уж я за ваше возвращеньице,
- 175 Уж хоть за нежно воспитаньице,
 За хорошо содержаньице.

- Уж вы держали меня, девушку,
 Будто крест да на белой груди,
 Будто перстень на правой руки:
- 180 Была словцем не обижена,
 Я работкой не огружена,
 Была к празднику опущена,
 На гулянье не задержана.
 Ты, родитель моя матушка,
- 185 Уж вы что за мной слышали,
 Уж худу славушку прослышали
 Аль пустославьице набаяли,
 Уж молодцы ли мной похвастали,
 Али женаты да побахвалились?
- 190 Уж вы за что волю неволили
 И буйну голову заботили
 Уж во проклятое замужество?
 Ты отдай, родитель-матушка,
 Уж во Москву отдай татарину,
- 195 А во Литву да ко боярину,
 Уж отдай в летные работницы,
 Меня в зимные коровницы
 И во недельны водоносницы,
 А не неволь бажёной волюшки.
- 200 Получи, родитель-матушка,
 Себе счетну золоту казну.
 Спаси бог тя, благодарствую
 Уж тебя, родитель-матушка.
 Дай-ко вещное прощеньице,
- 205 В мою жисть благославленьице,
 Житье-жирушку счастливую
 И житья не путосливого.
- (Обращается к брату)*
- Где-то есть у сей невольницы
 Братец, красно мое солнышко,
 210 Братец, мисеца третиноцка,
 Братец, солнца половиноцка.
 Мне-ка как назвать, девушке,
 Своего братца родимого?
 Мисецком назвать — закатится,
 215 Красным солнышком назвать — обрядится.
 Уж назову братца родимого
 Уж я sweй да воску ярого,
 Уж котора в церкви топится,
 Уж перед истинным Христом да растопляется.
- 220 Уж подойди-ко, братец — солнышко,
 Уж на одну станем мостиноцку,
 На едину перекладинку;
 Уж не убойся, не полохайся.

- Уж я не червь пльву — не бклюю,
225 Уж не река пльву — не пбтоплю,
Уж я иду, многоневольница,
Со бажёной дорогой волей,
Уж не в первых иду — в последних.
Подрацы-ка по головушке,
230 Ты погладить бажёну волюшку,
Как не выйдет ли по-старому,
Дорога воля по-прежнему.
Твои руценьки счастливые,
В руцках персыя таланливые.
235 Уж возношу благодареньице
Я за ваше возвращеньице,
Я за яствушки сахárные,
Я за питьица медовые.
Ведь у тебя, да братац-солнышко,
240 Уж я в сад была посажена,
Виноградинкой поливана;
Были цветные-то платьица,
Было вецно одеваньице,
Мне девоцке красованьице;
245 Все были добры приналажены,
Были кареты приналажены,
Была к праздницку я свожена
И на гулянья не задержана.
Уж памятуй-ко, братац-солнышко,
250 Как во летнюю во порушку
Где ходили да работали,
Где сидели да обедали,
Где спевали жалки песенки,
Потешали дорогú волю.
255 Попрошу еше, пожалуста,
Братац, красно мое солнышко,
Впереди быдь провожателем
И сзади воли-сторожателем,
А чтобы люди не обаяли,
260 И нас собаки не облаяли.
Проводите меня, девушку,
На судимую сторонущу,
Обсидите-ко, пожалуста,
Вы бросову белу лавоцку
265 И вы косивцата окошечка.
А там сусёды будто вороны,
А там сусёдки будто галицы.
*(На второй день невеста собирается ехать
к родственникам, приглашать на свадьбу)*
Где-то есть у сей невольницы
Братац, красно мое солнышко

- 270 И конно-санны управители.
 Братец, красно мое солнышко,
 Запряги-ко, братец — солнышко,
 Ворона коня не ежена,
 Новы саноцки не катаны.
- 275 Уж новы санки на сараях колесистых,
 Шелковая сбруя не держаная,
 И шелковая плеть не хлестана.
 Уж ты сходи-ка, братец-солнышко,
 Сходи в стойло лошадинное,
- 280 Во конюшенку во новую,
 Уж ты возьми-ко, братец-солнышко,
 Ворона коня не ежена,
 Уж прокати-ка меня, девушку,
 Ты по волости гульливоей,
- 285 По дёревеньке красивой,
 Ты со красныма девицама
 И со жалкима петарицама
 Уж во почесное гостебище,
 Уж ты ко крёсной меня матушке
- 290 И под крестовую бажатушку.
 Уж не сгибайся, вязова дуга,
 Не свищи-ка, шелкова плетка.
(Подъезжают к дому крестной матери)
 Путь-дорожка скороталася,
 Тут палата показалася
- 295 Восприемной крёсной матушки.
 Уж вы устойтесь, кони добрые.
 Гостя к дому придвигалася
 У перёного крылечушка.
 Уж не могу пойти, подумати
- 300 Без своей да крёсной матушки
 Во перёное крылечушко.
 Буде спит, дак побудите-тко,
 Буде в деревне — поищите-тко,
 Ко мне, девушке, пошлите-тко.
- 305 Уж до сего было, до этого,
 До сегодняшнего дёнецку
 Уж как у крёсной моей матушки
 Было двадцать две мостиноцки,
 Уж как нынецко, теперецку
- 310 Стало сорок две мостиноцки
 И едины перекладинки.
 Уж не убойтесь-ка, пожалуста,
 Уж ты, крёсна моя матушка,
 Что я пришла, принавалилася
- 315 Первым стадом гусинным,
 Другим стадом лебединным,

- Уж я со красныма девицамы,
Уж со жалкѣма петарицамы.
Уж до сего было, до этого,
320 Уж до сегодняшнего дѣнецку
Уж была гостыца унѣмана,
И кунья шубоцка скидѣвана,
Уж в нову горенку выношена
И на стопоцку повешена.
(*За столом у крѣстной матери:*)
- 325 Уж вы еште, гости, кушайте,
И меня, девушку, послушайте
Вы у крѣсной моей матушки.
Не едят гости, не кушают,
Меня, девушки, не слушают,
330 Хоть без гуся да без лебеда,
Без серби да малой утушки
И без первой да рыбки сѣмжинки,
Другой рыбки лососиночки.
Где-то есть у сей невольницы,
335 Где-то крѣсной-то есть батюшка.
Уж подойди-ка, крѣсный батюшка,
Да ко столам да ко дубовым,
Уж ты ко скатертям забранным.
Наложу, многоневольница,
340 Уж тебе службу нетяжелую,
Да я работку не ломѣую:
Уж ты сходи-ка, крѣсный батюшка,
Уж ко круглисту озерышку,
Уж ты убей-ка гуся - лебеда.
- 345 Ты возьми, желанный дядюшка,
Пистолеты зарукавные.
Гуси-лебеди на затишьи,
А серы утушки затрищи.
Уж как по моему несчастьицу,
350 Уж по большому бесталаньицу,
Уж первый раз стрелил-не выстрелил,
Другой раз не разряжались,
И пороха не загорались,
И пульки вон не выкатѣлись.
- 355 И серы утушки спугались
И с той тишинки слетались.
Я еще скажу, невольница,
Уж ты сходи, да крѣсный батюшка,
На сараи колесистые,
- 360 Там есть стопоцки тоценые,
Висят сетоцки, постромоцки;
Уж выезжай, желанный дядюшка,
Уж ты ко славному синю морю,

- Налови-ко рыбки-сёмжинки,
365 Другой рыбки-лососиночки.
Уж как по-моему несчастьицу,
Уж по-большому безталаньицу,
Уж волна на море сходилася,
А рыба на глуби бросилася,
370 В невода да не ловилася.
А еще скажу, невольница,
Уж ты купи, да крёсный батюшка,
Уж ты писанного пряницца,
Уж садового ведь яблоцца.
375 И хмельного зелена вина.
Как по моему несчастьицу,
Уж по большому безталаньицу,
Уж чумаки не пригодилися,
И кабаки не отворилися,
380 Сладким пряницкам продажи нет,
И кудрява яблонь вызябла.
Уж почитайте-ка, голубушки,
Уж вы овсяницки за пряницки,
Мягкий хлебец за калацки.
385 Уж я наелась и напилася,
В большом мисте насиделася,
Чайной чашкой назвонилася
И с пирожка съела начиницу,
Со калитицки ощипоцки.
390 Уж возношу благодареньице
За хорошо угощеньице
И за ваше приглашеньице,
Что вы меня не побоялися,
Мной ведь, девкой, не гнушались.
395 Уж ты справляйся-ко, пожалуста,
Уж ты, крёсна моя матушка,
Уж на слезливу мою свадебку,
Уж на слезное пированьице,
На косное расплетаньице.
400 Уж попевала крёсна матушка
Ко купели ко святой воды,
Ты поспей-ка, крёсна матушка,
Уж ко разлуки дорогой воли.
Уж будут дни-то несчастливые,
405 Будут дни-то покостливые,
Уж будут братьица разбойницки,
Будут родимы поддорожницки;
Они налетят по-солдатскому,
А брать будут волю по-бурлацкому,
410 Так заступя-ка, крёсна матушка,

За бажёну дорогú волю́,
За душевну красну девушку.

*(Невеста, если у нее умер отец,
едет на его могилу)*

Где-то есть у подневольницы
Конно-санны управители.

415 Уж вы справьтесь-ка, пожалуста,
Уж вы сведите меня, девушку,
Уж вы на буевку петровскую,
На могилку на родительскую,
Уж вы к кормильцу-свету-батюшку,

420 Уж ко великому желаньицу.
Уж ты, родитель моя матушка,
Уж я съезжу, так повывозу,
Да я с сырой земли повывыдну
Своего кормильца-батюшка.

425 Уж как сегодняшним господним днем
Вставала утришком ранешенько,
Уж умывалася белешенько,
Поглядела, красна девушка,
Под восточную сторонушку.

430 С подвосточной под сторонушки,
Уж оттуль летит птичка вещая,
Крылья-перышка расправила,
Мне в околелку ударила:

„Ты, сирота многопобедная,
435 Уж безотцова дочка, матерна,
Как сегодняшним господним днем
Естя грешницкам прощеньице,
С того свету распущеньице“.

Так ты лети, бажёна волюшка,
440 Пади червем во сыру землю
И пади в землю червотоцинкой,
Ты садись, бажёна волюшка,
К моему кормильцу-батюшку
На ретивое сердцушко,

445 Ты зови да низко кланяйся.

(Плачет на мошле:)

Уж не цасто сюда ходится,
Уж как редко сюда ездится.
Проторись, да путь-дороженька,
Уж ты по матушке-сырой земле,
450 По шелковóй муравой траве.
Уж зараслася путь-дороженька,
Уж она ельницком, березницком,
Частым мелким олешницком.
Булань-травоньку повытопцу

- 455 И путь-дороженьку павычишу,
Уж я березницки повырублю,
Я олешницки повыломлю.
Уж вы завийте, ветры буйные,
Разнесите мать-сыру землю;
- 460 Раскатитесь, мелки камешки,
Пораздвинься, мать-сыра земля,
И покажись мне, гробова доска,
Уж мне его да тело мертвое,
Тело мертво, лицо бледное.
- 465 Уж не воздвинул ли ведь господи
В белы руденьки движеньице,
А во уста да говореньице,
В резвы ноженьки хоженъице
И в ясны очушки гляженъице.
- 470 Уж ты послушай-ко, пожалуста,
Уж ты своим да телом мертвым,
Я приехала, пожалилась,
На свою родитель-матушку:
После тебя, кормилец-батюшка,
- 475 Уж я работушкой огружена,
Я словцушком обижена.
Уж у родителя, у матушки
Уж мне работка не по силушке,
Мне мысли не по головушке.
- 480 Как силом волю обсила,ла,
Видно круто призаспешилася
И круто богу помолилася.
Уж ты справляйся-ко, пожалуста,
Уж ты, кормилец ты мой батюшка,
- 485 Уж на мою слезливу свадебку,
Уж на слезное пированъице,
На косное растанванъице.
Уж это время не векбвое,
Это времецко часбвое,
- 490 Уж час по часоцку коротається,
День по вечеру трогается,
А воля в лапти обувається,
А воля в шубу надевається,
И от меня воля справляється.
- 495 Уж не сердитесь-ко, пожалуста,
Что вы не были приазваны,
Что вы не были заповещены
На совет, на думу крепкую,
На крепкобе рукобитъице,
- 500 Уж на слезное богомольице.
Так поедемте, пожалуста,
Уж ко коснбму расплетанъицу,

- Уж ко тошнóму раставаньциу.
 Уж я поехала, похвастала,
 505 Я пошла да побахвалила
 Всему роду, всему племени,
 Да я своей родитель-матушке,
 Что я съезжу так повызову
 Да с сырой земли повыздыму.
 510 Уж видно век тоё не водится,
 С мертвого живой не родится
 Да с погоста не воротится.
 Уж не могу разбаить, беднушка,
 Своего кормильца-батюшка.
 515 Уж у моего кормильца-батюшка
 Уж со укладу сердце складено,
 Со железа брюшко сковано:
 Уж нету в руценьках маханьца,
 Нету в ноженьках хоженьца,
 520 Уж не в устах да говореньца.

*(Утром невесту будят девушки
или крестная мать:)*

- Буде спать да выспатися,
 Пора встать да пробуждатися,
 Со крепка сна прохватитися.
 По фатеркам пещы топятся,
 525 По сараям петухи поют,
 По церквям да богу молятся,
 По часовенькам спасаются.
 Ты вставай, моя голубушка,
 На сегодняшний господний день
 530 Ты умой да лицко белое
 Тонколённым полотенушком,
 Ты — холодной ключевой водой,
 Вымой ржав да со белá лица,
 Вымой синь да с под ясных оцей:
 535 Как сегодняшним господним днем
 На тебя будут поглядывать,
 На тебя будут посматривать.

(Невеста отвечая плачет:)

- Мне повыстать было, девушке,
 Со кровати со кленовой,
 540 Со перины со пуховой.
 Где-то есть у сей невольницы
 Где родитель, моя матушка,
 Где великое желаньце.
 Ты скажи, родитель-матушка,
 545 Уж это что у вас завéдено,
 Уж это что у вас повéдено?

- Как сегодняшним господним днем
Уж естя бабушке поминочки,
Естя дедушке годиночки
- 550 Али моему тут ведь ангелу,
Что пирожки да тут с заплатками,
Да тут калитки с поднаставками?
Сама знаю, сама ведаю,
Дождается, пожалуста,
- 555 Как родитель, моя матушка
Как злодея свата бдльшого,
Младогб сына отецкого
Со своим со славным поездом.
Уж как моя родитель-матушка,
- 560 Уж подойди-ка ты, пожалуста,
Ко кровати ко кленовой,
Ко перине ко пуховой,
Задушевной красной девушке.
Мне все спалось, много виделось,
- 565 Мне во сне много казалось.
Мимо моей резвой ноженьки
Протекала рецка быстрая,
Мимо моего-то сголовица
Прорастали леса темные;
- 570 Стоит маленька избущецка,
Долотом двери продолблены,
Решетом свету nanoшено.
Как во этой во избущецке,
Во пощесном большом углу
- 575 Сидит зверь да на рогатине,
На кирпичной белой пеценьке,
Там орел да со орлятамы,
На прикладном ошестоцке,
Там орлица со орлятамы,
- 580 А осередь этой избущецки
Стоит белая березынька,
От дождя да уливается,
Да от ветрышка шатается.
Где-то есть у сей невольницы,
- 585 Братец, красно мое солнышко.
Уж вы съездите, пожалуста,
За Осипом Прекрасным,
За сонным да рассудителем,
Пусть-ка он за сон порбссудит,
- 590 Да пусть родителям порбсскажет.
Вы не едьте-ка, пожалуста,
Вы за Осипом Прекрасным,
За сонным за рассудителем —
Я сама да сон порбссужу.

- 595 Эта маленька избушецка —
Судимая сторонушка;
Уж на кирпичной белой печеньке
Не орел да со орлятамы —
Там ведь свекор со деверьямы;
600 На прикладистом ошесточке
Не орлица со орлятамы,
А свекрова со золовкамы;
И во почёсном, во большом углу
Не медведь да на рогатине —
605 Там сидит чуж да млад отецкий сын;
Уж тут не белая березынька —
Я слезами умываюся,
А я обидой наедаюся.
Уж вы подайте-ка, пожалуста,
610 Вы — холодной ключевой воды.
Это водушка со хитростью:
Уж я не буду мыться, девушка.
Нет-ли в роду-племени
Глупа мала недоростоцка
615 Подать холодной ключевой воды?
Эта водушка без хитрости,
Эта водушка без мудрости:
Можно вымыть лицко белое.
Уж вы дайте-ко, пожалуста,
620 Тонколянно полотенушко,
Вы подайте-ко, пожалуста,
Цветны верхны белы платица.

*(Невеста благодарит девушек,
которые топили баню:)*

- Спаси бог да благодарствует
Уж вы, баенны истопщицы,
625 Ключевой воды износчики.
Вы стопили парну баенку,
Что вы мной да не гнушались,
Моей волей не ломались.
Это время не векбвое,
630 Это времецко часбвое,
Час к часоцку коротається,
А день ко вечеру трогается.
Уж ты дай, родитель-матушка,
Дай-ко венички шелковые,
635 Дай тазы да золоценые,
Провожатого толкового,
Грамотея размышленного,
Чтобы люди не обаяли,
Да собаки не облаяли.

- 640 Положить да руцку правую
 Мне на тягу золоценую,
 На кузло на питенбургское,
 На железо вытегорское.
 Ты устойся, дверь дубовая,
- 645 Уж ты на петелках шелковых,
 На пятницáх на шеломченньих,
 Ты об стенку о тесовую.
 Уж идут трудники-работники,
 Парны баенни истопницы.
- (Девушки - истопницы отвечают:)*
- 650 Мы топили парну баенку
 Не дровама не жаровымы,
 Растопляли парну баенку
 Не луцинкой не сосновою,
 Как топили парну баенку
- 655 Уж мы той да деревиноцкой,
 Как котора деревиноцка
 Тридцать лет в море каталася,
 Ровно столько по желтым пескам.
 Мы пилой ее псвыпилим,
- 660 Топором мелко повыколем.
 Мы носили ключеву воду
 Как с двенадцати колодецков:
 Как со первого колодецка —
 С подугольного озерышка,
- 665 Как со дрúгого колодецка —
 Со шумливого Онегушка,
 Как четвертого колодецка —
 С ручеечка с подземельного,
 Как со пятого колодецка —
- 670 Со лесового озерушка,
 Как со шестого колодецка —
 С руцейка с подземельного,
 Со седьмого со колодецка —
 Со Медведь реки, Медведь река.
- 675 Как со вóсьмого колодецка —
 От Ильи, пророка божьего,
 Как с девятого колодецка —
 От Николы богородицы,
 Как с десятого колодецка —
- 680 Со Макарья, со желтых песков,
 Как с одиннадцата колодецка —
 Как с Престольной богородицы,
 Как с двенадцата колодецка —
 Где Исус Христос копається.
- 685 Эта водушка без хитрости,
 Эта водушка без мудрости.

- Как от баенки до горенки
 Сланы сукна одноканнне.
 Там есть лавоцки торговые,
 690 Есть товарицки молбдые,
 Там товары есть дешевые.
 Ты во-перву войди лавоцку,
 Возьми мыльа с умывальями,
 Ты в-другу войди лавоцку,
 695 Возьми тазы да золоценые,
 Ты во-третью зайди лавоцку,
 Возьми белила со румянами,
 Ты во-перву зайди церковку —
 Твои пелены шелковые,
 700 Во-другу зайди церковку,
 Став-ка свеценьку рублевую,
 Ты во-третью зайди церковку,
 Кладь поклон да понизехонек,
 Чтобы Господи помиловал
 705 И млада сына отецкого —
 Мимо эту парну баенку.
 Пошла вскопать кониная,
 Прошла ступь да лошадиная,
 Проезжал да млад отецкий сын
 710 Со своим со славным поездом,
 Говорил мне таковы слова:
 „Здравствуй, баенна истопница,
 Лебедь бела-водоносница,
 Нет ли девки на выд́аваньи,
 715 Нет ли воли на прод́аваньи?“
 Я стояла, не боялася,
 Отвещала, не стыдилася:
 Нету девки на выд́аваньи
 Да нету воли на прод́аваньи.
 720 Он давал за дорогú волю,
 Давал Питер со бурлакамы,
 Давал Кронштадт да со солдатамы.
 Как у нашей красной девушки
 Как в бурлакушки не спущены,
 725 Во солдаты не отправлены.
 Уж он того да не пытается,
 Другой разик приезжася.
 Он давал за дорогú волю
 Сорок ведер зелена вина,
 730 Ровно столько пива пьяного,
 Втрое, вдвое меду сладкого.
 Я стояла, не боялася,
 Отвещала, не стыдилася,
 В устах рець не замешалася:

- 735 Как у нашей красной девушки
 Нет дураков, нету мошенников
 Зеленым вином упаивать,
 Сладким медом уговаривать.
 Он того и не пытается,
- 740 Третий разик приезжается.
 Он давал за дорогу волю
 Десять бочек злата, серебра,
 Ровно столько скатна жемчуга.
 Я стояла, не стыдилася,
- 745 Отвещала, не боялася;
 Как у нашей красной девушки
 Много злата, много серебра,
 Много бесценной золотой казны:
 Серебро гребут лопатамы,
- 750 Медь-то черпают маленькамы,
 На худых местах мосты мостят,
 А на худых дворах тыны тынят,
 Так нету девки на выдаваньи.
 Ты маном ее не выманишь,
- 755 Да ты на денежки не выкупишь.

*(В бане девушка, обращаясь
 к невесте, причитывает)*

- Ты на перво кладь окошечко
 Клади мыльа с умываньямы,
 А на друго кладь окошечко
 Ты белила со румянамы,
- 760 А на третье кладь окошечко,
 Ты бажёну дорогу волю;
 Ты на перву клади лавоцку
 С себя верхню цветно платъице,
 А на другу клади лавоцку
- 765 Свои венички шелкóвые,
 А на третью садись лавоцку,
 Ты сама садись, голубушка,
 Клади тазы да золоценые,
 Возьми холодну ключеву воду,
- 770 Ты умой да лицко белое,
 И бажёну дорогу волю.

(Невеста, отвечая, причитывает)

- Возношу благодареньице,
 Что вы стопили парну баенку,
 Вы носили ключеву воду,
- 775 Уж вы мной да не ломалися,
 А моей волей не гнушались.

*(В день свадьбы приезжает жених.
Невеста в сенях причитывает)*

- Наставала туца темная,
Туца темная, страховитая,
По горам туца катилася—
780 Горы на двое двоилися,
По лесам туца катилася—
Леса с корешков валялися,
По Онегушкам катилася—
Волна на море сходилася;
785 Наставала туца темная
Как на батюшков высок терем,
Как на матушкину горницу,
На братьев колесист сарай,
Как на младу на головушку,
790 А на мою бажёну волюшку.
Туца на трое третилося.
Как со первой со третиночки
Выпадала три дождиночки,
Со дрúгой со третиночки
795 Выпадала три градиночки,
Как со третьей со третиночки
Выпалили три снежиночки.
Как первые градиночки—
На младу на головушку,
800 На мою бажёну волюшку,
Уж как других три дождиночки—
На мою на штофну юбоцку,
Третьи-то снежиночки—
На парцеву душегреецку.
805 Ты постой-ка, млад отецкий сын,
Ты хаим да не нанашивай,
Ты силом да не насиливай,
У меня свой дом да своя воля,
Уж я у своих родителей.
810 Ты рублем да хошь во дом зайди,
Ты полтинкой во строеньице;
Уж я девушка небедная,
Люблю денежки не медные,
Уж я девушка середняя,
815 Люблю денежки серебрянны,
Уж я девушка разважная,
Люблю денежки бумажные.
Погоди-ка, млад отецкий сын,
Ты казной да не покидывай
820 Да деньгамы не похвастьявай,
Ты постой-ка, млад отецкий сын,
На перёном на крылецушке

- Со своим со славным поездом,
За столами за дубовыми.
825 Там столы есте поставлены,
Да естя скатерти налажены.
Если за волюшку имаешься,
Дак тут с кошелецком спознаешься.
Моя воля не дешевая,
830 Моя воля сторублевая,
Сторублева воля, тысяцна.
Погодите-ка, пожалуста,
Вы, сердечные родители.
Уж у ворот да постучались,
835 Ко мне в дом да подавались.
Откажите-ка, пожалуста,
Младого сына отецкого
И его круга княженецкого.
Они приехали, прихвастали,
840 Они пришли да прибахвалили:
„Уж у млада сына отецкого
Много злата, много серебра,
Много бесценной золотой казны,
Много есть да пива пьяного,
845 Много есть да меду сладкого.
*(Гости садятся за столы, невеста
идет к „смотрины“)*
Поглядеть было невольнице
Кто сидит за дубовым столом.
Сидит чуж да млад отецкий сын
Уж со своим со славным поездом,
850 Сидят брюзгушки - головушки.
Уж вы станьте, брюзги, на ноги,
Расскажите-ко, пожалуста,
Уж про млада сына отецкого,
Уж не пьет ли зеленое вино,
855 Он играет ли в мелки карточки.
Уж ты гляди-ка, млад отецкий сын,
Гляди вточь да во бело лицо,
Гляди впрямь да во ясны оцы,
Что б вопредь тебе не каяться,
860 Людям, братьницам не жалиться,
Что женитьба не удачлива,
Молода жена невзрачлива,
На походецку не ступоцка,
На поклонцики не плетоцка,
865 На рець-басни не учливая.
Я на лицко некрасивая,
Тонкоруцка, не работницка,
Белоножка, не коровница.

- Уж отвернуться было девушке
 870 От стола да от дубового,
 Мне от скатертей забранных.
 Уж на таком страху не бывано,
 Уж такого страху не видано.
 На страху да настоялася,
 875 Такой страсти набоялася.
 Уж от его взгляду немилого
 Оцы ясны помутилися,
 От его вздоху тяжелого
 Уж резвы ноженьки сломилися.
- 880 Где-то есть у сей невольницы
 Где удалы добры молодцы,
 Где душевны красны девушки,
 Где ведь сродцы мои, сроднищки.
 Поглядите-ко, пожалуста,
 885 Кто сидит за дубовым столом:
 Уж сидит страсть да неудольная,
 Тут собака поддорожная.
 Белота взята из пыльницка,
 Чистота да с подошестоцка.
- 890 На его буйной головушке
 Волоса да по-цыганскому,
 Голова да по-бурлацкому.
 Уж отвернуться было девушке
 Уж ко столам да ко дубовым,
 895 Уж стать станом да во печьной угол,
 Белым лициком — во большой угол;
 Уж похвалить да было девушке
 Младого сына отецкого
 Для предбудущего времецка,
- 900 Для замаха для высокого,
 Для удару для тяжелого
 И для взгляду не веселого,
 Для предбудущего времецки.
 Если буду богом сужена
- 905 И потом дьяком повенцана,
 В божьей церкви обзаконена,
 Так припомнят мне-ка, девушке,
 На судимой на сторонушке.

(Плач невесты при передаче „воли“)

- Уж подходите-ко, пожалуста,
 910 К задушевной красной девушке,
 Ко косному расплеганьицу,
 Ко печному расставаньицу.
 Я кладу бажёну волюшку,
 Кладу ножецки булавные

- 915 И иголючки колющие,
О млáду о головушку
Проведу да рецку быстрюю.
Уж не имайтесь-ко, пожалуста,
За мою за дорогу волю.
- 920 Первый разик изымаетесь, —
Вы разрежете ведь руценьки,
А другой разик измааетесь,
Так наколешь руцки белые,
Третий разик изымаетесь,
- 925 Так потонешь в рецке быстройей.
Уж как сегодняшним господним днем
Стали братьица разбойнички
Да родимы поддорожнички:
Грабежем волю ограбили
- 930 Да силом волю обсилили,
Меня без волюшки оставили,
Уж приставили голубушку,
Будто житьице обжатое,
Будто репище оборвано,
- 935 Как бела лебедь изымана,
Будто утушка подстрелена.
Вы пойдете-ка, голубушки,
Задушевные красны девушки,
На прогул—широку улушку,
- 940 Уж я пошлю бажёну волюшку
На все цетыре стороны:
Я под первую сторонушку—
Я под сивирик холодную,
Так я пошлю бажёну волюшку
- 945 Под восточную сторонушку,
Я пошлю бажёну волюшку
Под полуденну сторонушку,
Я пошлю бажёну волюшку
Я ко солнышку в беседышку,
- 950 Ко лунам на утешеньице,
Ко звездам на погляженьице.
Я не ладно, девка, сдумала,
Я не хорошо примыслила,
Я не место воле прибрала;
- 955 Как улетит дорога воля
За славно сине море.
Вы пойдете-ка, голубушки,
Со прогул — широкой улушки.
Уж пропустите-ка, пожалуста,
- 960 Ко столам да ко дубовым,
Ко скатертям забранным.
Я кладу бажёну волюшку

- На пресвятую богородицу,
 Чтобы господи помиловал
 965 Как млада сына отецкого;
 Уж я возьму бажёну волюшку
 Я во правую во руценьку,
 Я кладу бажёну волюшку
 На бросову белу лавоцку.
- 970 Уж вы под порог ю не спашите-тко,
 И вы в смятьях не вынесите-ко
 Под порог в место тряпинецки
 Уж вы на двор вместо грязиноцки.
 Уж я возьму бажёну волюшку
 975 Я во правую руценьку.
 Уж обломаю воли крылышка,
 Я общиплю да воли перышки,
 Чтоб не летела дорогá воля
 Как от младой головушки,
- 980 А от душевной красной девушки;
 Я кладу бажёну волюшку
 На столы да на дубовые,
 Я на скатерти забранные.
 Наедайся воля досыти,
- 985 А напивайся воля допьяна
 Покуль свой дом да своя воля
 Покуль у своих родителей.
 Ох-ти мне, мне-ка тошнехонько,
 Мне горазно обиднехонько.
- 990 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Ты по лавоцке трогáешься
 И сам за волюшку имаешься,
 Ты кошелецком спознаешься.
 Моя воля не дешевая,
- 995 Моя воля сторублевая.
 Вы возьмите-ко, пожалуста,
 Младого сына отецкого
 За стола да уведите-ка,
 Да руки, ноги вы свяжите-ка,
- 1000 А мою волю отоймите-ка.
 Отвернуться было девушке
 От столов да от дубовых.
 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Ты отдай бажёну волюшку,
- 1005 Стану звать тебя по имяцки,
 Взвелицать да по изотцинки,
 Стану свекрушка звать батюшка,
 Стану свекрушку звать матушку,
 Ты отдай бажёну волюшку.

- 1010 Уж он клал бажёну волюшку
Уж во пазухи широкие,
Уж во карманы во глубокие.
Вы возьмите-ка, пожалуста,
Младогó сына отецкого
- 1015 За желтые да за кудерышка,
За стола ю уведите-ка
Во подвалы во холодные,
Во подпольица во темные.
Уж отвернуться было девушке
- 1020 Ко столам да ко дубовым
И ко скатертям забранным,
Хоть того боле стыдитесь,
Видно надо покоритесь.

*(Называет жениха по имени.
Жених отдаёт „волю“)*

- Ты лукав, а я лукавее:
1025 Обманула, облукавила.
Поди к черту, поди к лешему,
Я не буду звать по имяцки,
А взвелицать да по изотценки.
Где-то есть у сей невольницы
- 1030 Где родитель моя матушка.
Ты клади бажёну волюшку
Ты во правую во пазушку.
Да не ладно девка сдумала:
Стала матушка старешенька,
- 1035 Поясок носить слабешенько,
Так потерят бажёну волюшку,
Так полетит дорогá воля
За славное синё морё,
Во церкви да во соборные,
- 1040 А во главы божьи священные.
Там молить волю, не вымолить,
Нам на денежки не выкупить.

**ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
СВАТОВСТВА**

- Благослови-тко, боже господи,
Причитать меня, укладывать,
Погромчее выговаривать.
Ты бежи-тко, мой зыцен голос,
5 Со устов да серым заюшком,
Со язычка горносталюшком
По пути да по дороженьки;
Ты не стой-ко, мой зыцен голос,
Ты у рек за переходамы,
10 У ручьев за перебродамы,
У полей за огородами,
А ты бежи-тко, мой зыцен голос,
Во церковь во соборную,
Там ударь-ка во большой колокол,
15 Чтобы шел звон по Русиюшки,
Шла бы жалость по знакомым,
Чтобы знали люди, ведали,
Что я девушка просватаная,
Моя воля обневолена,
20 Нунь головка обзабоцена.
Клали волюшку в неволюшку
Да сердечко в попецьнице.
Отвернуться красной девушке
Во поцетный во большой угол,
25 Там на стенку на лицовую.
На икону золоцовую.
Там светло светит топилице,
Там слезно богу молился.
Я глядела, красна девушка,
30 Я на стенку на лицовую,
Будто вороны слеталися,
А там два сватá съезжалися,
И там родной кормилец-батюшка
Пропивает мою волюшку.
35 Я спрошу, девка невольница,
У кирпичной белой пеценьки:

- Ты, кирпична печька белая,
Говори, не заговаривай,
Расскажи мне, не затаивай.
- 40 Среди да ноцки темной
Кто огню был выдувателем,
Кто луцинки подавателем,
Кто светилу зажигателем?
Сама знаю, девка ведаю,
- 45 У добротушка у матушки
Хорошо печька замазана,
Она крепко приказана:
Не расскажет мне-ка, девушке;
Сама знаю, сама ведаю,
- 50 Самой можно догадаться —
Выдувала огни тлящие
Доброта — родитель-матушка,
Подавал-то луцинушку
Братец, красное мое солнышко.
- 55 Как у милá брата родимого
Была эта луцининка
На болоте была ссечена,
За три года была смечена,
По мелку́ была расколота,
- 60 По часту́ была расщипана,
На собаке домой вожена,
На трех грядоцках дымленая,
Во трех пеценьках сушеная,
К этой свадебке пасеная.
- 65 Зажигал да воскову́ свецу
Мой родной кормилец-батюшка.
Я пойду, да красна девушка,
На бросову белу лавоцку,
Под косивцато окошецко.
- 70 Как на бросовой белой лавоцке
По сегодняшнему дёнецку
У сердечных родителей
Надо мной нунь что случилось,
В доме все переменялось,
- 75 По мне окошко запецаилось,
Все стеколка затуманились:
Не видать да свету белого
Под косивцатым окошецком.
Там была уличка плановая,
- 80 Там площадки сторублевые,
Там сады были зеленые,
Были яблони лазуревы,
Распевали птички-ташецки,
Там жупили соловеюшки

- 85 У меня, у красной девушки,
Потешали мою волюшку.
А по сегодняшнему дёнецку
В саду яблони повянули,
В саду вишенки поблекнули.
- 90 Захлебнулись птички-ташецки,
Задавились соловейшки.
Ох-ти мнешенько тошнешенько.
Верно мне, да красной девушке,
Мне одной думы не выдумать,
- 95 Во пот'яй рецей не высказать.
Подо мной, под красной девушкой,
Нонько вдоль доска не ломится,
Поперек доска не колетя.
Надо выстать красной девушке,
- 100 Стать на резвые на ноженьки,
На сафьяные сапоженьки.

(Обращается к отцу)

- Где-то есть у мяя, у девушки,
Где родной кормилец-батюшка?
В доме нет, так поищите-тко,
105 Во деревне поищите-тко,
Ко мне, к девушке, пошлите-тко.
Вы, родной кормилец-батюшка,
Допустите красну девушку
Не в-первых мяя, в последних
- 110 Со бажёной вольной волюшкой.
Не должна я на ногах стоять,
Должна девушка в ногах лежать,
Должна клубушком кататися,
Должна червушком свиватися,
- 115 До желанья добиватися.
Ты, родной кормилец-батюшка,
Пожалей-ка мяя, девушку,
Ты мою бажёну волюшку,
Я ведь дочь твоя бажёная,
- 120 Твоя дочь была любимая.
Ты родной кормилец-батюшка,
Я за ваше возвращеньице
Отнесу благодареньице.
Ты держал да мяя, девушку,
- 125 Во прекрасном во девочестве,
Будто крест да на белой груди,
Будто перстень на правой руки.
У кормильца—света-батюшки
Была словцом не огрублена,
- 130 Я работкой не огружена,

- На гулянье не задержана,
Что во праздницках годовых,
Воскресеньицах христовых
Были конюшки запряжены
- 135 И извозщицки налажены.
Вот, родной кормилец-батюшка,
Не прошу я, красна девушка,
Не судимую сторонушку,
Я не на поле долиноцки,
- 140 Я не в доме половиноцки,
Только, родной кормилец-батюшка,
Наделите меня, девушку,
На судимую сторонушку
Вы таланом меня, участью,
- 145 Вы господней божьей милостью.
Как, родной кормилец-батюшка,
Ты веди обидну свадьбку
Ты чесно да свадьбу имянно.
(Обращается к матери)
- Где-то есть еще у девушки
- 150 Где родитель, моя матушка,
Тепла права моя пазушка,
Где денна моя заступница,
Где ночная богомольница.
Она ночь богу молилася,
- 155 Днем от ветру становилася—
Буйны ветрышки не веяли,
Добры людишки не баяли
Про меня, про красну девушку.
Ох-ти мнешенько тошнешенько,
- 160 Мне-ка жаль воли тошнешенько,
Жаль гораздо обиднешенько.
Ты, родитель, моя матушка,
Наклонись ко мне низешенько,
Подойди ко мне близешенько,
- 165 Обними меня крепешенько.
Будет жаль тебе тошнешенько,
Я ведь дочь твоя родимая.
Что, родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
- 170 Не сердитесь-ка, не гневайтесь
На меня, на красну девушку,
Не губите мою волюшку.
Ножкой левой проступилася,
Ручкой правой промахнулася,
- 175 Девка богу помолилася
Во проклятое замужство.
Я пошла, потом схватилася.

Как, родитель, моя матушка,
Во прекрасном девочестве
180 Ты держала меня, девушку,
Будто гостейку во горнице,
Будто ташецу во клеточке.

НЕВЕСТА РАССКАЗЫВАЕТ „СОН“ УТРОМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

- Будет спать, не высыпаются,
Надо встать, да пробуждаться.
По сегодняшнему дёнецку,
Среди до ноцки темной
- 5 Подневольна красна девушка
Мало спала, много видела.
Мне ночесь во сне казалось,
Будто я, да молодешенька,
В темном лесе одиношенька,
- 10 В темном лесе я, во ельницке,
Я со ельницка в березницек,
Я с березницка в осинницек
Подневольна красна девушка.
В этом горьком осинницку
- 15 Стоит маленька избушецка,
Небольшая фатерушецка.
Долотом двери продолблены,
Там сверлом окна просверлены,
Решетом свету наношено.
- 20 Я зашла тут, красна девушка,
В эту маленьку избушецку,
У порога там на лавоцке
Там орел да со орлятамы,
Во печьном углу на лавоцке
- 25 Там волцыха со волцатамы,
Во поцетном во большом углу
Там зима стоит холодная
Со крещенским морозама,
Леса темны все вилавые.
- 30 Запугало красну девушку.
Я проснулася, невольница,
Да где-то есть у мя, у беднушки,
Братец, красно мое солнышко.
Ты возьми-ка, братец-солнышко,
- 35 Ворона коня не езжена,
Плетку нову не освистану,
Съездите, пожалуста,
Вы за Осипом Прекрасным,
За сонным да рассудителем,

- 40 Добрым людям рассказителем.
Вы, мои да сродцы-сроднишки,
Вы, сердечные родители,
Вы, подружки мои милые,
Задушевно красны девушки,
45 Становитесь ко головушке,
Вы кругом да меня, около.
Я сама вам сон порóссужу,
В добры людишки порóсскажу:
Эта маленька избушецка,
50 Небольшая фатерушецка,
Там судимая сторонушка,
Она темная, угрюмая;
У порога там на лавоцке
Не орел там со орлятама,
55 А свекор со деверьяма;
А во печном углу на лавоцке
Не волдица со волцатама,
А там свекрова со золовкама;
А во поцетном во большом углу
60 Не зима стоит холодная,
А там млад отецкий сын,
Там не лесушки вилавые,
А живут людишки лукавые
На судимой на сторонушке.

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ ПРИ ВСТРЕЧЕ ЖЕНИХА В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

- Наставала туцка темная,
Туца темна страховитая,
Со громом-то, частой молнией,
Со великой божьей милостью.
- 5 По морям туцка катилася,
Там вода с песком смутилася,
Рыба ко дну обрядилася;
По лесам туца катилася,—
Леса с корнюшка ломилися.
- 10 Раскатилась туца темная
На две, на три половиночки,
На четыре на градиночки.
Первая пала градиночка,
Что ль на батюшков высок терем,
- 15 Что другая градиночка
На матушкину горницу,
Третья градиночка
На братьев колесист сарай,
А четвертая градиночка
- 20 На меня, на красну девушку,
На мою буйну головушку,
На мою бажёну волюшку.
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Вы, злодеи-сваты большие,
- 25 Вы послушайте, пожалуста,
Ведь у меня, у красной девушки,
У сердечных родителей,
У милых братьев родимых
Была улицка плановая,
- 30 Там дороженька почтовая,
У нас площадка сторублевая,
Там сады были зеленые;
Уж вы, чуж да млад отецкий сын,
Прогонили вы, проехали
- 35 Со хоронным своим поездом,
Со молодыма со вершникам,
Вы побили путь дороженьку,
Вы посмяли шелкову траву,

Доломали в саду яблони,
40 Пошипали в саду яблоки.
Дак вы, злодеи-сваты большие,
Вы за девушку имаетесь,
Да знать с кошелюком спознаетесь,
С золотой казной считается.

(Жених подносит деньги)

45 Чуж да млад отецкий сын,
Я ведь девушка не бедная,
Не беру я денег медных,
Я ведь девушка середняя,
Мне наб денежек серебряных,
50 Я девушка разважная,
Надо денежки бумажные.
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Не ходи-тко, не нахалуйся
Вы во батюшков высок терем.
55 Ты деньгамы не откупишься,
Ты словама не откажешься.
Ведь у меня, у красной девушки,
У кормильца-света-батюшки
Много злата, много серебра —
60 Богачища непомерные.
На родимой на сторонушке
Мне-ка с меди не мосты мостить,
С серебра мне не плоты плотить,
Мне бумажкамы не кровли крыть.
65 У кормильца-света-батюшка,
У нас медь роют лопатама,
Серебро роют маленкама,
Кровли кутают бумажкама.

(Жених заходит в коридор)

Подождите, не нахалуйте
70 Вы, злодеи-сваты большие,
Чужда млад отецкий сын,
Без доклада в новы сені,
Без допросу в нашу горницу.
У мя у батюшка не спрошена,
75 У мя матушки не сказана
Запустить гостей любимых
Во любимое гостебище.

(Гости и жених сидят за столом. Невеста подходит к жениху и причитывает)

Порастроньтесь, люди добрые,
Порастроньтесь, православные,

- 80 Дайте мѣстѣцка немощецко,
На одну дайте мостиненку,
На едину перекладинку.
Мне пройти бы, всей невольнице,
Ко столу да ко дубовому,
85 Ко князю да ко молѳдому.
Бью челом да низко кланяюсь
Всему кругу молодецкому,
9 Поезду да княженецкому,
Младому сыну отецкому,
90 Я первой брюзги в особину.
Ты, брюзга да княженецкая,
Брюзга навлась, накупалася,
Брюзга богом увещалася,
Брюзга врать не собиралася.
95 Ах ты, брюзга да княженецкая,
Протопопша ты вытегорская,
Ты, купчиха новгородская,
Госпожа брюзга, боярыня,
Настояща брюзга барыня.
100 Ах ты, брюзга да княженецкая,
У вас буду я выпрашивать,
Вы должны мне все рассказывать,
Про млада сына отецкого.
Говори, не заговаривай,
105 Расскажи все, не затаивай,
Он охвоч ли ходить, ухаживать,
Ноцки темные проваживать?
Над держать да будет девушке
Ножки резвы на дороженьке,
110 Руцки белы на заложѣцке,
Свое лицко во окошецке,
Дождать да мужа пьяного.

(Обращается к жениху)

- Я клоню буйну головушку
Младому сыну отецкому.
115 Становитесь-ка, пожалуста,
Стань на резвые на ноженьки,
На козловы стань сапоженьки.
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты сидишь да как свеца горишь,
120 Говоришь — да как рублем даришь.
У тебя, да млад отецкий сын,
Белота взята с бела снежку,
Красота взята от солнышка,
У вас брови черна соболя,
125 У вас очи ясна сокола.

- Говори-тка, млад отецкий сын,
 Ты где меня повысмотрел,
 Уж ты где меня повыглядел?
 Ты во празднишке гуляючи,
 130 Аль на горушке катаючи,
 Аль на работке работаючи?
 Погоди-тко, млад отецкий сын,
 Тебе женитьба неудацлива,
 Молода жена невзрацлива,
 135 Белоручка и не коровница,
 Тонконожка, не работница.
 Отъезжайте-тко, пожалуста,
 От стола да от дубового,
 Со хоромного строеньица.
 140 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
 Я на гороцке каталася,
 Мое лицо принавеело.
 В тупор я была хорошая,
 А на трудной на работушке
 145 Пред тобой я выславлялася,
 На часу сила сдержалася,
 На другом краска стерялася.

(Отворачивается от стола. Начинается передача „воли“)

- Ну вот сяду, красна девушка,
 Я на лавоцку брусовую.
 150 Подходите-тко, пожалуста,
 Вы кругом да меня, около
 Все родные сродцы-сродницки,
 Все милы́ братья родимые,
 Все мои сестрицы милые,
 155 Задушевные красны девушки
 Да восприемна крѣстна матушка,
 Поспевала, крѣстна матушка,
 Ко купели, ко святой воды
 Так успевай-ка, крѣстна матушка,
 160 Ко разлуке дорогой воли.
 Вы, родитель, моя матушка,
 Ты, великое желаньице,
 Принеси, родитель-матушка,
 Мне трубу да стоаршинную,
 165 Мне другу да миткалинную,
 А вы, мои подружки милые,
 Задушевные красны девушки,
 Слушайте, голубушки,
 Вы на ту нашейте завесу
 170 На двенадцати на трестоцках.
 На одной нашейте трестоцке

- Вы — царя да благоверного,
На второй, моей головушке,
Вы — царицу милосердную,
175 На третьей шейте трестоцке
Вы — царевых малых детушек.
Как еще шейте, голубушки,
Шейте полк да со солдатама,
Петроград да со бурлакама,
180 Вы — Москву да со боярама.
Как еще, мои голубушки,
Вы — себя подружки милые,
Вы — меня да красну девушку,
Вы — мою бажёну волюшку.
185 И вот поставьте-тко, голубушки,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молодому.
Тут бурлакушки распляшутся,
Тут солдаты растреляются,
190 Утка сера разгогочится.
В ты пор царь да смилосердится,
Царица сожалуется,
Малы детушки расплачутся,
А вы, мои подружки милые,
195 Вы запойте жалки песенки.
Может чуж да млад отецкий сын
Оглядится. остолопится,
От стола да поворотится.
Я во девушках остануся,
200 Я во красных призадляюся.
Где-ко есть у мяя, у девушки,
Братец, красно мое солнышко,
Братец, тоненька тониноцка,
Золота братец вербиночка,
205 Братец, сердца половиноцка.
Так сохраните у мяя, девушки,
Вы мою бажёну волюшку.
Ох-ти мнешенько тошнеженько,
Все прошло все миновалося,
210 Навади все приосталося,
Прошло воли волеваньице,
Красной девушке гуляньице.
Не отдам бажёной волюшки.
Тут моя бажёна волюшка
215 Крылья, перышка расправила,
Во головушку ударила,
Улетела во чисто поле,
Села на горькую осиненку,
На бесцастну деревиненку.

- 220 Проклинат да меня, девушку:
„Будя проклят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не сумела волю выпустить,
Ты умела красоватися,
225 Не сумеешь расставатися.

(Подходит к столу)

- Порастроньтесь, люди добрые,
Порастроньтесь, православные,
Пропустите красну девушку
Со бажёной дорогой волей
230 Ко столу да ко дубовому.
Я не знаю, красна девушка,
Куда класть бажёну волюшку.
Я кладу, девка невольница,
Да на месну богородицу,
235 Котора богородица
Сохраняла меня, девушку,
В летню пору от прохожего,
В зимню пору от проезжего.
Так сохранит-тко, богородица,
240 По сегодняшнему дёнецку
Ты мою бажёну волюшку
От млада сына отецкого.
Я кладу бажёну волюшку
На касивцато окошецко,
245 Пусть-ка воля наволяется,
Дорогая накруасуется.
В уголок кладу перцатоцкой,
В стену я кладу булавоцкой.
Так ты, родитель, моя матушка,
250 Станешь мыть дак не спашните-тко,
Вы водой не сполощите-тко,
Вы во грязь да не свалите-тко
Вы бажёну мою волюшку.
Я неладно, девка, вздумала,
255 Я не место воли прибрала.
Ведь пройди зимушка холодная,
Будет веснушка разливная,
Тут полётят гуси-лебеди,
Да улётит моя волюшка
260 На круглистое озерушко,
На тихое на затишье,
На зелено слетит захрестье.
Уж ты, чуж да млад отецкий сын.
Он начнет ходить, похаживать,
265 Серых утишек поймывать,

- Поимат да утку серую,
А тут моя бажёна волюшка.
Я кладу бажёну волюшку
Осередь стола дубового,
270 Я — на скатерти шелковые,
Я — на едушки сахарные,
Я на вина кладу пьяные.
Наедайся, воля, досыта,
Напивайся, воля, допьяна,
275 Покуль свой дом так своя воля,
У своих пока родителей.

(Жених берет „волю“)

- Отвернутся красной девушке
От стола да от дубового,
От князя да от молбодого.
280 Подойдите-тко, пожалуста,
Все сердечные родители,
Вы, милы братья родимые,
Еще крёсна моя матушка.
Это что в доме заведено,
285 Это что у вас запушено?
Во поцетном во большом углу
Это чистые разбойницки,
Настоящи поддорожницки.
Грабежом девку ограбили,
290 Как силом да волю отняли.

(Обращается к жениху)

- Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку.
Ты за волю поймаешься,
Никогда не рассчитаешься.
295 Ты, родной кормилец-батюшка,
Ты охочь ходить, разезживать,
В торги-ярманки поезживать,
Так принеси, кормилец-батюшка,
Тут веревонец недержаных.
300 За мою бажёну волюшку
Завяжите-тко, пожалуста,
Младого сына́ отецкого,
Поезжанов княженецких.
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
305 Дай мою бажёну волюшку.
Закажу я, красна девушка,
Я во погреба глубокие,
Во подпольица во темные,
Во подвалы во холодные.

- 310 Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку.
Будет будем богом сужены
И попом будем овенчаны,
Божьей церковой обзаконены,
315 Взвеличать да стану, девушка,
Твоего кормильца-батюшка,
Почитать я буду, девушка,
Я твою родитель-матушку
И всех твоих сестриц-голубушек.
320 Ведь сама знаю, сама ведаю,
Что замужество не шутоцка,
Не ребяцья поигрушецка,
Ты отдай бажёну волюшку.
В ту пор буду, красна девушка,
325 Я головушкой поклонная,
Я сердечушком покорная,
Как тебя, да млад отецкий сын,
Буду звать тебя по имецки.
Взвеличать да по изоценки.

(Невеста называет жениха по имени, жених отдает „волю“, она идет от стола и причитывает:)

- 330 Ты лукав, а я лукавее!
Обманула, облукавила.
Боле век вам в доме не бывать,
Вам меня вам глазом не видать,
Я не стану звать по имецки,
Взвеличать да по изоценки,
335 Не пойду да не подумаю
Во проклятое замужество.

**ПЛАЧИ И СКАЗЫ О ВОЖДЯХ И ГЕРОЯХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

LV. НАШЕ КРАСНОЕ ТЫ СОЛНЫШКО

- Мне ночесь ли мало спалось,
Все во сне грозно казалось,
Зашла думушка за думушку,
Во всю ли ночку темную
- 5 Мои очи не смыкалися.
Уж я то умом подумала,
Как во эту ночку темную:
Прошло четырнадцать ли годичков,
У товарища у Ленина
- 10 Душа с телом расставалася,
Очи ясны со белым светом.
Кабы были бы, у беднушки,
У мян крылышки орлиные,
А другие соколиные,
- 15 Поднялась бы высокóшенько,
Выше лésочку стоячего,
Ниже облака ходячего,
Полетела бы прямёшенько
Я за матушку Москву-реку,
- 20 На краснó площадь бы спустилася,
К мавзолею б попросилася;
Подошла бы поблизешенько,
Я сказала бы тишёшенько
Ильичу да я Владимиру:
- 25 Наше красное ты солнышко,
Что вставай-ка ты на резвы́ ноги,
Ты открой-ко свои ясны очи.
После легкого лежаньца,
После долгого мученьца
- 30 Пробай-ко ты, прогóвори
Хоть одно со мной словéчушко,
Приоблегчи-тка, пожалуйста,
Мое печальное сердечушко.
Ленин со Сталиным

- 35 Не братья были рѳдные,
А таланты были ровные,
Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено.
Посмотри-тко кругом, около,
- 40 У нас все переменялося.
Как поля цветут колхозные!
Как стада идут совхозные!
Наши детушки бедняцкие
В высших школах обучаются,
- 45 Наши женщины крестьянские
В Совет Верховный выбираются,
Наши парни деревенские
Соколами вьются в воздухе,
Наши девушки крестьянские
- 50 По полям да водят тракторы;
На полях да на колхозных
Овсы растут бронистые,
А жита зернистые,
Ржи да колосистые;
- 55 Наши дома — чаша полная,
Что колхоз да то одна семья,
Едят кашу с одного котла;
На деревни на крестьянские
С неба звездочки свалилися,
- 60 Наши хаты деревенские
Электриком да осветилися.
Как еще скажу я, беднушка.
Да товарищу я Ленину:
Посмотри-тко ты, порадуйся.
- 65 Как у брата у названого,
У товарища у Сталина,
Как по корбушкам дремучим.
По болотушкам тонучим
Все дороженьки построены.
- 70 Как еще скажу я, беднушка,
Товарищу я Ленину:
По твоему ли повеленьицу,
По твоему ли завещаньицу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
- 75 Как по той по ленинской дороженьке
Мы идем со Сталиным как с Лениным.
Знает он все наши думушки,
Все нужды наши крестьянские.
У нас нет теперь неволицы,
- 80 Нет ни вдов, сирот,
Солдаток горьких.
Одна у нас теперь дороженька

К счастью, светлая широкая.
Как по этой по дороженьке,
85 Ведет по этой нас дороженьке
Нас родная наша партия.
Лишь враги народа честного
Счастью нашему завидуют.
Только эту дороженьку
90 Не развеять ветру буйному,
Не разбить ни грому и ни молнии,
Ни залить рекою быстрою! ⁵⁶

LVI. БЕССМЕРТНОМУ ЛЕНИНУ

- Как сегодняшним денечком
Я вставала поранешенько,
До зари, до красна солнышка.
Ветром машет флаги траурны,
5 Идут люди все печальные;
Января ли двадцать первого
Пятнадцать лет живем без Ленина.
Он куда да приотправился,
Он куда да поразъехался;
10 Он на горы ль воробьевские
Или в далекую Испанию
Защищать людей невинных?
Сама знаю, многобедная,
Как поднималась рука хищницы
15 И злодейки-лиходеяницы.
Змея ли подколодная
Загубила жизнь бесценную
Дорогого друга Ленина.
Только бессмертному-то Ленину,
20 Ему в борьбе да смерть не писана.
Он боролся без усталости,
За свободу, за рабочий люд,
За крестьян, да сирот, и вдов,
Не жалея своей силушки.
25 Много принял он заботушки,
Его мучили слуги царские,
Его садили в тюрьмы крепкие,
В кандалы его железные,
Но не дрогнуло сердце молодецкое,
30 Он добился умом-разумом
И поставил жизнь советскую,
Освободил он бедну женщину,
Дал он женщине равноправие.
При тяжелой жизни царской
35 Не человеком женщина считалася,
Все над женщиной издевались,
Была беззащитная,
Будто птичка в клетку засаженная,
Будто рыбка в сетку заловленная.

- 40 Перед бабой школы закрывались,
На собранье бабы не допускались,
Свекра строгого мы боялись,
Мужу мы повиновались.
А попы — отцы духовные
- 45 Нас венчали по законному,
Говорили нам по строгому:
„Ты жена мужу законная,
Всегда будь ему покорная,
Ты живи, баба, помалкивай,
- 50 Звени горшками да ухватами
Да прибирайся, баба, с хатами,
А бабы дела больше впятеро.
А как после революции
Стала женщина свободная,
- 55 Пошла жизнь-то нам веселая.
Тут всем женщинам пути открылись,
Будто мы переродились,
И у нас отважны женщины явились.
- 60 За эту услугу верную
Дорогой наш Ильич, он будет вечно жить,
В мавзолее он не крепко спит.
Своим разумом орлиным,
Своим оком соколиным
- 65 Смотрит он, да все любуется,
Как у брата-то у кровного,
У Иосифа да Сталина,
Как живет страна,
Да как растет она
- 70 Не по дням да не по суточкам,
А по часам и по минуточкам.
Все строительство движается,
И колхозы укрепляются,
Лесозаготовки выполняются,
- 75 Старикам-то жить нам хочется. ⁵⁷

LVII. ПРОКЛИНАЮ Я ВРАГОВ И НЕПРИЯТЕЛЕЙ

- Как настал день ведь ясный,
 Выхожу я на крылеченько на красное,
 Призову я к себе птиченьку легкую,
 Попрошу я у ней крылышки гусиные
 5 И перышки да лебединые,
 И пришью я ко своим суставушкам да к женским,
 Полечу я в ту сторонушку во дальнюю,
 В путь-дороженьку во долгую,
 Ко любимому к нашему вождю Ленину.
 10 На ту могилушку на умершую,
 На скат-горушку высокую
 Я днем лечу по солнышку,
 Ночью лечу по месяцу
 Выше вершиночек шатучиих,
 15 Ниже облаков летучиих,
 Под южную под теплую сторонушку,
 Во Москву да славный городок,
 Где находятся наши славные вожди.
 Пойду я ко нашим да похороненным
 20 Любимым вождям, Ленину и Кирову.
 Между им есть лавочка брусóвая,
 И я присяду на ту лавочку на брусóвую,
 И буду я кручинная, обидная головушка споразбуж-
 дывать
 Своих любимых вождей: Ленина и Кирова.
 25 Вы завийте-ка, все тонкие буйные ветерочки,
 Полуденная, сиверная сторонушка,
 Ты, желтой песок, развейся-тко,
 Белы камешки, раскатитесь-ко,
 Покажись-ка, гробова доска,
 30 Расколись-ка, гробова доска,
 Размахнитесь, белы саваны,
 Покажитесь-ко, любимые вожди: Ленин со Кировым.
 Порасскажу я вам свою тоскичешку невыносную.
 Есть мне жаль да жаль тошнешенько,
 35 Как нету у вас в ясных оченьках виданьица,
 И в суставушках нет у вас двиганьица,

- И в буйных головушках умных мыслителей,
Во устах нет умных ласковых словечушков.
- 40 А как нонечко, топеречко
Здесь нам счастливая жирушка веселая,
Нашим детушкам учёбушка ученая.
А есть мне жаль да жаль тошнешенько,
Как загубили у вас драгоценное здоровьице
- 45 Враги да ведь проклятые,
Пропустили они стрелочку каленую,
Пулю да ведь шипучую
От злодейской руки да от неверной
И во ваши груди да во белые.
- 50 И так стретила вас скорая непосильная смеретушка,
Призакрыли вы ясные очки.
И раньше этой счастливой жирушки веселой
Вы построили нам жирушку счастливую,
Всем рабочим и крестьянушкам
- 55 И нашим детушкам путь, широкие дороженьки;
И вы учили наших детушек
На пути да на дороженьки,
На счастливую на жирушку.
И есть мне жаль да жаль тошнешенько,
- 60 Как от вас не придет нам ни весточка, ни грамотка
И не радосно нам известьице
От любимых вождей: от Ленина и от Кирова.
Вы не смолвили мне ни одной единой словечиньки.
И кака я пришла да ведь обидная,
- 65 Така я пойду да ведь кручинная.
На моем ли на сердеченьке
В кажду порочку, в кажно времячко
Не огонь горит да не смола кипит,
Без огня да разжигается,
- 70 Без смолы да закипляется
Мое ретливое сердеченько,
Так есть мне жаль да жаль тошнешенько
Наших любимых вождей: Ленина и Кирова.
Нарисованы я потретики нарисованы,
- 75 На которых есть ваши бумажные личики,
И я днем ношу у сердеченьки,
А ночью — крутоскладна изголовица.
В кажду порочку, в кажно времечко
Полюбуюся на ваши бумажные на личики,
- 80 Нарисованные да на потретице.
И проклиная я тех врагов да неприятелей,
Кроволивцев да проклятых,
Как загубили наших любимых,
Драгоценных вождей: Ленина и Кирова. 59

LVIII. ЛЮБИМЫЙ ВОЖДЬ ЛЕНИН

- Пойду я, причинная обидная головушка,
К своему любимому вождю Ленину,
К трудной ко тяжелой постелюшке.
И не глядели бы мои ясные оченьки.
- 5 Не перенесет мое ретивое сердечушко,
На тебя глядючись и смотрячись,
На твою на умную-разумную головушку.
Принажил ты себе тяжелую смеретушку
Не от легкой жирушки прохладной,
- 10 Не от веселого гуляньца.
И как теперечко и нынечко,
Будя встретила тебя скорая непосильная смеретушка,
Передал ты свою работу любимому товарищу
Сталину.
- Не забросит он нас многих рабочих-труженников
- 15 Врагам да неверным,
Чтобы не отняли от нас больших полюшек хлебо-
родных
- И лугошек зеленых колхозных.
И как у нас по частым маленьким деревенькам
Есть устроена культурная жирушка веселая.
- 20 Так есть мне жаль да тошнехонько
Нашего любимого вождя Ленина,
Как позаботился о рабочих и крестьянах,
Об нашей колхозной жирушке.
Ты еще-тко ты послушай-ко,
- 25 Наш любимый вождь Ленин,
Как ты со малого, со юного ребячества
Как приотправили тебя родимые родители
На чужую, на дальнюю сторонушку;
Приузнал ты раньше времени, раньше порушки
- 30 Всех многих добрых людюшек.
Было тебе трудно да тяжелешенько
И на чужой на дальней сторонушке
И со чужими, не с родимыми родителями
С ростом-возрастом принаполниться,
- 35 С умом-разумом принасобраться.
С плечка, с плеченькою обравнялися,
Твое белое личико принаполнилось,

- Принападали на тебя и многи злые людюшки,
Принаследовали твою трудную, тяжелую работушку.
- 40 И не было при тебе ни питьица медового
И ни истьица сахарного,
И ни постелюшки мягкой,
И ни окуточки ни теплой,
И не было тебе платьица по плечикам.
- 45 Только была тебе каторжная жирушка проклятая,
И потерпела твоя молодецкая разудалая головушка
Эту тяжелую, трудную жирушку.
И так загубил ты свое любимое, драгоценное здо-
ровьишко.
- Принападали на тебя враги да неверные,
- 50 Принапускали пулю быструю
В молодецкую грудь белую.
От твоей груди белыя
Потекла кровь алая.
Есть мне жаль да ведь тошнехонько,
- 55 Я высиживала темную ноченьку,
Проливала я горьки слезиночки
По своему по белому личику.
Как с твоей груди текла кровь алая,
Так по моему личику текли слезиночки.
- 60 Потерпел ты много горюшка невыносимого
И много жирушки трудной,
И пришла к тебе смерётушка непосильная.
Приоставивши ты свою любимую семеюшку,
Приоставивши своего любимого товарища Сталина,
- 65 Приоставивши ты много заботушки в головушке
И много трудной, тяжелой работушки,
Приоставивши многих добрых людюшек,
Приоставивши наших пионеров-детушек,
Приокончил свое здоровьице,
- 70 Свое житье-бытье живленьице.
Мне и жаль да ведь тошнехонько
Нашего любимого вождя Ленина. ⁶⁰

ЛІХ. ПОСТРОЙТЕ-КА СТЕНЫ ВЕЗДЕ ДА КАМЕННЫ

- Приехали ясны хорошие соколы,
 Чтобы мы пели хорошие унылые песенки.
 Вот в чем попрошу вас, хорошие ясные соколы,
 Как вы прибудете в славный столичный город
- 5 В Москву, в столицу белокаменную,
 Отыщите-ка могилу вы умершего,
 Там лежит-то на печаль на великую
 Дорогой товарищ Ленин.
 Пospешился он да поторопился
- 10 Приклась свои белые рученьки
 К своему-то сердцу ретивому.
 Куда он нас бросил да и покинул
 Всю славную Россию матушку?
 А как мы-то жили в старое время:
- 15 Не учили-то нас грамоте,
 Не видали мы свету белого.
 У богатых были палаты белокаменны,
 Они построили церкви себе богомольные.
 Работали отцы и дети наши
- 20 Кулакам да богатеям проклятым
 Как была сила да могутушка,
 А как стали старыми да пристарелыми,
 Пошли они по домам собирать куски.
 Не пускали их в палаты да белокаменны,
- 25 Подавали им куски да все завалены,
 Завалены, засушены.
 А как же мы росли малыми,
 Были не одеты да не обуты,
 По пяти детей было у матери,
- 30 Держали на артель да одни валенки.
 Применю я в эту пору-времечко:
 Вот я имею да восемь внучат моих,
 Все одетые да все обутые,
 Погляжу да позавидую,
- 35 Вот какая вам пришла пора да времечко.
 Постройте-ка стены везде да каменны,
 Наш любимый Иосиф Виссарионович,

И поставьте кругом стражу великую,
Чтобы не было злодеев и лиходеев,
40 Продажных изменников,
Чтобы не напали на нашу великую родину.
Послужи-ка нам службою да верною,
Как служил нам Владимир Ильич.
Великий да знатный Иосиф Виссарионович,
45 У нас ведь есть сердечны детушки,
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков.⁶²

LX. ЗАВЕТЫ ТВОИ ВСЕ ИСПОЛНЕНЫ

Пойду-ко я в Москву, в город славную,
Чтоль на эту пору да на времечко,
Отыщу-ко я могилу умершего
Дорогого Ленина.

- 5 Что же ты заспался да залежался?
Уж прошли пятнадцать годиков,
Повыстань-ко, наша дорогая скатная жемчужинка,
Уж наша ты светлая свеча воску ярого,
Уж ты повыздынь свои плечи могучие
- 10 От того ли от гроба стеклянного,
Открой свои очи ясные,
Опрись на свои ноги резвые,
Встань-ко ты, да полюбуйся-ко,
Как заветы твои исполняются,
- 15 Сколько городов вновь настроено,
Как каналы у нас проведеные,
Моря с морями соединенные,
И постройки у нас, как грибы растут,
И люди живут да радуются.
- 20 Но не встанешь ты и не пробудишься
От того ли-то сна да от вечного.
Хоть и помер ты,
Но дело твое не помрет у нас,
Дело твое ведь Сталин ведет,
- 25 И заветы твои все исполнены.
Потому-то наша родина так и славится,
Свободной страной называется.
На родину нашу никто не нападет,
А нападет кто — дадим отпор.
- 30 Есть у нас что защищать,
Есть чем защищать,
Есть у нас на земле,
Да есть и в воздухе.⁶⁸

ЛХІ. ПОТЕРЯЛИ ВОЖДЯ ВСЕНАРОДНОГО

- Уж как сегодняшним дёнечком,
 Уж как вечерней порой — времечком,
 А не громом ли прогрянуло,
 И не молия ль ударила,
 5 А не гора ль в море скатилася,
 С неба звездочка свалилася,
 В лесу птички призамолкнули,
 По путистым дороженькам
 Поезда остановилися,
 10 По городам да по поселочкам
 Флаги черны появились.
 Как получили мы ведь грамотку,
 Только грамотку нерадостну,
 Да и весть мы не веселую,
 15 А не веселую, печальную
 Как для всей страны советскою,
 Для всех граждан да трудящихся.
 Что потеряли потеряшечку,
 А обронили оброняшечку,
 20 А потеряшечка так дорога,
 А обороняшечка — цены ей нет
 Для всего народа да советского,
 Для всех в мире пролетариев —
 Дорогого вождя да всенародного,
 25 Любимого да Ленина.
 Уж как смерть да нерассудная,
 Уж как смерть да безрассудная,
 Она шла ведь не спросилася,
 У ворот не колотилася,
 30 У сторожей не доложилася;
 Она стражи не боялася,
 Докторам да не призналася.
 Она шла с косою вострою,
 Подкосила ножки резвые,
 35 Подкосила ручки белые
 И умертвила буйну голову,
 А головушку ту ценную,

- А как ценную да драгоценную
Как для всех в мире трудящихся,
40 Дорогого вождя Ленина.
Как вспомнили прошлу
Житье-жирушку,
Как при власти мы при царской
Како житье было нам, женщинам:
45 Как на заводах да на фабриках
У станка дитя родилось,
По хлевам да ведь по баенкам.
Уж как нынечу, теперечу,
50 При дорогом, родном да Ленине
Мы живем-то припеваючи,
Старину да проклинаячи.
Как оставил он наследника,
А как мудрого да умного,
55 А родного нам ведь Сталина.
Как товарищем да Сталиным
А построено да сделано
Для Советской только женщины
В городах да и в поселочках,
60 Да и в диких зауголочках
А дома — то ведь родильные;
Наши дети обеспечены
Как яслями да детсадами.
У дорого вождя Сталина
65 Вся заботушка положена
Как для всех в мире трудящихся.
Для молодых есть развлечение,
Для пожилых да утешение.⁶⁵

ЛХП. ВЕЗДЕ СТАЛА НАМ СВОБОДУШКА

- Дуют ветры, ветры буйные,
 Ходят тучи, тучи темные,
 Закрывают солнце красное.
 Ох, батюшка, светел месяц,
 5 Что ты светишь не по-старому,
 Печешь да не по-прежнему?
 За облачка закатаешься,
 Тучей черной закрываешься.
 Что у нас-то во Россиюшке,
 10 Как во каменной Москве,
 В каменной Москве, да в золотом Кремле,
 В том Кремле да в мавзолее - то,
 Там лежит да тело мертвое,
 Лежит да наш вождь Владимир Ильич,
 15 Лег поспать да не пробудится.
 Мы бы рады как, радехоньки,
 Тем были б мы довольные,
 Как попросили бы мы, бедные:
 „Клади-ка ты, пожалуйста,
 20 Во белы груди дыханьнице
 И во рученьки маханьнице“.
 Как ты сбавил нас, бедных,
 От прежнего житья-жирушка.
 Везде были мы неладные,
 25 Были женщины негодные,
 Нигде не было нам голоса.
 А как нынечу, теперича
 Везде стала нам свободушка,
 Молодым стала дороженька.
 30 Молоды идут в ученьнице,
 Нигде дорога не засечена,
 Нигде путь да не забавлена.
 А как в прежнее время-порушку
 Как детя́м было крестьянским,
 35 Чтоб походить да в эту школушку,
 Попросить надо, поклоняться.
 Из десяточка один пойдет.

- А как нынеча, теперича
Как мы рады и радешеньки.
- 40 А как ранее, допреж того,
Как придем, крестьяне бедные,
Во больницу во лечебную,
Уж не порáто и на нас глядят,
Кто придет да побогачее,
- 45 Так тому есть честь и мѣстечко.
Тяжело нам было, бедным,
Не порато и на нас глядят.
Мы придем, так не поспросятся,
Попросить да нам и надобно.
- 50 „У вас болезнь де трудная,
Болезнь невылечимая“,—
Отвечат нам бедным.
А как нынче, теперича
Все болезни приудержаны,
- 55 Везде они захвачены.
Как мы вспомним прежде времячко,
Так польются слезы горькие
От этого житья-жирушка.
Свекры были строгие,
- 60 А свекровушки мытарные.
Ну, а нынеча, теперича
Как везде да путь указана,
Все да приналажено,
Волюшка нам вольная,
- 65 Путь-дороженька свободная.
Так пожелали мы, люди новые,
Как назад бы воротить опять
Руководителей хороших,
Владимира-то Ильича Ленина
- 70 Мы хотели б воротить назад,
Хорошо бы было нам опять.
А что-то он да не воротится,
На нас да не оглянется.
Захватила боль недолгая,
- 75 Приходила смерть недобрая.
Ведь есть старые и малые,
Есть люди безнадейные,
А ему бы там не мѣстечко,
Лежать ему в могилушке,
- 80 В мавзолее там кремлевском.
Как от старого до малого
Все его да сожалеючи,
Верно он к нам не воротится,
Путь-дорожка не отвернется.

85 Она не дальна, а печальная,
Дорожка безызвестная.
В эту путь-дороженьку
Много-много приотправилось.
Много туда да отправляются,
90 А оттуда да не ворочаются,
На конях оттуль нет выезду
И пешком-то нету выходу.⁶⁷

LXIII. ПРОШЕЛ ПЛАЧ ДА ПО БЕЛУ СВЕТУ

- Ох-ти, я, бедна горюшица,
И в те прежние дэнецки
Я сидела, многобедная,
У косивцата окошецка,
5 Все просила бога-господа,
А не знала людей добрых,
Помогателей хороших:
Ни Ленина, ни Сталина.
Меня окошко все пецалило,
10 Все стеклаки затуманились.
Под косивцатым окошецком
Не жупили птицки-ташецки,
Там не пели соловеюшки.
Было в доме холоднехонько,
15 Были дети голоднехоньки.
Жила я, бедна, голехонька,
Я голехонька, босехонька.
А как после революции
Надо мной-то что случилось,
20 В доме все переменялося,
Весело да веселехонько,
Стало в доме хорошехонько.
Под косивцатым окошецком
Там сады стали зеленые,
25 Распевают птицки-ташецки,
Веселят да моих детушек,
Все сулят да бедным хлебушек.
Я пойду, бедна горюшица,
На могилку пойду Ленина,
30 Благодарить я буду, бедная,
За его за просвещеньице,
За хороше обхожденьице.
Владимир Ильич Ленин
Жил во дальней во сторонушке,
35 В небогатой жил семеюшке.
Годы его были детские,

- Годы самые молодецкие,
Самые годушки гулярные.
Не было пристрастия к гулянице,
40 Его молодости к красованнице.
Создавал Владимир книги умные,
Говорил Владимир речь разумную,
Рассылал Владимир людям добрым,
Рассылал Владимир политграмоту,
45 Создавал Владимир жизнь свободную:
„Примыкайте все да люди честные,
Создадим людям да жизнь светлую,
Освободим от гнета бедную женщину,
Поднимем всех да сирот на ноги,
50 Подучим всех да в политграмоте,
Поймут они да жизнь новую“.
Когда был Владимир о полу-веку,
Его жизнь была горькая,
Была горька, горемычная,
55 Не видал Владимир жизнь светлую,
Не жила-то он, Владимир Ильич,
Во палатах грановитых,
Во усадьбах он да красовитых,
А во тюрьмах сидел да за решетками,
60 На грязных полах да он на каменных;
Постель была да ледку ярого,
Подушка была да снежку белого,
Одеяло было да ветры буйные.
Создавал Владимир жизнь свободную,
Жизнь свободную да славу вечную.
65 Стерegli Ленина люди зверские,
Люди зверские да звери лютые.
И хотели снести да буйну голову,
Буйну голову товарищу Ленину.
70 Выходил Владимир да на улицу,
Говорил Владимир таковы слова:
„Мы возьмем к себе да дворы царские,
Дворы царские да государские“.
Тут снесли царю да буйну голову,
75 Погнала министров власть советская.
Побежали министры ногу за ногу,
Отлетали министров буйны головы.
Пронесли флаги да флаги красные,
Прозвучали песни все победные
80 В каждом городе и у нас в деревеньке.
Мы вдовы были победные,
Мы вдовы да горе-горькия,
Мы встречали слух да с полной радостью.
Будут женщинам глаза открытые,

- 85 Будет женщинам да путь-дороженька,
Нашим детушкам да всем свободная,
Все ученице да им великое.
Мы смущались все, бедны, от радости,
Наравне с мужчиной наши женщины.
- 90 Мы пойдем в столицу, город Ленина
Благодарить товарища Ленина.
До сего было, до этого
И мы жили, многобедные,
У нас горюшка — три морюшка,
- 95 Слез-то было — три озерушка.
Не смотрел никто на бедну женщину,
Не помогал никто да нашим детушкам.
Мы пошли, узнали товарища Ленина,
Мы пошли навстречу жизни новой.
- 100 Создалась змея да смерть лютая
Проникла Владимиру в тело белое,
Постигла его да невзгодушка,
Уж как смерть пришла да непосудная,
Голова та нерассудная,
- 105 У дверей не колотилася,
У окна не подавалася,
Прямо в дом да забиралася.
Покрыла Ленина мать-сыра земля,
Мать-сыра земля да гробова доска.
- 110 Оставлял Ленин свое знание,
Оставлял Ленин людям добрым:
„Не пушайте врагов на нашу землю,
Не отдавайте власти в чужи руки“.
В уголках узнали бедны женщины,
- 115 Что погиб Владимир Ильич Ленин.
Пошел плач да по белу свету
Да пошла жалость по Россиюшки:
„Как мы жить нонь будем, беднушки,
Пойдем, бедны, на могилушку,
- 120 Порастрепем мать-сыру землю,
Мы посмотрим гробову доску,
Личко блеклое, тело мертвое.
Будем мы бедны рассказывать,
У его будем выпрашивать:
- 125 Как нам жить, бедным горюшицам,
Как взростить детей малых,
Как учить сирот несчастных?“
Расскажу я вам, сестрицы милые,
Вы идите в город Сталина:
- 130 Передал Ильич да он Иосифу
Он Иосифу да свои знания.

- Свои знания да людям честным,
Людям честным, людям хорошиим.
Они помогут жить да вдовам бедным,
135 Помогут учиться бедным сиротам".
Пропоем Владимиру славу вечную,
Создадим Иосифу да жизнь долгую.
Мы пошлем привет да кажна женщина
Мы Иосифу Виссарионовичу
140 За его дела да слова добрые,
Что крепит он власть, да власть советскую,
Помогает везде по всей Россиюшке,
Всем народам разноплéнным,
Всем забитым дальним женщинам.
145 Мы поднимем все да руки белыя,
Благодарим его за честь великую,
Пронесем ему славу добрую,
Славу добрую да жизнью долгую.⁶⁹

LXIV. УЖ КАК ВСПОМНИМ МЫ, БЕССЧАСТНЫЕ

Как услышали мы весточку нерадостну
 Да извести невеселое,
 Как мы все да сволновалися,
 Мы услышали, что нет в живых
 5 Владимира Ильича Ленина.
 Он скончался двадцать первого
 Января, морозна месяца.
 Уж как мы да тут подумали,
 Уж как горько мы заплакали.

* * *

- 10 Уж как вспомним мы, несчастные,
 Уж мы наше житье-жирушку.
 Как при царском правительстве
 Придем с трудной работушки,
 У нас так много заботушки.
- 15 Где бы детушек ухаживать,
 Надо мужа тут налаживать;
 Придут празднички годовые,
 Да у нас слезушки готовые.
 Мы держали, многобеднушки,
- 20 Резвы ножки на дороженьке,
 Белы руки на заложечки,
 Мы встречали мужа пьяного,
 Мужа пьяного да упрямого.
 Он придет да все ругается,
- 25 Да надо мною издевается,
 А я не знала куда деться,
 От побоев схоронитися.
 Малы детушки приплачутся,
 В темну ноцку испугаются.
- 30 А богоданные родители
 Станут мужу тут насказывать:
 „У тебя жена-то вольная,
 Она нам да непокорная,
 Наб учить жену побоями,
- 35 Все побоями-ударами“.
 А как пожалиться да было некуда,
 Там судил суд да не по женщине,

Все урядники — начальники,
Все попы — отцы духовные
40 Да служители церковные.
Как венчали нас по строгому:
„Будь жена мужу покорная,
Голова да будь поклонная.
Ты, жена, мужа ухаживай,
45 Мужу пьяному уваживай.
Ты жена мужу законная,
Голова да будь поклонная“.
Как проклята была жирушка
Нам, несчастным головушкам.

* * *

50 А как после революции
Была данная нам волюшка,
Воля вольная-свободушка.
Мужовой мы не боялися,
Свекру мы не покорялися
55 Да свекровам мы не кланялись,
А куды вздумаем — отправимся,
Уж мы в клуб на постановоцки,
В сельсовет да на собрание,
Мы с мужьями в заседание.
60 Как домой мы возвращаемся,
Тут свекрова не ругается,
Наша зыбоцка цацается,
Свекор скоса не выглядыват.
И кабы были бы у беднушки,
65 У меня крылышки гусиные
Да и перья лебединые,
Я слетала бы, победнушка,
За те горушки высокие,
За те водушки глубокие,
70 За те лесушки дремучие,
Во Москву во белокаменну,
На умершую могилушку,
К дорогому вождю Ленину,
Я-бы к телу его мертвому,
75 Я-бы к лицу его блеклому.
Вы завийте, ветра буйные,
Ветра буйны полуденные,
Мураву траву да размуравьте-ка,
Вы желты песоцки разнесите-ка,
80 Гробову доску вы приоткройте-ка,
Лицо белое покажите-ка.
Не заговорит ли со мной, беднушкой,
Хоть одного-то он словещушка.⁷¹

LXV. ВЫПОЛНЯЮТСЯ ТВОИ ЗАВЕТЫ ВЕРНЫЕ

- Как не знаю, многобеднушка,
Мне во снах ли так приснилось
Али вьявь так появилось —
Белой лебедью объявилася,
5 В полеты дальние спустилася.
Прилетала я, многобеднушка,
Во Москву да белокаменну,
Как на ту да площадь Красную,
К мавзолеюшку садилася,
10 В мавзолей итти спешилася.
Увидала я, многобеднушка,
Дорого вождя Ленина.
Он лежит — как свеча горит,
Не тлеют на нем платица,
15 И не худеет личко белое.
Уж я присела, многобеднушка,
Ко его телу мертвому
Да ко его да личку блеклому,
Уж я припала, многобеднушка,
20 Ко его ретивому сердечушку.
Не проскажет ли мне, беднушке,
Одного хоть мне словечушка,
Не облегчит ли, у беднушки,
Моего ретивого сердечушка.
25 Дорогой ты наш Владимир Ильич,
Ты открой-ко очи ясные,
Хоть на одну открой минуточку
И погляди-ко кругом около.
После твоего долгого лежаньица,
30 После тяжелого дыханьица
В этих пятнадцать круглых годушков
У твоего братца у милого,
Иосифа Виссарионовича Сталина,
У него много принастроено
35 Во Москве да белокаменной.
Как построено и налажено
Метро-дорожка подземельная.
Как все рукамы будто сделано,
И как словами будто сказано,

- 40 И головой тут все обдуманно.
Идут стары — подивуются,
Едут молоды — полюбуются.
Еще много принастроено,
Много фабрик да заводушек,
45 Много машин - скороходушек,
А во деревеньках — колхозушек,
Как колхоз так одна семья.
Погляжу я, полюбуюся
На счастливых колхозников,
50 Как работают колхознички,
Они на поле как на море,
Они не сошками да не боронками,
Все тракторамы да машинамы.
Как еще-то принастроено
55 Про колхозных малых детушек,
Про них теплых витых гнездушек,
По прозваньицу ясельшек.
Как пойдут колхозных детей матушки
На колхозную работушку,
60 О детях-то нет заботушки.
Как спомню я, многобеднушка,
Как про стару жизнь-жирушку;
Как у старого правительства,
У них не было настроено
65 Как нашим рожоньим детушкам детских ясельшек,
Так наши рожоны детушки
Много в лесах заблуждалися,
Много в реке утопалися.
Ох-ти, мне, да беднешенькой,
70 Дорогой ты наш Владимир Ильич,
Нам жаль тебя тошнешенько,
Что не в пору да не во время
Пришла смерть холодная,
Оборвала жизнь твою счастливую,
75 Помер ты, наш дорогой Ильич,
Навек мы с тобой рассталися,
А твои заветы верные
У нас у всех в сердцах остались.
Мы дадим тебе слово сердечное:
80 Будем выполнять твои заветы веки вечные. 73

LXVI. УЖ ВЫ ВСПОМНИТЕ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА

- Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет к Ильичу смеретушка,
И не пришла ему судьбинушка
- 5 Пожить жизнью хорошею поболее.
Мне уж стать сказать — не высказать,
Мне уж стать писать — не выписать
Про твоё житье — живленьице.
Была жирушка тяжелая,
- 10 Все работала твоя буйная головушка,
И волновалось ретливое сердечико,
И был отправлен ты на чужедальнюю сторонушку,
И был посажен ты на замки ключёвые,
И еще-то жил ты во в темных лесиках.
- 15 Была тебе мукушка и печалюшка,
И имел ты великую досадушку,
Все работал и старался
Своей буйной головушкой
И ретливым сердечиком,
- 20 Все кручинился, печалился,
Полагая свою жизнь
За свой любимый народ
И все расстраивал свое ретливое сердечико:
„И как бы мне перевернуть власть царскую,
- 25 Как бы мне устроить власть советскую“.
И нападавали на тебя ведь злые люди
Горькима словами и тяжелыма ударами.
Все равно ты добивался и не жалел себя,
Своей силушки, своей буйной головушки,
- 30 А жалел своих любимых товарищей
И всех рабочих-работников,
И все хотелось тебе дать им вольную волюшку,
Великую слободушку.
И устроил ты как тебе хотелось,
- 35 Сделал ты вольную волюшку,
И дал ты слободушку.
И еще вы, мои дорогие товарищи,
Уж вы вспомните товарища Ленина,
Вы вспомните его слова добрыма.

40 Уж что мог он то старался
И всю силушку положил для нас,
Для своих любимых товарищей,
Для народов всей Россиюшки.
Где бы жить ему да любоваться
Дорогому товарищу Ленину.^а ^б_х

ЛХVII. УЖ ПОЙТИ-КА МНЕ, ГОРЮЩИЦЕ

- Уж пойти-ка мне, горющице,
 Уж ко столу да ко дубовому,
 Уж поприсести мне да потихошеньку.
 Уж как не знаю только, беднушка,
 5 Сесть мне к резвым ли ноженькам
 Али к буйной ко головушке?
 Уж лучше сяду только, беднушка,
 Против сердечушка ретивого,
 Уж погляжу на тело мертвое,
 10 Уж тело мертвое, личко блеклое,
 Да как спрошу, бедна горющица,
 Дорогого вождя Ленина:
 „Уж как что с Вами случилось,
 Что за боль да приключилася?
 15 Уж ты ведь трудничек-работничек,
 Уж всему миру был пособничек,
 Уж малых детушек повиучил,
 Уж как сирот наших повиростил,
 Уж моих маленьких да детушек,
 20 Уж как сирот да малолетушек
 Уж во школушках повиучил,
 Уж ты ведь хлебушком повикормил.
 Да ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
 Владимир Ильич Ленин наш
 25 Уж на резвые на ноженьки,
 Уж ты на белые сапоженьки.
 Уж бери в рученьки маханьице,
 Уж как во белу грудь здыханьице,
 Уж во уста да говореньице,
 30 Уж во ясны очи гляденьице.
 Уж мы возьмем да за белы руки,
 Уж поведем да в зелены сады
 Тебя к сиротам малым детушкам,
 Ко вдовам престарелым,
 35 Уж как твоей да любимой жены.
 Уж вся советска власть обрадуется,
 Уж по Россиюшки радость пойдет.
 Уж каб знала это, ведала,
 Уж во Москву-то я ведь сбегала,

- 40 Даκ прогнала бы смеретушку,
Уж отогнала бы злодейную.
Уж как взяла ты, смеретушка,
Уж человечушка ты нужного,
Уж человечушка великого,
- 45 Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка.
Уж у него столь было работушки,
Уж на сердечушке заботушки.
Уж как злодейная смеретушка
- 50 Она в лесу не заблудилася,
Она в воде не заронилася,
Уж у ворот не колотилася,
Уж все в избушечку явилася.
Даκ уж нынечку - топеричку
- 55 Уж ты, вдова многострадальная,
Как его да хорошая жена,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоко нову горенку,
- 60 Уж сделай стѣнушки хрустальные,
Уж потолки сделай зеркальные,
Уж обей кирпичну белу печушку,
Уж со муравчатым отосточком,
Уж ты наливчаты окошечки,
- 65 Уж как двери ты дубовые,
Уж как ступенечки кленовые,
Уж как замочки черькасские,
Что-б замочки не ржавели,
Уж ключи-то не терялися.
- 70 Даκ придет веснушка красивая,
Пройдет времячко тоскливое,
Уж порастают ведь снежочки,
А унесет с реки ледочки;
Даκ уж сделай ты, голубушка,
- 75 Сделай легкие веселышка,
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голубыма веселкамы;
Уж от твоего ноне терема,
Уж со твоих да со ясных очей,
- 80 Уж от твоих да горючих слез,
Уж от сирот да молод — бедных,
А мы от вдов да от несчастных
Уж мы пропустим речку быструю
И поедем этой реченькой
- 85 Как к его да телу мертвому.
Уж на середке этой лодочки
Сидеть будет его вдова,

- А по краям да этой лодочки
Будут маленьки сироточки.
- 90 Уж как на этой да на лодочке
Будут вдовы престарелые.
Дак мы поедем-ка, несчастные,
Уж мы к товарищу ведь к Ленину,
Уж к твоему мужу законному,
- 95 А уж мы да к благодетелю,
А уж как сиротам родителю.
Эти царские фамилии
Были чистыи вредители,
Навредили нам ведь бедным,
- 100 Всему миру да всем людюшкам.
Были злые ведь исправники,
Все грубые ведь начальники,
Как его да ненавидели,
У него здоровье схитили.
- 105 И скрывался от злых людюшек
По лесам да он по темным,
По подпольицам глубокиим
Как от злых он от начальников,
Но как злые да бессовестны
- 110 Загубили жизнь молбдую,
Застудили груди белые
Володимиру Ильичу Ленину.
Как при царском правительстве
Было денег недостаточки,
- 115 У нас в хлебе недохваточки,
А у советской у Россиюшки,
Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь допьяна,
Уж наши детушки повыучены.
- 120 Вы вожди - руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь женщин вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили,
- 125 Хорошу память оставили.
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы.
- 130 Нам и жаль его тошнешенько,
На сердечке тяжелешенько. ⁷⁷

ПЛАЧИ И СКАЗЫ О КИРОВЕ

ПЛАЧ-СКАЗ Е. С. ЖУРАВЛЕВОЙ⁷⁸

ЛХVІІІ. ПРОШИПЕЛА ЗМЕЯ ЛЮТАЯ

- По сегодняшнему дёнечку
Как я вспомнила, беднушка,
Своего вождя милого,
Отца всего света любимого,
5 Как Сергея Мироновича Кирова.
Как сяду я, беднушка,
На брусову белу лавочку,
Ко косивчату окошечку;
Повыскажу обидушку
10 И повырою кручинушку
По дорогому вождю Кирову.
Я неладно, бедна, вздумала.
Как злодейной мне обидушки
Как под косивчатым окошечком
15 Мне-ка в летний день не высказать,
Во осенний день не выписать.
Как пойду я, многобеднушка,
Во Москву я белокаменную,
Ко могилушке покойною,
20 Ко музеюшке холодную.
Вы завейте, ветры буйные,
Вы со всех да четырех сторон,
Растащите-ко желты пески,
Разгребись-ко, мать-сыра земля,
25 Покажись-ко, гробова доска,
Покажись-ко, тело мертвое,
Тело мёртво, личко блеклое
У дорого вождя Кирова.
Дорогой Сергей Миронович,
30 Прочитала я, беднушка,
Скоропищатую грамотку
Про твое житье я, жирушку,
Как ты жил, Сергей Миронович,
При злодеях-царях лютых,
35 Жил ты в юном ребячестве,
Во несчастном сирочестве
Без сердечных родителей;

- Приходилось жить голодному,
И сидеть в тюрьме холодной.
- 40 С товарищем Лениным
Вы боролись за советскую власть,
Вы царей земли повыгнали
И князей с помещици убрали,
Освободили затюремщиков,
- 45 Раскрепостили бедную женщину.
Как по всей стране советскою
Прошла славушка славная,
Стала женщина равноправная;
Завоевали вы свободушку,
- 50 Всею советскою народушку,
Стали жить мы все по-новому,
Все работать по-здоровому.
Красно солнышко ясней пекёт,
Наше времечко быстрее идёт.
- 55 Стали фабрики, заводушки,
Все рабочего народушку.
Дорогой Сергей Миронович,
Не лежать бы тебе в могилушке,
Жить в хорошей жите-жирушке.
- 60 Ох-ти, мне да нам тошнешенько,
Назад четыре круглых годышка
У кабинета вождя Кирова
Прошипела змея лютая,
Просвистала пуля литая,
- 65 У дорогого вождя Кирова
Во грудях взяла дыханьице,
Белых рученок маханьице,
Резвых ноженек хоженьице,
Со ясных очей гляженьице,
- 70 И язычно говореньице.
Ох-ти, мне да нам тошнешенько,
Все узнали про смерть Кирова;
Зауныла мать-сыра земля,
Затемнело красное солнышко,
- 75 Стали людишки обидные,
На заводах и на фабриках
Там гудят гудки унылые;
По тебе, Сергей Миронович,
Плачет вся земля советская.
- 80 Похитила твою голову
Как врага рука злодейская.
Помер ты, Сергей Миронович,
Мы навек с тобой расстались,
А твоя геройская программужка,
- 85 У нас у всех в сердцах осталася.

- Будем жить и будем пámятить
Твою программу молодецкую,
От злодея врага лютого
Очищать землю советскую.
- 90 Дорогой Сергей Миронович,
Рассказать бы мне-ка, беднушке,
Про свое житье да жирушку,
Как жила я, многобеднушка,
При царях-злодеях лютых
- 95 У сердечных родителей,
Как детей нас было восьмеро,
Как родитель у нас батюшко
Упивался зеленым вином;
У нас, у беднушек,
- 100 Были в хлебах недохваточки,
Были в деньгах недостаточки;
Как приходилось нам, беднушкам,
Жить не по-хорошему,
А работать по-тяжелому.
- 105 Как сполнилось мне, беднушке,
Семнадцать юных годышков,
Как сердечные родители
Насильно замуж меня выдали.
Жила я, беднушка,
- 110 За мужем нелюбимым.
Моя жизнь была негодная,
Семья к труду да не способная,
Свекрова была старая,
Детей у них было трое малых,
- 115 А свекор наш батюшко
В углу сидел без ног —
Работать нам совсем не мог.
Так жила я, многобеднушка,
С таким мужем нелюбимым.
- 120 Он стрóжил меня, беднушку.
Пойти мне было некуда
И пожаловаться некому.
Так и прожила я, беднушка,
Девять круглых годышков.
- 125 Наскопилось у беднушки
Пять рóдных малых детушек,
Потом пришла смерть голодная,
Со темна леса холодная,
Как взяла-поубрала
- 130 Моего мужа не милого,
А детям отца родимого.
Как осталась, многобеднушка,
Вдовушкой, победной головушкой

- С пяти сиротамы - детьми,
135 Всяко времечко коротала,
У кулаков поработала.
Таку я жила житье-жирушку,
У кулаков я гнула спинушку.
Как работала я, беднушка,
140 Целый день с утра до вечера,
А получить мне было нечего.
Так и жила, многобеднушка.
Тихо день за днем двигалася,
Помалу время короталося.
145 Дорогой Сергей Миронович,
Так и прожила я, беднушка,
Старо житье-жирушку.
Как по-моему вдруг счастьещу
Как Вы, Сергей Миронович,
150 Стару жизнь уволили,
А нову жизнь построили,
Завоевали Вы свободушку,
Построили взрослых школушку.
Я работала, спешилася,
155 Ходить в школу торопилася,
Научилась читать, писать и складывать.
На собраньи выговаривать;
Стала жить я на свободушке
И работать на заводушке. ⁷⁹

ЛХІХ. СЕРДЦЕ ЖЕНСКОЕ БЕЗ ОГНЯ ДА РАЗЖИГАЛОСЯ

- Как настал год семнадцатой,
Как наши любимые вожди:
Ленин, Сталин, Киров
Повернули нам жирушку веселую
5 И нам жирушку любимую,
Избавили нас от трудного положеньица,
От купцов да от помещиков.
И подросли собаки да грызучие
И звери да ведь свирепые,
10 Враги да ведь неверные,
Враги да ведь злодейные;
Они хотели загубить наших любимых вождей
И любимую страну советскую.
Как настал месяц декабрь
15 И число первое невеселое,
День туманный и тоскливый,
Наш любимый вождь Киров,
Распрощался он с семеюшкой,
С малыыми детушкамы,
20 Пошел он на работушку на любимую.
Как настал часочек несчастливый
И минутошка очень трудная,
Как загремела пуля быстрая
От руки да от змеиной,
25 От руки да врага, от неприятеля,
Проколола пуля быстрая
У нашего любимого вождя у Кирова
Белу грудь она верную,
30 Нашего любимого вождя Кирова.
Как я узнала, колхозница активная,
Что скончалось наше серденько хорошее
От врага да неприятеля,
Как пришла нам весточка и грамотка,
35 Мое сердеченько женское
Без огня да разжигалось,
Без смолы да закиплялось,
Проливала я горячи слезиночки.
В ту темную-то ноченьку
40 Собрала я своих детушек

- Ко столику ко дубовому,
И крепко жали потрет Кирова
Ко своему жаркому сердеченьку,
Жалея вождя Кирова.
- 45 Спугубил он свою жизнь молодую
За нас, за рабочих да колхозников,
Приоставил он семеюшку любимую
И своих малых детушек
Рано победными сиротиночками,
- 50 И свою работушку любимую,
И своих друзей да и товарищей,
Своего любимого товарища Сталина.
И наша любимая рабочих партия
Розыскала врагов да неприятелей,
- 55 Что собак да и грызучиих.
Я дала совет да и голосованьице
Задушить врагов и расстреливать.
И с тех пор мы живем да и не умерли,
Жили да радовалися,
- 60 Светлой жирушкой красовалися.
И как во нынешнем году да во годичку
Круг нашего мѣстичка
Споявились враги да и неверные
И хотели загубить нашу
- 65 Да ведь любимую,
Дорогую власть советскую.
Принависли круг нас тученьки темные.
Не удалось врагам да и неприятелям
Загубить нашу страну да ведь советскую,
- 70 Колхозную жирушку нашу легкую.
Как коммунистическая партия большевиков,
Как щукой в воде попрыгивала,
Как серым волком в лесу прихлыстывала,
Так разыскивали врагов да неприятелей.
- 75 Да и опять нашли врагов да неприятелей
Наши любимые коммунисты-большевики.⁸¹

LXX. ДЕЛА ТВОИ ВЕЛИКИЕ НЕ ЗАБУДЕТ НАША РОДИНА

- Вы завейте-ка, ветры буйные,
 Разнесите вы пески желтые,
 Расколись-ка ты, мать — сыра земля,
 Ты откройся-ка, гробова доска,
 5 Покажись-ка нам, лицо белое
 Сергея да Мироновича.
 Уж вы вздуньте, ветры буйные,
 Вы Сергею да Мироновичу
 В резвы ноженьки хожденьице,
 10 Во белы руки владеньице,
 Во ясны очи гляденьеице,
 В уста умны говореньеице.
 Уж-ка стань-ко ты, пожалуйста,
 Дорогой ты наш товарищ-друг,
 15 Ты пойдем-ка в Кремль да белокаменный,
 Ко своему другу Сталину,
 Поговори ты с ним да посоветуйся
 О делах наших великих;
 Как построить нам дороги быстроходные
 20 Да каналы в сине море скороходные,
 Самолетов сколько легких нам повыстроить,
 Сколько соколов да летчиков выпустить,
 Сколько фабрик да заводов новых выстроить,
 Красну армию родную нам поукрепить.
 25 Ты послушай-ка, наш славный друг,
 Наш славный друг Сергей Миронович,
 Про нашу жизнь да про счастливую,
 Про нашу славушку великую,
 Про детей наших здоровых,
 30 Про матерей наших счастливых,
 Про житье наше колхозное веселое.
 Уж как нет да ведь не станется,
 Уж как нет да ведь не сбудется,
 Солнце с запада не выстанет,
 35 Не проснешься ты, наш сердечный друг,
 Крепко спишь да не пробудишься;
 Как не взглянут твои очи ясные,
 Не разомкнутся твои уста умные,
 Не заговорят они слова великие

- 40 Про дела наши славные,
Как цветет-растет страна великая,
Крепнет родина наша могучая
Со любимым вождем со Сталиным.
Уж мы, бедные горюшицы,
- 45 Уж мы знаем, уж мы ведаем
Про твою скорую кончинушку.
Ты погиб, Сергей Миронович наш,
От руки-то ведь от вражней,
От врага ты пал да от лютого,
- 50 Погубил он тебя из зависти
Ко словам, делам твоим правдивым.
Уж мы знаем да мы ведаем
Мы про жизнь твою тяжелую,
Как ты жил, Сергей Миронович,
- 55 Ты защита наша крепкая,
Как страдал да во сырой тюрьме
За честный народ, рабочий люд.
Твое имя, наш Сергей Миронович,
Из веку в века будет прославлено,
- 60 И дела твои великие
Не забудет наша родина. ⁸³

ЛХХІ. УЖ ТЫ, ДОЧЬ, СЕСТРА НАРОДНАЯ

- Как сегодняшним дёнечком,
Уж как ранним порой-времячком
Болит моя головушка,
Щемит ретивое сердечушко,
5 Что-то чувствует неладное,
Что-то чувствует недоброе,
А в стране у нас в Советской
Уж не вражия ли силушка
Перешла границу да советскую,
10 Иль не смеретушка ли лютая,
Как взяла вождя великого?
И вечерней порой-времечком
Пронеслася будто молния
Как по всей стране великой
15 Передача да по радио,
Что взяла у нас смеретушка
Как сестру и дочь народную,
А Надежду Константиновну,
А борца за революцию.
20 Как Надежда Константиновна,
Она с ранних лет молодых
С товарищем да Лениным
За революцию боролася,
Она по тюрьмам насиделася
25 И по ссылкам наскиталася,
Даже казни не боялася,
Все свободы добивалася.
Она с товарищем да с Лениным,
Она с товарищем да Сталиным
30 За одно да думу думали,
За едино дела делали.
Ихни думушки сходилися,
Им судьба да покорялася,
Власть свободная, великая
35 В руках трудящихся осталася.
Спасли страну нашу великую

Вы от гнета вековечного
И открыли путь дороженьку
К счастливой жизни,
40 Жизни радостной.
Ты, Надежда Константиновна,
Уж ты, дочь, сестра народная,
Как ты до самой до смеретушки
Труд поклала для народушки.
45 Очень мы да соболезнуем,
Будем вечно тебя помнить,
В душе с болью вспоминаючи,
По твоей пути шагаючи. ⁸⁵

ЛХХII. ПЕРЕСТАЛО БИТЬСЯ СЕРДЦЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЕ

- Настал день грустный и нерадостный
 Для наших вождей и для всех советских людей.
 В день двадцать седьмого февраля,
 словно как упало красное солнышко
- 5 На нашу землю советскую.
 Получили мы с Москвы весточку нерадостну,
 Как не стало у нас неутомимого большевика
 Надежды Константиновны Крупской,
 Перестало биться сердце большевистское.
- 10 Глазки твои закрылися,
 Ручки твои опустилися,
 Ножки твои подломилися.
 Как бы были у меня крылья-перышки,
 Так слетала бы я, беднушка,
- 15 Во Москву белокаменную,
 Поглядела бы я, беднушка,
 На дорогую Надежду Константиновну,
 Поглядела бы на тело мертвое, на личико блеклое,
 Спросила бы у ейного большевистского сердечушка,
- 20 Как ты с партийной работушкой рассталася,
 Со своими партийными братьями распрощалася,
 Не в знакомую дороженьку отправлялася.
 Ушла ты, наша дорогая Надежда Константиновна,
 от нас,
 Заслужила ты себе славушку вечную
- 25 И память бесконечную.
 Отдала ты всю жизнь за дело Ленина и Сталина,
 За дело и благо народа.
 Мы дадим тебе свою клятву женскую
 Итти по твоей пути и по пути Ленина и Сталина!
- 30 Прощай, наша дорогая Надежда Константиновна,
 Ты ушла от нас и с нами рассталася,
 Честь и слава о тебе
 У всех советских людей в сердцах осталася. ⁸⁷

ЛХХШ. ПОНЕСЛИ ИЗ ЗАЛА ИЗ КОЛОННОГО

- Не спешите, друзья да приятели,
Вы, герои наши советские,
Вы из зала из колонного
Нести тѣлушко-то мертвое
5 На площадь-то на Красную,
Предать к матушке к сырой земле,
Ко разлуке гробовой доске.
Уж вы сами про это знаете,
Что из полу-то у нас из женского
10 Как в дорогой советской родине
Больше нет у нас и не осталось
Как Надежды Константиновны.
Сидели мы да слушали,
Как говорили о Надежде Константиновне.
15 Понесли из зала из колонного
Надежду Константиновну
На площадь-то на Красную
Со знаменами да со заслугами,
С орденами со великими.
20 Мы сидели у радио
Да слушали,
Слушали да горько плакали. ⁸⁹

LXXIV. ЕМУ ВЕТРА ПОВИНОВАЛИСЯ

- Как сижу, многообидная,
 Под косящатым окошечком,
 И смотрю я, кручинная,
 На шумливое Онегушко.
- 5 Волна в озере сходилася,
 Со песком вода смутилася,
 Все тряпущи свежи рыбки,
 Все на дно вглубь опустилися,
 А тепло красно наше солнышко,
- 10 Оно за тучи обрядилося,
 А луна-то поднебесная,
 Она вовсе затуманилась.
 Я сижу да умом думаю,
 Что-то есть у нас неладное,
- 15 Есть в стране да недостатное,
 Верно враги народа честного,
 Народа честного советского,
 Все злодеи-неприятели
 На страну нашу советскую
- 20 Путем тайным пробираются.
 В эту пору, в это времечко
 Прилетела птичка вещая,
 Она крылышки расправила,
 По окошечку ударила,
 А не птиченька тут вещая,
 Это радио советское.
- 25 Мне сказала птичка вещая:
 „Что сидишь, вдова, невесело,
 Ты головушку повесила?
 Верно чует сердце женское,
 Что в стране у нас случилось,
- 30 Большое горе приключилось?“
 Мне сказала птичка вещая,
 Она весточку нерадостну:
 Декабря была пятнадцатого,
 Того месяца морозного

- 35 Как нежданно да негаданно,
Что погиб наш сердечный друг,
У нас не стало на белом свету
Да Валерия да Чкалова.
Пришла скорая смеретушка
- 40 На любимой работушке,
Эта смерть да не подсудная,
А головушка да безрассудная.
Не видла взять смеретушка
Как ни старого, ни дряхлого,
- 45 Человека волокидного,
И взяла смеретушка
Знаменитого да смелого,
Взяла летчика удалого,
Человека деловитого,
- 50 Как из летчиков-то первого,
Во всем мире не последнего;
Повыврала смеретушка
Как из сталинских из соколов
Человека самолучшего,
- 55 А Валерия да Чкалова.
Не страшился наш ясён сокол
Перелетушков-то дальних
И не ветров-то он буйных,
Пролетал да он прямёшенько
- 60 Из Москвы прямо на Арктику.
Ему штормы покорялися,
И ветра повиновалися,
И туманы разбежалися —
Все Валерию подчинялися.
- 65 Проложил он путь - дороженьку
Во сторонушку во дальнюю,
Во суровую, холодную,
А путем-то неизвестным
Во сторонушку во дальнюю,
- 70 Путь воздушный во Америку.
Все-то люди удивилися,
Вся страна наша советская
Им, Чкаловым гордилася,
Что у нас-то, на Россеюшке
- 75 Таки герои появились.
А как нынечку-теперечку
По большому ли несчастью,
По велику бесталаньицу
Полетел да наш ясён сокол
- 80 В путь дороженьку недалнюю,
Но не в дальнюю, в печальную,
Не на охотное гуляньице,

- Не на веселое катанье —
Полетел да наш ясён сокол,
85 Полетел на испытанье
Самолета скоролетного.
Ведько горюшко случилось,
Больша беда да приключилася;
Высоко да высокошенько
90 Показалися дымочки,
Запылали огонечики,
Загорелся самолет-то наш,
А Валерий-то да Павлович,
Самолет-то он спасаючи,
95 Сложил он буйну головушку
На любимой работушке.
И узнали да уведали
Все-то людюшки советские,
Горючима слезамы заплакали,
100 А супруга, молода жена;
Она клубышком катается,
Его маленькие детушки,
Будто червушки свиваются,
Все его да сожалеючи.
105 Я попрошу, многообидная,
Я вождей-то ведь советских
И товарищей, и летчиков,
И могильных копателей,
И телесных погребателей:
110 Не копайте-тко могилушку
Во сырую во земелюшку
Уж вы Валерию да Чкалову,
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-ка плотнешеньке,
115 Пора-времечко обйдется,
Его сердце успокоится,
Наш ясён сокол повыстанет,
Из могилушки повылетит.
А Валерием-то Чкаловым
120 Все товарищи нуждаются,
Самолеты дожидаются.
Полетит тут наш ясён сокол
На самолетах скоролетных
Выше лесушку стоячего,
125 Ниже облаков ходячиих,
Вокруг всего ли света белого,
По своему ли он желанье
Исполнит Сталина задание.
И еще скажу, обидная:
130 Как супруга, молода жена,

Уж ты, вдова многообидная,
Ты судьбой да приобижена,
От людей ты не обнижена.
Уж ты послушай-ко, пожалуйста,
135 Не спускай-ко тела мертвого,
Своего мужа законного
Ты во матушку-сыру землю;
У товарища у Сталина,
Есть заводушки стеклянные,
140 Ты закажи гроба хрустальные,
Положи мужа законного
Как во те гробы хрустальные,
Клади в комнаты в особые,
Ты на ледники холодные,
145 Чтобы телушко не тратилось,
А бело личушко не портилось.
Когда стóснется да сбиднется,
Гробы хрустальные откроете,
А своего мужа посмотрите.⁹¹

LXXV. КАК ПРОСЛАВЛЮ, МНОГОБЕДНУШКА

- Как закатилось красное солнышко
Как за лесушки дремучие,
За болотушка топучие,
Прогремела тучка темная,
5 Пролетела стрела огненна.
Как со этой тучки темною
Гром рассыпался по всей земле,
Как эта стрела огненна,
Она задела деревинику,
10 В деревиночке вершиночка сломалася,
Как у дорогого героя бесстрашного,
Валерия Павловича Чкалова,
Его жизнь да оборвалася.
Ох-ти, мне да нам тошнешенько,
15 Кабы были у мя, у беднушки,
Крылья-перушки гусинные
Да полеты лебединные,
Слетала бы я, беднушка,
На тое само мѣстечко,
20 Где пришла тут смерть холодная
Дорогому другу Чкалову,
Как подостлала бы я, беднушка,
Ему постелюшку перѳвую,
И приняла бы я, беднушка,
25 На свои на ручки белые,
И прижала бы к ретивому сердечушку,
И избавила бы от смерти той холодной.
Так сяду я, многобеднушка,
Ко столу да ко дубовому,
30 Возьму лист-бумажечку гербовую,
Напишу я 3 писѳмушка
Во Москву да белокаменну.
Уж как первое писѳмушко
Дорогому вождю Сталину,
35 Друго писѳмушко — Калинину,
Уж я третье — Ворошилову,
А не дадут ли мне-ка, беднушке,
Еропланчик скоролетчатый.
Как поеду, многобеднушка,

- 40 За лесушки дремучие,
За болота за топучие.
Там бежит да речка быстрая,
Речка быстрая, струистая,
Там шумит вода бессмертная
- 45 Как возьму я этой водушки
Да слечу я, многобеднушка,
Уж в Москву я белокаменну,
На могилушку покойную
Дорогого друга Чкалова,
- 50 Паду клубом на сыру землю,
Сплыву червушком в сыру землю,
Уж я омою тело мертвое.
Может ото сна да он пробудится,
Да от смерти он воскресится.
- 55 Ох-ти, мне да нам тошнешенько,
Сама я знаю, многобеднушка,
Наверно, век тое не водится,
Со мертвых живо не родится
Да назад не поворотится.
- 60 Как прославлю, многобеднушка,
Своего героя бесстрашного
Во плачѣх своих обидных,
Напишу я в книгах видных.
Пусть помнят старые и малые
- 65 Нашего героя удалого,
Валерия Павловича Чкалова. ⁹⁸

ЛХХVI. ВЕЧНО БУДЕМ ТЕБЯ ПАМЯТИТЬ

- Как прошло число четырнадцать,
 А на пятнадцатое декабря.
 Уж не скоротать ночку темную,
 А ночку темную, осеннюю:
 5 Как ретивое сердечушко,
 Что-то чувствует недоброе.
 Я встала утрышком ранешенько
 А умывалася белешенько,
 Вытиралася сухешенько
 10 И включила только радио.
 А что холодной водой облило,
 И как огнем меня да обожгло:
 Услыхала весть нерадостну
 А про героя советского
 15 И депутата я Верховного,
 Богатыря да знаменитого,
 А ведь летчика да Чкалова,
 Что получил он смерть геройскую.
 За добро да за советское
 20 Он сложил буйную головушку.
 Ох-ти, мнешеньки тошнешенько,
 Уж стало очень обиднешенько,
 Как резвы ножки подломилися,
 И белы ручки опустилися,
 25 А из моих очей из ясных
 Горьки слезы покатилися.
 А как газету прочитала я
 О его да достижениях
 И великих его подвигах,
 30 А вся страна да соболезнует
 По герою да по Чкалове,
 О Валерие да Павлове.
 Уж как не долго пришлось
 Жить тебе, Валерий да свет Павлович,
 35 А вечно будем тебя памятить,
 Будем славить твое имечко
 Как по всей страны советскою.⁹⁴

ЛХХVII. НЕ БОЯЛСЯ ОН ВЕТРОВ БУЙНЫХ

- И как настал день с ранней зариночки,
 И пришла нам весточка - грамотка.
 И была весточка нерадостная,
 И была грамота невеселая,
 5 Эта весточка нами нежданная,
 Что скончался гордый сокол наш,
 Гордый сокол, всем любимый нам.
 Кто не знал его, кто не ведывал,
 Он на гордость нам и на страх врагам
 10 Всё дороженьки он прокладывал,
 Не по полюшкам, не по гладь-бору,
 А по воздуху не облетаному,
 По указу по великому,
 По маршруту да по Сталина.
 15 Не боялся он ни ветра буйного,
 Ни бурь снежных да ни туман густых,
 Перелетывал свою родину,
 Свою родину вдоль и поперек.
 Как страна наша расцветалася,
 20 Так Валерий Павлович прославился,
 Высоко летал по поднёбесью,
 Далеко летал да в Америку.
 Сталинскому соколу честь славная —
 Самураям да фашистам боязнь грозная.
 25 А ведь сокол тот был с народа он,
 За народ стоял, за него народ.
 А растил его, как миллион других,
 Сталин наш родной и любимый нам.
 И он вождь нам всем, как отец родной,
 30 И не раз он ему да поговаривал:
 „Бережешь ты самолеты быстролетные,
 Что б страна наша была могучая,
 Но ценней у нас не машиночки,
 Не машиночки, а человек живой“.
 35 Все машинушки он облетывал,
 Все машинушки он испытывал,
 А в один-то день горька весть пришла,
 Что погиб он, наш герой, в Москве.
 Но не погибла твоя слава великая,

- 40 Не погибла твоя слава могучая,
Научил ты много добрых мблодцев,
Много славных ты летчиков,
Которые будут летать выше облаков,
Через синие моря и ледовитые,
- 45 Будут защищать страну да нашу советскую,
Страну да нашу социалистическую,
Будут крепкими бойцами на воздухе,
Богатырями на советской земле,
Как да по примерам да чкаловским,
- 50 Будут они управлять да моторами,
Будут бесстрашными соколами
Летать да по воздуху.
Будем мы помнить товарища Чкалова,
Как пилота-героя советской страны,
- 55 Как летал он да по маршруту да по сталинскому,
Выполнял он задания правительственные.
Был он мудрым, храбрым летчиком,
Был он славным исполнителем.
- 60 И по привык он к этому делу соколиному
Летать ясным соколом да по воздуху.⁹⁶

ЛХХVІІІ. ДРУГОМ НАШИМ, ГОРЬКИЙ, ТЫ МНЕ КАЖЕШЬСЯ

- Скоро сполнится три круглых годичка,
Как не стало на белом свету
Дорогого советского писателя,
Друга верного Иосифу-то Сталину
- 5 И всему народу пролетарскому
Как Максима-то Горького.
Как пришла скорая ему смеретушка
А не в пору да не во время.
Пришла весточка нерадостна.
- 10 Не могла уснуть я в ночьку темную,
В ясный полдень мое сердце сжалось,
Все лицо мое слезама обливалось.
Вспомню я твое да сиротаньце,
По чужим людям твое шатаньце.
- 15 По судам ходил да водолейщиком,
На пароходах был да судомойщиком,
Проходил по матушке Россеюшке,
Не заходил в дома купечески
И не в палаты-ли да княженеческие,
- 20 Все высматривал, выглядывал,
Как живет да трудовой народ,
Как терпел народ да царский гнет,
Как томились люди, гинули
По трущобам и по домам ночлежным.
- 25 И положил в головушку заботушку
Нам помочь, людям дать волюшку.
Другом нашим, Горький, ты мне кажешься
Мне ли братом родным вспоминаешься
Светлым разумом, Максимыч, ты прославился,
- 30 Ты хорошима делама возвеличился,
Наш писатель, Алексей Максимович.
В пору нежданно, да недуманно
Налетела, закружилась туча темная,
Омрачила туча нашу родину.
Загубили твою жирушку драгоценную,
- 35 Змеи лютые, гады шипучие,
Все злодеи да неприятели.
Кто убийца твой да я не ведаю,

- Кто травил твоё ретивое сердечушко,
И загубили твоего сына любимого.
- 40 Все тебе да отдавалось
На твоё сердечушко собиралось.
Они продали врагам жизнь свою,
Верно счастье наше им не понравилось,
Верно давно тот змей за тобой следил,
- 45 Не спалось ему злодею ночи темные,
За тобой он гад выглядывал, выслеживал,
Следы ног твоих как пес обнюживал.
Точно солнца он боялся светлых глаз твоих,
Как сова боялся света ясного.
- 50 Змей подкрался к тебе по разбойничьи,
Отравил твоё ретивое сердечушко,
Как ускорил злодейницу смеретушку
Как нашему писателю советскому.
А честь-хвала суду пролетарскому,
- 55 С лиходеями они расправились,
Головамы злодеи поплатились.
Как закрою очи и задумаюсь,
Темна ноченька скоротается,
А наш писатель к нам не воротится.
- 60 Мне ли жаль тебя да тошнешенько,
Моему сердечку тяжелешенько.
Мне хотелось бы скорым-скорешенько
Сходить на могилушку умершую.
На твоей могиле зарыдала бы,
- 65 Всю могилушку да оплакала,
Облила слезама я горючима,
Но только вижу на бумаге да я образ твой,
А в седой головушке я слышу голос твой,
Когда я думаю, тогда и ты со мной,
- 70 Я открою очи не видать тебя,
Зову голосом-ты не откликаешься.
Только знаю, старая, я ведаю,
Что подсобником да ты мне видишься,
Братом родным любимым вспоминаешься.
- 75 Ты родной писатель нашей родины,
Много светлого ума в твоей головушке,
Много дал нам мыслей умных, мыслей радостных,
Много дел больших тобою вздумано,
Поучительного много у тебя написано,
- 80 Старину собирать у тебя нам показано.
И мы, сказители карельские,
Вспоминать мы будем век да по веку,
Тебя, Максима света Горького.
Отошел от нас ты, улетучился,
- 85 Будто в темный бор, в местечко темное,

От друзей своих, товарищей,
От того ли друга Сталина.
Уж не будет с ним у нас свиданьица,
Только память о Горьком у нас останется.
90 Как лежал в гробу ты дни и ноченьки,
Собрались вокруг тебя товарищи,
Ждали слова твоего последнего,
Не промолвил ты словцо прощальное.⁹⁷

ЛХХІХ. ОНИ СПАТЬ ЛЕГЛИ ВО ПУЧИНУ ГЛУБОКУЮ

- Как узнали мы да люди добрые
Про несчастьице да великое,
Что погинуло шесть летчиков
Вместе с соколом Леваневским
5 Во буйных ветрах да во холодных,
Во волнах-то во угрюмых,
В окіяне во Ледовитом.
Они приняли смеретушку
Не на мягкой постелюшке,
10 Не окутаны одеялышком,
Они спать легли во пучину глубокую,
А качали их волны шумные,
А окутали льды тяжелые.
Они летели ведь да не думали,
15 Что найдут себе там кончинушку,
Что захлестнет их волна сердитая,
Что раздавят их льды наносные,
Занесут вихори снежные.
Все герои они были славные.
20 Положили они свои головушки
За родину за великую,
За страну свою за Советскую.
Ихня бுவка незнаема,
А могилушка потеряна.
25 Ведь летели они над местом опасным,
Там мосты-то ведь не мощены,
И дороги там не проложены,
Негде было им спаститися,
Негде было им схоронитися.
30 Как найти бы нам ихни косточки,
Схоронили б их на своей родине
Со оркестром да со печальным,
Погоревали бы мы, горющицы,
Со отцом нашим со Сталиным.
35 Я ведь знаю нонь-то, бедная,
Что их семья-то обеспечена.
Станут дети их расти-цвести,
Как во полюшке цветы алые,

Будут детушки все ученые,
40 Будут летчики все верные,
Горды соколы победные,
Защищать они будут родину
От врагов да ненавистных.
Вы народ да люди добрые,
45 Оцените-ка да прославьте-ка
Вы героев этих летчиков.⁹⁸

LXXX. СЫНОВЕЙ Я ДАМ СВОИХ ЛЮБИМЫХ

- Как спалá я, многобеднушка,
Уж под одеялышком под ватным,
А своим да сном припомнила,
Как прилетела птичка вещая,
5 Уж птичка вещая — соловеюшко,
Уж она в околеньку ударила,
Да хоть околенька заржавела.
Говорила птичка вещая,
Что ставай, моя голубушка,
10 Как принесла я, птичка вещая,
Тебе весточку нерадостну
Да известье невеселое.
Как не стало у нас, у бедных,
Как двух соколов да ясных,
15 Да двух героев да бесстрашных:
Как Серова, Анатолия Константиновича,
Уж поднебесной крылатой лебедушки,
Как Осипенко, Полины да Денисовны.
Уж я от сна да пробуждалася,
20 Вся слезамы обливалася.
Уж птичка вещая перепалася —
Уж на моем на хрустальном на стекольшке
Пятно ржавое осталось,
Уж то ржавое пятёнышко
25 Как ведь есть да так ведь будется —
Имена да ваши знаменитые,
Вовек веков они да не забудутся.
Как погляжу я, многобеднушка,
Уж как на лицу планёвую
30 Да на дороженьку почтовую,
Там старики стоят станицама,
Уж весь народ стоит толпицама,
Уж они стоят да удивляются,
Все слезамы уливаются,
35 Уж вас, герои, много жалеючи.
Вы были людюшки ученые
И головушки разумные,

- Уж в воздухе орламы златокрылыма свивалися,
А машины-то ведь вам повиновались.
- 40 Уж вдруг озлилася машина злонесчастная,
Уж придала смерть героям бесстрашным.
Уж вы, наши герои бесстрашные,
Летали в воздухе вы соколамы ясныма,
Уж плавали в морюшке утенышкамы серыма,
- 45 Уж бегали во полюшке вы рыбаарыма смелыма,
Вы имели под собой машины стальные,
Уж перелетывали перелеты да дальние.
Ох-ти, нам да всем тошнехонько.
- Кабы были крылья-перушки,
50 Так слетала бы я, беднушка,
Как на тое место видное,
На ваши похороны обидные,
Уж и сказала бы я, беднушка,
Хоть померли герои вы бесстрашные,
- 55 Но остались ваши жены не несчастныма.
О женах ваших есть заботушка,
А детям вашим есть помогушка.
А как в старое-то времечко,
При царях-то кровожадных,
- 60 Как осталася я, беднушка, удовушкой,
Удовушкой, победной головушкой,
Остались пять рожонных детушек
Голешеньки, босешеньки,
Об их никто ведь не заботился.
- 65 А у дорогого товарища Сталина
Ясли, площадки принастроены,
Как вдовам-то есть призреньеце,
Сиротам обеспеченьеце.
Ох-ти, мне-то есть тошнешенько,
- 70 Нам ведь жаль вас, героев бесстрашных,
обиднешенько-
Как на ваши еропланчики скоролетчаты
Сыновей я дам своих родимых
И дочерей я дам своих любимых.
Они летать да будут в воздухе.
- 75 Защищать будут свою родину.⁹⁹

ЛХХХІ. ПОЛУЧИЛИ МЫ ВЕСТЬ ПЕЧАЛЬНУЮ

- Как зима стоит холодная,
Холодная да погодливая.
Облака да тучи темные...
Полетели снежки белые,
5 Покрывали поля чистые;
Темно только да становится,
Холодно да все заводится.
Выше лесу, выше темного
Да по облачку ходячему,
10 Высоко там на воздухе
Полетел дирижабль да во дальний путь,
Во дальний путь да людей спасать:
Он летел во край во северный
За другима за товарищамы,
15 За героями — папанищамы.
Далеко они приотправились.
Ветры буйные да холодные,
Денечки темные да короткие,
Ночи длинные да снеговые —
20 Им нельзя да приподняться...
И несчастье тут случилось
В несчастливый день да во погодушку.
(Темнота таки неладная)
Занесло дирижабль непогодою
25 На крутую гору ледянистую.
Как на гору ту раскатился он
И разбился весь во дребезги.
Но не все погибли добры молодцы;
Там погиб да командир Гудованцев
30 Со своим да товарищамы,
Со удалыма добрыми молодцамы.
И получили мы весть печальную,
Весть печальную да весть нерадостную.
Ох, как жалко их, тяжелехонько!
35 Как в несчастный раз, в бестаменный час
Видно добры молодцы повывлетели.
Уж как жаль да погибших товарищей,
Да ничего уж не поделаешь.

- Заступят на их место другие.
- 40 Пожелаем мы им да всей семьей,
Всей семьей да нашей огромной,
Чтоб пролетели они да по-хорошему,
По пути да по благополучному,
В эту северну сторонушку,
- 45 На синее на морюшко,
Где сидят да моряки смелые,
Моряки смелые да люди ученые,
Карты научные да составляючи.
И про вас все люди знают,
- 50 Все о вас да вспоминают:
„Где у нас такие удалые
В стороне да в нашей северной?“
Ой ты гой еси, Сталин-батюшко,
Дорогой мой Виссарионович!
- 55 Обо всех ты нас заботишься:
О мужчинах, и о женщинах,
И о маленьких о детушках.
Ведь теперь пошла жизнь наша новая,
Как увидила свет темна женщина.
- 60 Не оставит Сталин-батюшка
Вас на льдиночке далекой,
Он о вас да позаботится,
Достать вас да поторопится.
Не скучайте там, не тревожьтесь,
- 65 Уж доставят вас в каменну Москву!
Пожелаем мы всей Россиюшкой,
Все малые да старые,
Все люди служивые
Возвращения на родину счастливого.¹⁷⁰

LXXXII. ПОЛОМАЛСЯ САМОЛЕТ ГЕРОЕВ-ЛЕТЧИКОВ

- Как назначили поход
Да во дальний путь да во северный;
Прощались добры молодцы
Да со своей семьей,
- 5 Прощались они с отцом, с матушкой,
Расставались они да с любимой женой,
Прощались они да не думали,
Что назад им уж не вылететь.
Кабы знали они да ведали —
- 10 Полетим мы на смеретушку,
Кабы знали они, так отсрочили,
Туда они да не повылетели.
Хоть и знало их да ретиво сердце,
Да не сказало им да добрым мелодцам,
- 15 Кабы знали они, что будет невзгодушка,
Ихним головушкам да смеретушка,
Не спустили их ихни женушки,
Не спустил бы их Сталин-батюшко,
Уговорили их да родны матери.
- 20 А летели они белой лебедушкой,
Белой лебедью по поднёбесью,
Не по полю летели, полю чистому,
Полетели они в страны холодные,
Да в ту дальнюю холодную сторонушку,
- 25 А назад полетели — на Архангельск путь.
Повстретило их да несчастьеце.
То не крылья позáмерли у лебедушки,
Подломились крылья нежны, крылья белые,
Поломался самолет героев-летчиков,
- 30 И упали они в быстру реченьку.
Приняла их речка быстра-струйчата,
Смочила перья у лебедушки.
Свои родные о ту пору их не видели,
Чужи люди о ту пору близко не были,
- 35 Хоть приехали, да было поздно все.
И погинули наши летчики,
Удалые буйны-смелые головушки.

От воды было им да тоненьце,
От огня было им да гореньце.
40 И все плакали люди добрые.
Привезли их во Москву, столицу славную.
Родна матушка села ко буйной голове,
Жены ихни сели ко ретивому сердцу.¹⁰¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. От своих слез горючих пропущу я речку быструю (плач по мужу) Записал М. Михайлов в феврале 1938 года. Причитывает от имени вдовы-беднячки. Воспроизведен дореволюционный социальный фон.

2. Соколог, родимой братец (плач по брату). Записала Е. И. Родина в августе 1939 г. Брат умер лет 30 тому назад. Причитывала тогда же.

3. Приоставил меня на горе, как на море (плач о сыне). Записала Антипова, А. Н. в марте 1937 г. Сын умер в 1924 г. Причитывала тогда же. О сыне см. в биографии А. П. Пашковой, стр. 55.

4. Уж ты, красно мое солнышко (плач на могиле сына) См. прим. 3.

5. Расскажу, бедна горюшица, про житье-бытье сиротское (плач сироты по дяде). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Причитывает от имени девушки-сироты. Слышала плач лет 25 тому назад.

6. Родитель моя матушка (плач по матери). Записала Антипова, А. Н. в марте 1937 г. Причитывает от имени девушки-сироты. Слышала лет 20 тому назад.

7. Грусть чернее черна ворона (плач по замужней дочери). Записала Антипова, А. Н. в марте 1937 г. Дочь умерла в 1933 г. в Петрозаводске. После нее осталась малолетняя дочь, внучка вопленицы. Муж умершей из города уехал и не помогает воспитывать свою дочь, оставшуюся на руках бабушки, А. М. Пашковой. Причитывала тогда же.

8. Поотпустила на леченьице (плач по сыну, увезенному в город на лечение от ревматизма). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Причитывала в 1929 г., когда сын уехал на лечение. О болезни сына см. в биографии А. М. Пашковой, стр. 55.

9. Потеряли мы селеньице (плач после пожара). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Пожар был, когда вопленица была еще в девушках. Причитывала тогда же. О пожаре см. в биографии А. М. Пашковой, стр. 54.

10. У меня горюшка—три морюшка (плач о сыне). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Сын умер в дореволюционное время. Причитывала тогда же. О сыне см. в биографии М. Ф. Павковой, стр. 98.

11. Как я жить буду, победная, во вдовином прозваньице (плач по мужу). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Муж умер в дореволюционное время. Причитывала тогда же. Плач вдовы при выносе гроба прерван при записи, т. к. М. Ф. Павкова при этом „расстроилась“ и продолжать не могла.

12. Уж я как стану жить, беднушка (плач по мужу). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Муж умер в дореволюционное время. Причитывала тогда же.

13. Как живу за мужем-пьяницей (плач замужней дочери по матери). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Мать умерла в 1918 г. Причитывала тогда же.

14. Пришла смерть-то неразумная (плач по дочери). Записал Михайлов, М. М. в феврале 1938 г. Дочь умерла в 1930 г. Причитывала тогда же.

15. Чем мне жить, горюхе горе-горюхоей (плач на могиле мужа). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Муж был убит деревом на лесозаготовках в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
16. Надолжится кручиной мое сердце ретивое (плач по мужу). Записала Е. Родина в 1938 году. Муж был убит в дореволюционное время. Причитывала тогда же. См. биографию Ф. И. Быковой, стр. 118.
17. Надо удить умножная рыбка трепучая (причитание на зимнем ужбище навая, на морской тубе). Записано в 1935 г. Причитывала в дореволюционное время.
18. Повыстала темная туча плавающая (причитание вдовы на сенокосе). Записано в 1935 г. Причитывала в дореволюционное время.
19. Отсылаю голос за синее море соленое (плач матери по утонувшему на море сыну). Записан в 1934 г. Сын утонул в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
20. Потопила тебя быстрая, струечная реченька (плач матери по утонувшему в море сыну). Записан в 1934 г. Сын утонул в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
21. Не катитесь, мой горюки, горючи слезы (плач замужней дочери по матери). Записан в 1934 г. Мать умерла в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
22. Закатилось красное солнышко за ручьи, пеной идучие (плач дочери по матери). Записан в 1912 г.
23. Как я сдержу свою кручину великую (плач сестры по брату). Записан в 1912 г.
24. Закрылись его очи ясные (плач жены по мужу). Записан в 1934 г. Муж умер в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
25. Ты куда теперь, моя надежда, отправляешься (плач по мужу). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Муж умер в дореволюционное время. Причитывала тогда же.
26. Госковала я, горюха, горе-горюхое (плач на могиле мужа). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. См. прим. 25.
27. Расступись-ка, мать сыра земля (плач дочери на могиле отца). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Отец умер в 1920 г. Причитывала тогда же.
28. Злодейной-то кручинушки сундуки да неподъемные (плач по мужу). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Муж умер в 1922 г. Причитывала тогда же.
29. Не по силушке работушку работаю (плач по отцу). Записала Г. Парилова в июле 1939 г. Отец умер в 1915 г. Причитывала тогда же.
30. Обмыла бы водою я бессмертною (плач на могиле отца). Записала Г. Парилова в июле 1939 г. См. прим. 29.
31. Оклевала тебя змея лютая (плач по сыну). Записала Г. Парилова в июле 1939 г. Сын умер в 1928 г., в возрасте 15 лет. Причитывала тогда же. Сын хорошо учился, чем весьма радовал мать (см. строки 32—37).
32. Оставила добротушка меня, сиротиночку (плач по матери). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Причитывала, еще будучи 13-летней девочкой.
33. Живу без сердечных родителей (плач на могиле родителей). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Причитывала еще в девичестве.
34. На слезах жена замешена (плач по мужу). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Муж умер в 1921 г. Причитывала тогда же.
35. Погляди, семья законная (плач на могиле мужа). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. См. прим. 34.
36. Сердце червшушом свивается (плач по сыну). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Сын умер в 1934 г. Причитывала тогда же.
37. Защищал он свою родину (плач по мужу, погибшему в боях с белыми). Записал В. В. Чистов в 1937 г. Причитывала в 1921 г., когда узнала о смерти мужа.
38. От кручины сердце ржавеет (плач по мужу). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Муж умер в 1932 г. Причитывала тогда же.

39. Пришло времечко тоскливое (плач на могиле мужа). См. прим. 38.
40. После тебя пришла зимушка холодная (плач на могиле матери). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Мать умерла в 1925 г. Причитывала тогда же.
41. Кабы были сизы крылышки (плач по сыну и дочери). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Сын умер в Красной армии на Дальнем Востоке. Дочь умерла в Сибири. Причитывает по ним и сейчас. Записанный плач — один из вариантов причитаний по сыну и дочери.
42. Кабы не пила вина красного (плач на могиле сгоревшей дочери). Записал М. Михайлов в июле 1938 г. Дочь была замужем. Оба с мужем выпивали. В пьяном виде опрокинули горевшую керосиновую лампу. Вспыхнул пожар, и дочь вместе с мужем сгорели. Случилось это весной 1938 г.
43. Продолжила тученька горькими слезиночками (плач по отцу). Записал М. Михайлов в 1938 г. Отец умер в 1935 г. Причитывала тогда же.
44. Сирота, как от камешка отщелкнута (плач дочери по матери). Записал М. Михайлов в 1938 г.
45. Потеряла потеряшечку, голову да безоценную (плач по сыну). Записал Михайлов в феврале 1938 г. См. стр. 190.
46. Желанная моя тетенька (плач по тетке). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Тетка умерла в 1937 г. после смерти сына вопленицы.
47. Родитель, моя матушка (плач замужней дочери по матери). Записал М. Михайлов в феврале 1938 г. Мать умерла 1934 г. Причитывала тогда же.
48. Как я ростила, горюшица (плач об одинокой доле). Записал М. Михайлов в 1938 г. Причитывала незадолго перед смертью сына. См. стр. 190.
49. Опустели мои белые горенки (плач об одинокой доле). Записала ученица Вейненской неполной средней школы Николаева, Н. Н. в марте 1938 г. См. стр. 198.
50. Вы, мои ясные соколы (плач после выхода сыновей из семьи). Записал М. Михайлов в 1937 г. Сыновья до женитьбы жили вместе с родителями. После женитьбы оба ушли жить на другие квартиры, обзавелись своею семьею.
51. Товарищ Сталин не оставит нас, победных (плач по мужу). Записал М. Михайлов в 1937 г.
52. Уж теперь времечко советское (плач по мужу). Записала Родина, Е. П. в мае 1939 г. Муж умер в 1929 г. по дороге из г. Петрозаводска. Причитывала тогда же. Последние 11 стихов „приплакала“ при записи. См. стр. 201.
53. О Зуевой см. стр. 146.
54. О М. Ф. Павковой см. стр. 98.

ПЛАЧИ И СКАЗЫ О В. И. ЛЕНИНЕ

55. О Пашковой, А. М. см. стр. 53.
56. Наше красное ты солнышко. Записал Михайлов М. в январе 1938 г.
57. Бессмертному Ленину. Записан в январе 1939 г.
58. Об А. В. Ватчиной см. стр. 182.
59. Проклинаю я врагов и неприятелей. Записал М. Михайлов в июле 1938 г.
60. Любимый вождь Ленин. „Сказы и плачи о Ленине“ Петрозаводск, 1937 г., стр. 24—27.
61. О Ф. И. Быковой см. стр. 118.
62. Постройте-ка стены везде да каменные. „Сказы и плачи о Ленине“, Петрозаводск, 1938 г., стр. 39—41.
63. Заветы твои все исполнены. Записан в январе 1939 г.
64. Александра Тимофеевна Конашкова, г. Петрозаводск пр. Урицкого, д. № 15. Домашняя ховяйка, 45 лет, грамотная.
65. Потерялц вождя всенародного. Записан в сентябре 1938 г.

66. Евдокия Алексеевна Кокунова, колхозница из дер. Колово Коловского с/с., Пудожского р-на, 53 лет.
67. Везде стала нам свободущка. Записала О. Г. Большакова в феврале 1938 г.
68. О М. Ф. Павковой см. стр. 98.
69. Прошел плач по белу свету. „Сказы и плачи о Ленине“, Петрозаводск, 1938 г., стр. 32—38.
70. Анна Николаевна Корешкова, колхозница из дер. Сиверская, Песчанского с/с., Пудожского р-на.
71. Уж как вспомним мы, бессчастныя. „Сказы и плачи о Ленине“, Петрозаводск, 1938 г., стр. 28—31.
72. Об Е. С. Журавлевой см. стр. 149.
73. Выполняют твои заветы верные. Записал М. Михайлов в августе 1939 г. Плач-сказ сложен в мавзолее Ленина при поездке в Москву на совещание сказителей.
74. Анастасия Степановна Уконен, домохозяйка, жена рабочего Онежского завода в г. Петрозаводске, 57 лет, малограмотная.
75. Уж вы вспомните товарища Ленина. „Сказы и плачи о Ленине“, Петрозаводск, 1938, стр. 21—23.
76. Об Е. П. Копейкиной см. стр. 201.
77. Уж пойти-ка мне, горящие. „Сказы и плачи о Ленине“. Петрозаводск, 1938, стр. 42—47.

ПЛАЧИ О С. М. КИРОВЕ

78. Об Е. С. Журавлевой см. стр. 149.
79. Прошипела змея лютая. Записан в 1938 г.
80. О Ватчиевой А. В. см. стр. 182.
81. Сердце женское без огня да разжигалось. О сложении плача см. в биографии А. В. Ватчиевой. Записала Е. П. Родина в 1938 г.
82. Пелагея Назарьевна Денисова, из дер. Семеновой, Семеновского с/с., Пудожского р-на, жена кустаря-сапожника, 60 лет.
83. Дела твои великие не забудет наша родина. Записала Белованова в июле 1938 г.

ПЛАЧИ О Н. К. КРУПСКОЙ

84. О Конашковой см. прим. 64.
85. Уж ты, дочь, сестра народная. Записан в марте 1939 г.
86. Об Е. С. Журавлевой см. стр. 149.
87. Перестало биться сердце большевистское. Записан в марте 1939 г.
88. М. Т. Мишаева из дер. Теревовская, Пудожского р-на.
89. Понесли из зала из колонного. Записан в 1939 г.

ПЛАЧИ О В. П. ЧКАЛОВЕ

90. Об А. М. Пашковой см. стр. 53.
91. Ему ветра повиновались. Записала Е. П. Родина в декабре 1938 г.
92. Об Е. С. Журавлевой см. стр. 149.
93. Как прославлю, многобеднушка. Записал М. Михайлов в мае 1939 г.
94. Вечно будем тебя памятить. Записан в декабре 1938 г.
95. Об А. В. Ватчиевой см. стр. 182.
96. Не боялся он ветров буйных. Записан в 1939 г.
97. Другом нашим, Горький, ты мне кажешься (плач-сказ о М. Горьком). Записан от А. М. Пашковой в 1939 г. (Об А. М. Пашковой см. стр. 53).

98. Они спать легли во пучину глубокую (плач об экипаже Леваневского). Записан от С. В. Якушевой, колхозницы из дер. Семеновой, Семеновского с/с., Пудожского р-на, 50 лет, неграмотная. Записала Белованова.

99. Сыновей я дам своих любимых (плач об Осипенко и Серове). Записан от Е. С. Журавлевой. (Об Е. С. Журавлевой см. стр. 149). Записала Е. П. Родина в июне месяце 1939 г.

100. Получили мы весть печальную (сказ о гибели дирижабля СССР—В-6). Записан от Е. А. Кокуновой, колхозницы из дер. Колово, Коловского с/с., Пудожского р-на. Записала О. Г. Большакова.

101. Поломался самолет героев-летчиков. (Сказ о летчиках, погибших под г. Архангельском). Записан от Ф. И. Быковой. (Об Ф. И. Быковой см. стр. 118). Записал В. Чистов в июле 1938 г.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

- Б а я т ь** — говорить.
Б е с т а м о б н ы й — несчастливый.
Б а ж ё н ы й — любимый, желанный, милый.
Б л а д о й — молодой.
Б о л ь ш е в ы т н ы й — прожорливый, с большим аппетитом.
Б о г о д а н н ы й — ближайшие родственники мужа: отец, мать, братья, сестры.
Б р ю з г а — женщина из родни жениха, участвующая в свадебном поезде.
Б р о и с т ы й, **б р о н и с т ы й** овес — овес с полными, сочными кистями.
Б ё в к а — могила.
Б у н ч и т ь — звенеть, гудеть.
В е т л я и ы й, **ветляная невестка** — чужая, взятая замуж из другой деревни, как бы с ветру.
В о п о т а й — тайно.
Д р а ч и т ь — глздить.
Д я д е н к а — жена дяди.
Ж а д о б н ы й — любимый.
Ж а р а т о к — углубление в ошестке перед устьем печи для хранения горящих углей.
Ж и р у ш к а — жизнь.
Ж и в л ё н ь и ц е — жизнь, житье.
Ж у п и т ь — петь, жулячий — певчий.
З а к л е к н у т ь с я — замолчать, подавиться чем-нибудь
З а т р и щ ь е — прибрежная часть озера, заросшая камышом и травой.
З ё б е л ь н ы й — озябший, застывший, истрадавшийся.
И с т ь и ц а — яства.
И м а т ь — брать.
К и с о в ы й — см. тисовый.
К о л о в ы й — жестокий.
К о л о т л и в ы й — неудобный, тряский.
К о р б у ш к и — бурелом.
К о ш е л ь — сплоченный лес для сплава.
К о с и в ч а т о окно — косящатое, с косяками и рамой.
К р а с и г о р к а, **к р а с и в о р к а** — ласковое обращение, любимая, красивая.
Л а п о т и н а — верхняя одежда.
М е н у х — меняющий лошадей.
М н о г о п о б е д н а я — беззащитная, испытывающая много бед.
М н я — меня.
М о т о с л и в ы й (мытарсливый?) — неудобный, причиняющий мучения.
Н а б — надо бы, нать — надо.
Н а д р ы г а т ь с я — издеваться.
Н е з н а е м ы й — неизвестный.
Н у ж д а т ь с я — (зд.) сердиться.
Н у ж н ы й — (зд.) трудный, с нуждой.
Н о н ь, **н у н ь к у** — нынче, теперь.
О б и д н а я — огорченная.

Обно́чь и де — ночная тьма, мгла.
Обря́д ить ся — спрятаться.
Оста́тний — последний.
Ошё́сток — выступ перед устьем печи, сложенный из кирпича.
Паха́ть, пахатъ пол в избе — выметать сор из избы.
Петарі́цы — подруги невесты.
Перепа́сть ся — испугаться.
Пеня́ть — упрекать, корить.
Приста́ть — (зд) устать.
Приту́л ить ся — прижаться, прислониться.
Побе́дный — вынесший много горя, беззащитный.
Поря́довый — см. спорядовый.
По́рн ый — сильный, здоровый, взрослый.
Пора́то — очень, сильно, много, весьма.
Поло́х ать ся — пугаться.
Пора́внёше нь ко — пусто.
Поче́сный, поче́тный угол — большой угол, тот угол избы, где висят иконы.

Ре́тов ать — упрекать.
Растите́лек — раститель, кормилец.
Славу́тн ая славу́тн ика — имеющая хорошую славу, известность.
Се́дни — сегодня.
Семе́юшка вако́нн ая — (зд) муж, ласковое обращение к супругу.
Смы́гл ый — печальный.
Смы́ка́ть ся — шлаться, шататься, бродить.
Споря́до вы й — живущий рядом, ближайший сосед.
Скопи́ть ся — собраться.
Соба́на — все свое, имущество, богатство.
Солне́став — восход солнца.
Сто́пка — вешалка.
Судья́чи ть — жаловаться.
Супоста́т ый — вражий, вражеский.
Тало́е место — солнцепёк, растаявшая земля.
Талешенька́я моги́ла — могила, на которой уже земля оттаяла.
Та́шеца — пташка.
Те́реб — расчисть из-под кустарника, зарослей.
Тисо́вы й — сделанный из тиса, красного дерева.
Тра́тор — лесоруб, прокладчик просек в лесу.
Тя́га — (зд) ручка у дверей, скоба.
Ты́меш ь — тогда, в то время.
Удби́це, ужби́це — ужение рыбы, ловля рыбы на крючок.
Уту́л ить ся — схорониться, спрятаться.
Фа́е ра — квартира.
Фере́тн ик — мелкий хвойный кустарник.
Хожа́л ый — ходячий, могущий ходить.
Чело́дүчи й — шумливый.
Шело́млённ ый — покрытый крышей.
Што́фн ый — сделанный из шелковой плотной ткани. обычно с разводами.
Ю — ее.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От составителя	3
Карельская причеть в новых записях. Г. С. Виноградов	4
Русские плачи Карелии. М. М. Михайлов	21

1. ПОХОРОННЫЕ И БЫТОВЫЕ ПЛАЧИ

ПЛАЧИ А. М. ПАШКОВОЙ

А. М. Пашкова	53
I. От своих я слез горячих пропущу я речку быструю (плач по мужу)	57
II. Соколочек, родимой братец (плач по брату)	64
III. Приоставил меня на горе, как на море (плач о сыне)	75
IV. Уж ты, красно мое солнышко (плач на могиле сына)	79
V. Расскажу, бедна горящица, про житье-бытье сиротское (плач сироты по дяде)	83
VI. Родитель, моя матушка (плач по матери)	86
VII. Грусть чернее черна ворона (плач по замужней дочери)	88
VIII. Поотпустила на леченьице (плач по сыну, увезенному на лечение)	93
IX. Потеряли мы селеньице (плач после пожара)	96

ПЛАЧИ М. Ф. ПАВКОВОЙ

М. Ф. Павкова	98
X. У меня горяшка — три морюшка (плач о сыне)	99
XI. Как я жить буду победная, во вдовином прозваньице (плач по мужу)	102

ПЛАЧ У. О. СТАРОВЕРОВОЙ

XII. Уж я как стану жить, беднушка (плач по мужу)	105
---	-----

ПЛАЧИ М. Я. ИСАКОВОЙ

М. Я. Исакова	10
XIII. Как живу за мужем-пьяницей (плач замужней дочери по матери)	11
XIV. Пришла смерть-то неразумная (плач по дочери)	11

ПЛАЧ А. Ф. КАСЬЯНОВОЙ

XV. Чем мне жить горяхе горе-горькоей (плач на могиле мужа)	116
---	-----

ПЛАЧ Ф. И. БЫКОВОЙ

Ф. И. Быкова	118
XVI. Надоволился кручиной мое сердце ретивое (плач по мужу)	120

ПЛАЧИ Е. А. ПЕТУХОВОЙ

- Е. А. Петухова 122
 XVII. Надо удить умножная рыбка трепучая (*причитание на зимнем
 ужище навал, на морской губе*) 123
 XVIII. Повыстала темная туча плавушая (*причитание вдовы на сенокосе*) 126

ПЛАЧИ У. А. БАКАНОВОЙ

- XIX. Отсылаю голос за синее море соленое (*плач матери по утонув-
 шему в море сыну*) 128
 XX. Потопила тебя быстрая, струечная реченька (*плач матери по
 сыну, утонувшему в реке*) 130
 XXI. Не катитесь мои горьки, горячи слезы (*плач замужней дочери
 по матери*) 132

ПЛАЧИ Ф. И. ТИТОВОЙ

- XXII. Закатилось красно солнышко за ручьи пеной идучие (*плач дочери
 по матери*) 134
 XXIII. Как я сдержу кручину великую (*плач сестры по брату*) 137
 XXIV. Закрылись его очи ясные (*плач жены по мужу*) 139

ПЛАЧИ А. И. МОШКИНОЙ

- XXV. Ты куда теперь, моя надежда, отправляешься (*плач по мужу*) . . . 141
 XXVI. Тосковала я, горюха, горе-горькое (*плач на могиле мужа*) 143

ПЛАЧ П. М. САВИНКОВОЙ

- XXVII. Расступись-ка, мать-сыра земля (*плач дочери на могиле отца*) . 144

ПЛАЧ А. Т. ЗУЕВОЙ

- XXVIII. Злодейной-то кручинушки сундуки да неподъемные (*плач по мужу*) 146

ПЛАЧИ Е. С. ЖУРАВЛЕВОЙ ✓

- Е. С. Журавлева 149
 XXIX. Не по силушке работушку работаю (*плач по отцу*) 152
 XXX. Обмыла бы водою я бессмертною (*плач на могиле отца*) 155
 XXXI. Оклевала тебя змея лютая (*плач по сыну*) 157

ПЛАЧИ П. В. ПИМЕНОВОЙ

- XXXII. Оставила добротушка меня, сиротиночку (*плач по матери*) 159
 XXXIII. Живу без сердечных родителей (*плач на могиле родителей*) . . . 162
 XXXIV. На слезах жена замешана (*плач по мужу*) 165
 XXXV. Погляди, семья законная (*плач на могиле мужа*) 167
 XXXVI. Сердце червушком свивается (*плач по сыну*) 168

ПЛАЧ А. И. КОРЕШКОВОЙ

- XXXVII. Защищал он свою родину (*плач по мужу, погибшему в боях с
 белыми*) 170

ПЛАЧИ Е. И. ТЕРЕХОВОЙ

- XXXVIII. От кручины сердце ржавеет (*плач по мужу*) 172
 XXXIX. Пришло времечко тоскливое (*плач на моги-е мужа*) 174

ПЛАЧ Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

XL. После тебя пришла зимушка холодная (плач на могиле матери) 175

ПЛАЧ А. Г. ХМЫЛОВОЙ

XLI. Кабы были сизы крылышки (плач по сыну и дочери) 178

ПЛАЧ М. И. ФОМИНОЙ

XLII. Кабы не пила вина красного (плач на могиле сгоревшей дочери). . 180

ПЛАЧИ А. В. ВАТЧИЕВОЙ

А. В. Ватчиева 182

XLIII. Продолжила тученька горькими слезиночками (плач по отцу) . . 184

XLIV. Сирота, как от камешка отщелкнута (плач дочери по матери) . . 188

ПЛАЧИ У. Г. МОИСЕЕВОЙ

XLV. Потеряла потеряшечку, голову да безценную (плач по сыну) . ✓ 190

XLVI. Желанна моя тетенька (плач по тётке) 194

XLVII. Родитель, моя матушка (плач замужней дочери по матери) . . . 196

XLVIII. Как я росла, горюлица (плач об одинокой доле) 197

ПЛАЧ М. М. МАТВЕЕВОЙ

XLIX. Опустели мои белые горенки (плач об одинокой доле) 198

ПЛАЧ П. М. ГОРДЕЕВОЙ

L. Вы, мои ясные соколы (плач после выхода сыновей из семьи) . . 199

ПЛАЧ П. Э. РАЖИКОВОЙ ✓

LI. Товарищ Сталин не оставит нас, победных (плач по мужу) . . . 200

ПЛАЧ Е. П. КОПЕЙКИНОЙ ✓

Е. П. Копейкина 201

LII. Уж теперь времечко советское (плач по мужу) ✓203

2. СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

LIII. Свадебные причитания А. Т. Зуевой 209

LIV. Свадебные причитания М. Ф. Павковой 232

3. ПЛАЧИ И СКАЗЫ О ВОЖДЯХ И ГЕРОЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПЛАЧИ И СКАЗЫ О В. И. ЛЕНИНЕ

LV. Наше красное ты солнышко. А. М. Пашковой 248

LVI. Бессмертному Ленину. А. М. Пашковой 251

LVII. Проклинаю я врагов и неприятелей. А. В. Ватчиевой 253

LVIII. Любимый вождь Ленин. А. В. Ватчиевой 255

LIX. Постройте-ка стены везде да каменные. Ф. И. Быковой 257

LX. Заветы твои все исполнены. Ф. И. Быковой 259

LXI. Потеряли вождя всенародного. А. Т. Коцашковой 260

LXII. Везде стала нам свободоушка. Е. А. Кокуновой	262
LXIII. Прошел плач да по белу свету. М. Ф. Павковой	265
LXIV. Уж как вспомним мы, несчастные А. И. Корешковой	269
LXV. Выполняются твои заветы верные Е. С. Журавлевой	271
LXVI. Уж вы вспомните товарища Ленина. А. С. Уконом	273
LXVII. Уж пойти-ка мне, горящие. Е. П. Копейкиной	275

ПЛАЧИ И СКАЗЫ О С. М. КИРОВЕ

LXVIII. Прошипела змея люгая. Е. С. Журавлевой	278
LXIX. Сердце женское без огня разжигалось. А. В. Ватчевой	282
LXX. Дела твои великие не забудет наша родина. П. И. Денисовой	284

ПЛАЧИ О Н. К. КРУПСКОЙ

LXXI. Уж ты, дочь, сестра народная. А. Т. Конашковой	289
LXXII. Перестало биться сердце большевистское. Е. С. Журавлевой	288
LXXIII. Понесли из зала из колонного. М. Т. Мишаевой	286

ПЛАЧИ О В. П. ЧКАЛОВЕ

LXXIV. Ему ветра повиновались. А. М. Пашковой	290
LXXV. Как прославлю, многобеднушка. Е. С. Журавлевой	294
LXXVI. Вечно будем тебя помнить. А. Т. Конашковой	296
LXXVII. Не боялся он ветров буйных. А. В. Ватчевой	297

ПЛАЧ О М. ГОРЬКОМ

LXXVIII. Другом нашим, Горький, ты мне кажешься. А. М. Пашковой	299
---	-----

ПЛАЧИ И СКАЗЫ О ПОГИБШИХ ЛЕТЧИКАХ

LXXIX. Они спать легли во пучину глубокую (плач об экипаже Лева- невскою) С. В. Якушевой	302
LXXX. Сыновей я дам своих любимых (плач о П. Осипенко и А. Серове). Е. С. Журавлевой	304
LXXXI. Получили мы весть печальную (сказ о шбели дирижабля СССР— В-б) Е. А. Кокуновой	306
LXXXII. Поломался самолет героев-летчиков (сказ о летчиках, погибших под Архангельском) Ф. И. Быковой	308
Примечания	310
Словарь местных слов	315

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
24	13 снизу	образы	образцы.
50	8 сверху	Федосовой	Федосова
122	2 сверху	Нюха	Нюхча
258	1 сверху	Быковой 62	Быковой 61

Зак. № 3217